

ТТ 9(584.5)
П338.

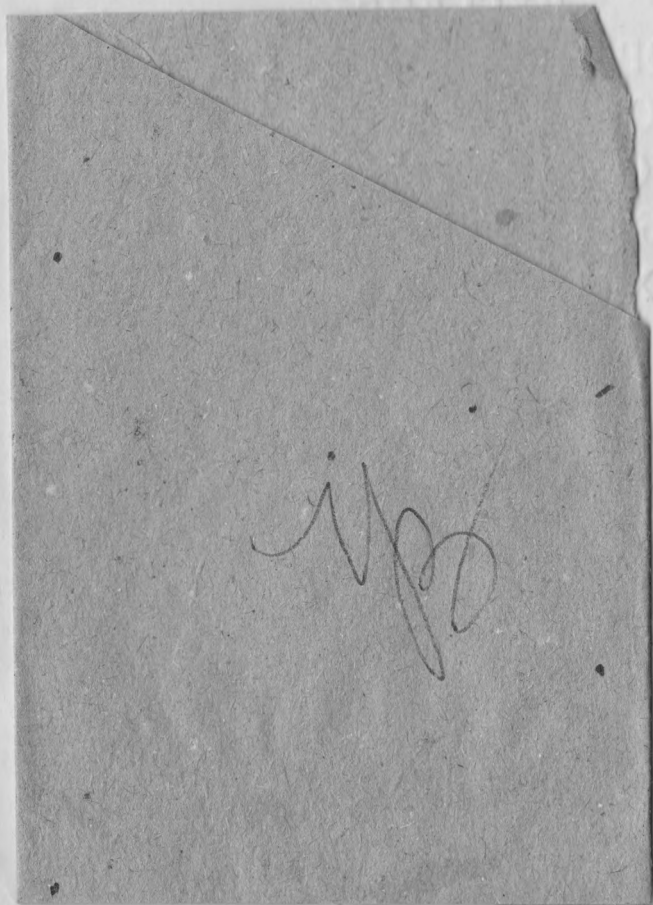

ХАЙДАРШО ПИРУМШОЕВ

русская

**РУССКИЕ
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛИ О
ГОРОДАХ ВОСТОЧНОЙ
БУХАРЫ КОНЦА
XIX-НАЧАЛА XX ВВ.**

EXHIBIT 111 0104102X

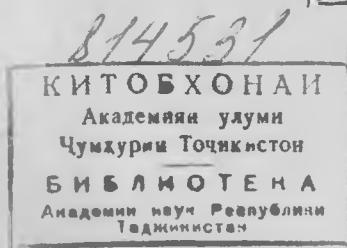

72(5845)
19228
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. ДОНИША
АН РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ДУШАНБИНСКИЙ ГОСПЕДУНИВЕРСИТЕТ им. К. ДЖУРАЕВА

ХАЙДАРШО ПИРУМШОЕВ

РУССКИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ГОРОДАХ
ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ
КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВВ.

Ответственный редактор —
док. ист. наук, проф. Маджлисов О. Р.

«ДОНИШ»
ДУШАНБЕ — 1992

Пирумшоев Х. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX — начала XX вв. — Душанбе, «Дониш», 1992, 132 с.

Работа посвящена историографическому анализу научного наследия русских дореволюционных ученых и путешественников, посвященного истории и жизни городов Восточной Бухары конца XIX — начала XX вв. Основываясь на многочисленных сведениях, содержащихся как в опубликованных, так и в неопубликованных (путевые заметки, служебные представления, дневники, отчеты) работах, автор убедительно показывает научные заслуги первооткрывателей края Н. А. Маева, В. Ф. Ошанина, А. Э. Ретеля, П. Е. Косыкова, Е. Грум-Гржимайло, В. Л. Громбичевско-го, И. В. Мушкетова, В. В. Бартольда, А. А. Семенова, Г. А. Арандарен-ко, В. И. Липского, А. Е. Снегарева и многих других, благодаря которым не только Россия, но и вся Европа получили сведения об этом отдален- ном и труднодоступном районе Средней Азии.

Анализируя социальную и административную структуру городов, ав- тор показывает сущность феодального режима управления, пытается оп- ределить численность и этнический состав городского населения. Дается обстоятельный анализ сведений русских исследователей об экономике и культуре этих городов.

Монография может быть использована в качестве спецкурса для сту- дентов исторических факультетов вузов республики. Рассчитана на ши- рокую аудиторию читателей, интересующихся дореволюционной историей таджикского народа.

Рецензенты: докторы ист. наук Н. Б. Хотамов,
О. Б. Бакиев.

П 0503020912—043 — без объявл.
М 502—91

ISBN 5—8366—0396—0

© Издательство «Дониш», 1992 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Одним из последствий включения Средней Азии в состав России явилось всестороннее изучение этого края русскими исследователями. Будучи зачинателями подлинно научного изучения Средней Азии, они накопили огромное количество достоверных научных материалов, относящихся к истории культуры, археологии и этнографии местных народов¹. Совершенно справедливы слова академика В. В. Бартольда о том, что изучением истории и культуры народов Средней Азии «учёный мир почти всецело обязан русской науке»².

Поэтому не случайно в последние годы внимание некоторых советских историков-востоковедов сосредоточено на решении вопросов, определяющих вклад русских дореволюционных исследователей в изучение истории, археологии и этнографии народов Средней Азии. К ним прежде всего относится Б. В. Луниц, создавший ряд работ, специально посвященных вопросам истории становления и развития отечественного востоковедения и его заслугам в области всестороннего изучения исторического прошлого Средней Азии³. Заслуги отдельных представителей прогрессивной русской востоковедческой школы в изучении Средней Азии, в особенности Таджикистана, освещены в научно-биографических работах Б. А. Литвинского, Н. М. Акрамова и Х. Ф. Акрамовой⁴. Интерес представляют книга Э. А. Масанова «Очерки истории этнографического изучения казахского народа» (Алма-Ата, 1966) и выпущенная в 1963 г. Фрунзенским издательством «Илим» работа под названием «Русские путешественники и исследователи о киргизах», написанная научными сотрудниками Института истории АН Киргизской ССР. Особый интерес вызывает и работа Д. Ю. Арапова «Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии» (МГУ, 1981).

Освещению вклада русских исследователей в изучение прошлого Таджикистана посвящены работы академика АН Таджикистана Б. И. Искандарова⁵, статьи Д. Е. Хайтуна и Ю. А. Шибасовой⁶, О. Бокиева⁷, М. Р. Шукурова⁸, а также монографии О. Бокиева⁹ и диссертация Н. М. Акрамова¹⁰.

Заслуги русских дореволюционных исследователей в изучении Средней Азии, в том числе Таджикистана, в общих чертах освещаются во многих работах по истории среднеазиатских народов и в монографиях общен исторического характера, вышедших за последние годы. Все это свидетельствует о том, что советские историки в этом направлении добились значительных успехов.

Но, как отмечает Б. В. Луниц, «оценить по достоинству крупный и разносторонний вклад русской науки в дело изучения природы и истории Средней Азии можно только тогда, когда мы будем располагать конкретными исследованиями вопроса по отдель-

ным отраслям знаний»¹¹. Исходя из этого, следует отметить, что еще немало вопросов, касающихся выявления вклада русских дореволюционных исследователей в изучение истории и истории культуры народов Средней Азии, остается открытым. К числу наиболее важных проблем относится определение их заслуг в изучении городов Средней Азии. Разработка данного вопроса способствовала бы не только выявлению вклада русских учёных и путешественников в этом направлении, но и более полному освещению истории ряда городов Средней Азии. Это в большей степени касается городов Восточной Бухары¹², для изучения которых сведения русских исследователей являются крайне важными.

Как известно, географическая изолированность и труднодоступность сделали Восточную Бухару почти на века неведомой для науки. Кроме крайне редких и несвязанных друг с другом упоминаний средневековых путешественников об отдельных районах, какие-либо достоверные сведения о её далеком прошлом отсутствуют.

Лишь утверждение протектората России над Бухарским ханством, окончательное присоединение этих горных независимых и полунезависимых владений к последнему в известной мере открыли путь русским исследователям к изучению этого края. Несмотря на то, что «задачи», которые ставило царское правительство перед представителями науки в основном исходили из его колонизаторских намерений¹³, тем не менее большинство учёных и путешественников видели свое призвание в честном и добросовестном служении отечественной науке и в обогащении её новыми сведениями по истории и культуре малоизвестных для науки народов. «Выдающиеся представители отечественного востоковедения, — подчеркивает академик Б. Г. Гафуров, — создали традицию научной принципиальности, уважения к культуре, языкам, быту народов Востока, научной критики источников, накопили большой опыт исследования и публикации восточных текстов»¹⁴.

Преодолевая неимоверные трудности, а порой к опасности (бездорожье, преследования со стороны фанатично настроенного местного духовенства), русским исследователям удалось собрать огромное количество фактического материала, касающегося различных сторон жизни Восточной Бухары. Важность их сведений состоит не только в том, что они являются ценными источниками для изучения городов Восточной Бухары конца XIX — начала XX вв., но и в том, что они в совокупности с другими позволяют в какой-то мере заглянуть в глубь столетий, в тысячелетнюю историю городов указанной территории.

Но к сожалению из-за отсутствия специальных работ заслуги русских исследователей в изучении городов края и поныне остаются не в полной мере выявленными. Неразработанность данного вопроса, его важность и побудили автора к настоящему ис-

следованию. В его намерения входит: показать насколько история и жизнь городов Восточной Бухары нашли свое отражение в работах русских дореволюционных исследователей и путешественников, определить их вклад в изучение данного вопроса и тем самым содействовать более полному изучению истории городов Средней Азии.

Города как объект исследования чаще всего привлекают внимание учёных потому, что в них более ярко наблюдаются все стороны социально-экономической и культурной жизни территории, центром которой они являются. По словам Н. Н. Баранского, города отражают «в себе, как в фокусе, наиболее характерные черты входящей в круг их влияния территории»¹⁵.

Вопрос о всестороннем изучении городов Средней Азии остается в центре внимания отечественного востоковедения и археологии¹⁶. Необходимость такого изучения особенно ощущается в отношении городов Восточной Бухары¹⁷, которые и поныне не стали объектом специального обследования.

В настоящее время, в связи с тем, что за период социалистического строительства до неузнаваемости изменился облик этих городов и некоторые из них (такие, как Душанбе, Курган-Тюбе, Куляб и др.) превратились в современные промышленные центры, особенно повышается интерес к их прошлому. И в этом отношении крайне важно указание В. И. Ленина на то, что «самое надежное в вопросе общественной науки... это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹⁸.

Несмотря на отсутствие специальных работ¹⁹ по данному вопросу, он всё-таки был частично затронут в ряде исследований. В появившихся за годы советской власти многочисленных трудах по истории и археологии дореволюционного Таджикистана отражаются отдельные стороны жизни городов края второй половины XIX — начала XX в. Это особенно относится к исследованиям Б. Г. Гафурова, Н. Я. Кислякова, Б. И. Искандарова, А. Р. Маджлисова, М. Хамраева, Ш. Юсупова, Н. Латипова и ряда других исследователей.

Результаты археологических исследований ученых (М. Е. Масон, А. М. Беленицкий, М. М. Дьяконов, Б. А. Литвинский²⁰ и др.) в известной степени пролили свет на ранние периоды истории отдельных городов края. В этом отношении особенно следует отметить совместную работу А. М. Беленицкого, И. Б. Бентовича и О. Г. Большакова «Средневековый город Средней Азии» (Л, 1973). Этот труд является наиболее важным и фундаментальным исследованием средневекового города Средней Азии, но, к сожа-

лению, он охватывает лишь наиболее известные в средневековые города Средней Азии, в том числе и ряд городов, расположенных на интересующей нас территории в раннее средневековье (до XIII в.). Большинство из них впоследствии превратились в развалины и перестали существовать.

Сведения о Восточной Бухаре и ее городах на страницах русской печати в основном начали появляться в 70-х годах XIX в. Однако следует отметить, что никто из дореволюционных авторов не задавался целью специального исследования городов этого края. Большинство, не являясь специалистами-историками, уделяли мало внимания изучению городов и их положения как важных политических, экономических и культурных центров. Те многочисленные сведения, которые имеются в их работах, являются разбросанными и отрывочными.

Но это не умаляет их заслуг. «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому что они дали нового сравнительно со своими предшественниками»²¹. Эти слова В. И. Ленина позволяют оценить заслуги русских дореволюционных авторов, тем более что у них почти не было предшественников. Они первыми проложили путь к научному изучению прошлого края (включая города).

Первые достоверные сведения о городах Восточной Бухары даются Н. А. Маевым (1835—1896). Служивший на должности главного редактора «Туркестанских ведомостей», он возглавлял экспедицию, организованную генерал-губернатором в 1875 г. с целью обстоятельного ознакомления «со всей местностью от Гиссарского края до Аму-Дарьи»²². Являясь первым из русских исследователей, посетивших край,²³ (кроме Каратекина и Дарваза), Н. А. Маев на основе личных наблюдений и путем расспросов местных жителей собрал множество материалов, касающихся не только того времени, но и более раннего периода. Кроме того, он собирал различные сведения об отдельных археологических объектах и давал их описания.

Результаты его поездки были опубликованы в ряде его статей на страницах периодической печати²⁴. Большинство из них затем вошло как отдельные работы в статистический «Ежегодник»²⁵.

В 70-е годы появились сведения о самых отдаленных городах Восточной Бухары — Гарме и Калаи-Хумбе. Впервые наиболее подробные сведения о Каратегине и его столице были опубликованы самаркандским губернатором К. А. Абрамовым в 1870 г.²⁶ В основе его «Записки» лежали расспросные материалы, собранные для него посланцами каратегинского владетеля Музафархона в конце 60-х годов. Здесь даются ценные сведения о Гарме еще до завоевания его бухарцами. Вторая более обстоятельная работа о Каратегине и его столице «Каратегин», (составленная также по

расспросным сведениям), принадлежит управляющему нагорным районом Г. А. Арандаренко²⁷.

Первым из русских исследователей (и европейцев) посетил Каратегин и его столицу видный ученый-зоолог В. Ф. Ошанин в 1878 г. Результаты наблюдений опубликованы в его работе «Каратегин и Дарваз»²⁸. В ней, как свидетельствует название, давались некоторые сообщения и о Дарвазе, собранные автором путем расспросов.

К концу 70-х годов относится работа известного русского востоковеда И. П. Минаева (1840—1890) «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи» (СПб., 1879), где автор на основе имеющихся к тому времени сведений дает ряд важных материалов по интересующей нас проблеме.

В последующие годы, когда участились посещения русскими путешественниками Восточной Бухары, естественно, увеличилось и количество сведений о городах края. В этом немалая заслуга принадлежит научным обществам. В Туркестане развернули свою научную деятельность не только филиалы всероссийских обществ (Туркестанский отдел «Русского географического общества», «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии»), но и местные научные общества («Общество сельского хозяйства», «Туркестанский кружок любителей археологии», «Закаспийский кружок любителей археологии и истории Востока» и др.). Всего же в пределах Туркестана существовало около 15 научных обществ²⁹. Членами некоторых из них являлись исследователи Восточной Бухары.

Наиболее ценные сведения о городах Восточной Бухары, появившиеся на страницах печати в 80-е годы, принадлежат ботанику А. Э. Регелю, топографу П. Е. Косякову, известным ученым-путешественникам Г. Е. Грумм-Гржимайло (1860—1936) и Б. Л. Громбчевскому (1855—1926), вышеупомянутому Г. А. Арандаренко, военному топографу Бенденрскому, Н. А. Покотило, И. В. Мушкетову, капитану Васильеву, Либиенталю и ряду других авторов³⁰. Их сведения пополнялись результатами исследований авторов, посетивших край в 90-е годы прошлого столетия и начале XX в. (Б. Л. Громбчевский, доктор И. Л. Яворский, Б. Н. Литвинов, А. А. Семенов, В. И. Липский, капитан Кузнецов, Спесарев, А. А. Бобринский, А. В. Нечаев, Варыгин и ряд других). Немало полезных сведений имеется в работах Д. Н. Логофета³¹ и В. Н. Масальского³².

В изучении истории городов Восточной Бухары особое место занимают труды выдающегося русского востоковеда В. В. Бартольда. Основываясь на сообщениях средневековых путешественников и оригинальных местных источниках, академик В. В. Бартольд в своих трудах, написанных как до революции, так и в годы советской власти, излагает отдельные периоды средневековой

истории ряда городов Восточной Бухары³³. О том, что В. В. Бартольд уделял большое внимание проблеме города, свидетельствуют следующие его слова: «О среднеазиатском городе я говорил не только в «Культуре мусульманства», но и в своей диссертации, и во многих других работах: именно буду и дальше, пока жив, заниматься этим вопросом, как вообще историей Средней Азии»³⁴. В. В. Бартольд впервые была сформулирована схема членения средневековых городов Средней Азии³⁵, которая до сих пор не потеряла своего научного значения³⁶.

Отечественная востоковедческая наука многим обязана известному востоковеду А. А. Семенову (1873—1958). Еще до революции он получил известность как неутомимый исследователь Средней Азии. В его работах имеется немало важных сведений и о городах Восточной Бухары³⁷. От большинства других дореволюционных исследований его работы отличаются своим глубоким научным содержанием.

В данной работе использованы материалы из различных фондов Центрального Государственного Военно-исторического архива (г. Москва), архива Географического Общества СССР (г. Ленинград), архива Академии наук СССР (Ленинградское отделение), архива Ленинградского филиала Института востоковедения АН СССР, Центрального государственного исторического архива УзССР (г. Ташкент).

Особенно ценные материалы обнаружены в архиве Географического Общества СССР, где хранятся рукописи работ, дневники, заметки письма и другие документы многих путешественников-исследователей Средней Азии³⁸.

Не менее важные материалы имеются и в Центральном Государственном архиве УзССР³⁹.

Автором также использованы материалы, опубликованные на страницах русской дореволюционной периодической печати⁴⁰. Большой ценностью для любого исследователя, занимающегося проблемами дореволюционной истории Средней Азии, является знаменитый «Туркестанский сборник»⁴¹ В. И. Межова, который хранится в Государственной публичной библиотеке им. А. Навои (г. Ташкент).

Полностью осознавая неопределимые заслуги русских дореволюционных исследователей, в то же время следует отметить и то, что они были представителями своего класса. Подавляющее большинство их было последователями прогрессивных тенденций русской востоковедческой школы, сочувственно относилось к бедственному положению местных народов, у которых, по их мнению, «совершенно не было религиозного и национального фанатизма»⁴². В своих работах они не раз отмечали алчность местных феодалов, беззастенчиво грабивших свои народы. Но в силу своих социальных убеждений даже самые передовые востоковеды (В. В. Бар-

тольд, М. С. Андреев и др.) и видные учёные-путешественники (Б. Л. Громбчевский, Г. Е. Грум-Гржимайло и др.) не смогли выйти из рамок концепций буржуазно-либерального направления. Им были присущи «непонимание объективной закономерности исторического процесса, представление о государстве, как надклассовой силе»⁴³. Привязанность к своему классу лишала дореволюционных востоковедов возможности раскрыть подлинные законы общественного развития, ключ к пониманию которых дает только марксистско-ленинская методология. Но, как указывал В. И. Ленин, буржуазные ученые, ни единому слову которых нельзя верить, когда речь заходит о философии, способны «давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики...»⁴⁴ В. И. Ленин, отмечая важность привлечения старой научной интеллигенции к социалистическому строительству, указывая, что «их знания, их опыт и труд нам нужны, без них невозможно на деле взять ту культуру, которая создана старыми общественными отношениями и осталась как материальный базис социализма»⁴⁵.

Марксистско-ленинский анализ наследия русских дореволюционных авторов дает ключ к правильному решению широкого круга проблем по дореволюционной истории и жизни городов края. Такой подход позволяет проследить процесс накопления фактических сведений, правильно определить заслуги отдельных исследователей, показать ценность их материалов для современной науки.

В изложении материала автор выходит за рамки анализа фактов, имеющих в работах русских дореволюционных авторов. Это делается для того, чтобы путем сопоставления проверить достоверность сведений русских дореволюционных авторов и показать новые достижения советской исторической, археологической и этнографической наук в изучении городов и городской жизни Восточной Бухары в конце XIX — начале XX в.

В анализе материалов русской дореволюционной литературы мы придерживаемся принципа хронологической последовательности. Это в какой-то мере позволяет проследить динамику изучения городов края представителями русских дореволюционных научных кругов.

Изучение города в отрыве от окружающего его района является невозможным, что особенно относится к среднеазиатскому городу. Еще К. Маркс писал: «...азиатская история — это своего рода перасчлененное единство города и деревни...»⁴⁶. Эти слова целиком относятся и к городам Восточной Бухары. Что касается географических названий, то мы избрали варианты, наиболее близкие к местным диалектам, учитывая действительное происхождение того или другого названия местности.

Данная монография не претендует на исчерпывающий анализ

всех сведений русских дореволюционных исследователей, касающихся городов Восточной Бухары. Она является лишь первым шагом в изучении огромного наследия русских авторов по данному вопросу, который в дальнейшем должен стать предметом более широкого исследования.

Автор искренне благодарен всем, кто в ходе написания и обсуждения данной работы помог советами и замечаниями. Это прежде всего относится к замечательному учёному, внесшему большой вклад в изучение истории, культуры, археологии и этнографии древней и средневековой Средней Азии академику АН Таджикистана Литвинскому Б. А., профессору Акрамову Н. М., и, разумеется, редактору книги профессору Маджлисову О. Р., а также коллективу кафедры истории СССР Душанбинского государственного университета им. Т. Г. Шевченко (ныне кафедры истории отечества Душанбинского университета им. К. Джураева), где была подготовлена, обсуждена и рекомендована к печати.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ (ПО ТРУДАМ РУССКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

ТЕРМЕЗ

Термез, игравший немаловажную роль в социально-экономической, политической и культурной жизни Средней Азии, является одним из древнейших городов этого края. Он многократно был разрушен до основания и снова поднимался из руин. Его богатая многовековая история давно стала привлекать внимание учёных¹.

В русской дореволюционной научной литературе сведения о Термезе стали появляться в основном после присоединения Средней Азии к России, особенно после занятия русскими войсками в 1895 году Афгано-Бухарской границы и формирования Аму-Дарьинской пограничной бригады. В это время участились посещения русскими развалин Старого Термеза².

Наиболее важные моменты средневековой истории этого города на основе доступных источников изложены в трудах выдающихся востоковедов В. В. Бартольда³ и А. А. Семенова⁴. Ценные сведения о Термезе даются в работах И. Минаева⁵, Н. А. Маева⁶ и Пославского⁷. Заслуживают внимания также работы Д. Н. Логофета⁸ и др.

Термез, согласно сведениям члена, руководимого статским советником А. Ф. Негри посольства в Бухару (1820) офицера генерального штаба Е. К. Мейендорфа, в первой половине XIX в, лежал в развалинах⁹. Остатки древнего города занимали обширное пространство и находились недалеко от современного города на северном берегу Аму-Дарьи, вблизи от места впадения в нее Сурхана¹⁰. В таком состоянии видели Термез русские путешественники и ученые конца XIX в. Развалины города, по словам А. Маева, назывались «Ходжа-Абдул Хаким Термези», по имени святого, который здесь похоронен. Из зданий здесь сохранились только два минарета, построенные из жженного кирпича¹¹.

Представители русской науки призывали к бережному сохранению исторических памятников старины как в Термезе, так и в других районах Средней Азии. Ярким свидетельством тому является письмо Н. Остроумова генерал-губернатору Тевяшеву (от 2 апреля 1905 г.). Он просит о «содействии к сохранению остатков древности, находимых на этой интересной в историческом и археологическом отношениях местности». Здесь же чувствуется обеспокоенность и тревога автора письма тем, что «остатками древности, находимыми в пределах обширного Туркестанского края, интересуются не только ученые археологического общества внутренней России, но и европейские (и даже американские)

представители археологии, и что многие находки, не сохраненные на месте, навсегда исчезнут из России»¹².

Учитывая стратегическое значение этой местности, в 1894 г. в 8 км от развалин была выстроена русскими крепость Термез, которая стала предшественником возрождения нового города. Посетивший в 1906 г. Термез ботаник Р. Ю. Рожевиц, в частности, писал, что урочище Термез возникло в последнее десятилетие. Построено оно приблизительно на расстоянии 1—1/2 версты (верста равна 1,0668 км) от Аму-Дарьи, почти рядом с Патта-Гиссаром¹³.

В 1895 г., когда было твердо решено укрепиться на афгано-бухарской границе, русскими была сформирована Аму-Дарьинская бригада пограничной стражи со штабом в Термезе. Для строительства казармы в 1898 г. русские приобрели 40 десятин земли.

В 1900 г. под нажимом царского правительства эмир подписал акт, по которому безвозмездно отвел 9074 десятины неорошенной земли по нижнему течению реки Сурхан-Дарьи для русского пограничного укрепления¹⁴. К осени 1905 г. под руководством военного инженера Б. Н. Кастальского было закончено сооружение Термезской оросительной системы¹⁵.

Царская Россия, будучи заинтересованная в развитии торговли, организовала судоходство по Аму-Дарье. В 1902 г. вступил в эксплуатацию Самарканд-Термезский почтовый тракт, который был построен с применением принудительного труда местного населения. 15 июня 1912 г. между бухарским эмиром и инженером Ковалевским был заключен договор о строительстве в Бухарском эмирате железной дороги. Согласно ему железнодорожная линия должна была начинаться со станции Каган и протечь на Карши—Керки—Келиф—Термез¹⁶. Дорога вступила в действие в 1916 г. Она соединила Термез с общей сетью Российской железной дороги¹⁷. Все эти обстоятельства способствовали и росту города. Быстрыми темпами увеличивалось количество магазинов и торговых складов. Появились промышленные предприятия, хлопкоочистительные, мыловаренные и кирпичные и маслозаводы. В 1904 г. была открыта церковно-приходская школа¹⁸. Р. Ю. Рожевиц писал, что Термез «окружен кирпичной стеной и имеет несколько ворот: улицы в нем широкие (главная массивована), дома одноэтажные, кирпичные и почти все казенные»¹⁹.

В имеющихся обозрениях о деятельности административно-полицейского управления в Термезе и Патта-Гиссаре за 1915—1916 гг. отмечается, что в Патта-Гиссаре была «сосредоточена вся торговая часть, таможня с ее складами, заводы (три хлопкоочистительных и один маслосеяный)²⁰, склады для хлопка, отдельный городок пограничной стражи, все увеселительные заведения, рабочие кварталы и пр. В Термезе же остаются воинские части

казармы, казенные квартиры, лазареты, и порядок там поддерживается воинскими командами»²¹.

Только после Октябрьской социалистической революции Термет превратился в настоящий промышленный город.

БАЙСУН

Город Байсун — административный центр отдельного бекства того же названия, — по сведениям русских дореволюционных авторов, был расположен в предгорьях двух пересекающихся горных массивов Байсунских гор, которые тянутся в направлении от северо-востока к юго-западу²². Само название «Байсун», по утверждениям некоторых авторов, происходит от слова «Бойшин», т. е. поселение баев, богачей²³.

Когда и кем был основан город, его средневековая история пока что остаются загадкой. По мнению некоторых дореволюционных авторов, Байсун является древним городом. Об этом, в частности, уверенно пишет Н. А. Маев: «Байсун без сомнения древний город, хотя время и не сохранило никаких признаков его бывшего существования. Здесь нет развалин древних монументальных построек, нет холмов щебня, скрывающего под собою разрушенные здания»²⁴. В середине XVIII в. Байсун входил в состав Гиссарского владения²⁵.

К концу 1868 г. эмирские войска, преодолевая большое сопротивление местного населения, продвигались в Восточную Бухару. Байсун был первым городом, куда они вступили²⁶. По Маеву, «байсунцы без малейшего сопротивления отворяли эмиру ворота своей цитадели»²⁷. Начиная с этого времени Байсун входил в состав Бухарского ханства в качестве центра отдельного бекства.

Говоря о роли этого города в политической жизни Средней Азии, Н. А. Маев писал, что он «всегда жил скромной сельской жизнью и не играл никакой роли в кровавых политических перепоротах, которые временами потрясали Среднюю Азию, он был только центром нагорного кочевого округа»²⁸.

В работах некоторых авторов дается описание города. По сведениям того же Маева, байсунская цитадель, построенная на холме, не имела внушительного вида и не произвела сильного впечатления на автора этих сообщений²⁹. «Особенности байсунской цитадели, — писал он, — состоят в том, что ров перед стеной фланкируется особыми башнями, выдвинутыми вперед из общей крепостной ограды»³⁰. Он же высказывает мнение, что байсунская цитадель построена не как оборонительное укрепление (он считал байсунцев невоинственными), а лишь для вида, потому что «без нее, также и без большей мечети джума для общей молитвы в пятницу, немыслим среднеазиатский город. Серьезного сопротивления неприятелю она не может оказать»³¹. Как и боль-

шинство других цитаделей, байсунская служила резиденцией бека и других представителей местной администрации.

Город был расположен вокруг цитадели и славился обилием зелени. Из деревьев преобладали тутовые, ореховые, тополя, джиджа³². Местность и климат Байсуна произвели на Н. А. Маева хорошее впечатление. Он недоумевал, почему эмир не избрал его своей летней резиденцией³³.

ДЕНАУ

По стратегическим и экономическим соображениям Денау был построен на удачном месте — в одной из плодороднейших областей Гиссарского края — в долине Сурхан-Дарьи. «Денау, — писал топограф Л. Ф. Костенко, — представляет собой центральный пункт всего Гиссарского края, и в этом отношении, так же как и по плодородию, богатой культуре и населенности всей местности верхнего течения Сурхана, заключается важное значение Денау»³⁴.

Говоря о значении этого города, Д. Н. Логофет писал: «Являясь одним из городов Гиссарского края, город Денау издавна пользовался известностью, вначале как пограничная крепость, защищавшая с юга всю область, а затем как торговый город, служивший в то же время резиденцией наследников престола гиссарских эмиров»³⁵.

Название «Денау» применительно к городу и краю впервые употребляется в эпоху Тимура. Еще до завоевания арабами и после область в долине Сурхоба была известна под названием Саганиан или Чаганиан³⁶.

Чаганиан разделил судьбу других среднеазиатских равнинных областей. Он являлся в прошлом одним из важнейших центров древней культуры народов Средней Азии. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические материалы, относящиеся к этому району. Как и его соседи, Чаганиан неоднократно подвергался нападениям иноземных захватчиков. Порой он подчинялся центральной власти арабов, Саманидов, Газневидов и т. д. Но это подчинение было лишь номинальным. В основном чаганианские владетели долгое время правили самостоятельно.

В. В. Бартольд, сопоставляя сведения средневековых путешественников, полагал, что главный город Чаганиана, по размерам превосходивший Термез, но уступавший ему по количеству поселения и богатству, находился на месте нынешнего города Денау³⁷. Это отождествление поддерживается и другими дореволюционными авторами, касавшимися средневековой истории Чаганиана. Например, известный знаток Средней Азии В. А. Масальский писал: «Главный город области, носивший то же имя (т. е. Чаганиан — Х. П.) находился в 4-х днях пути от Термеза, вероятно, на месте нынешнего города Денау, упоминаемого еще в ис-

тории Тимура»...³⁸. О Денау как о бывшей столице Чаганиана писал и Б. Н. Литвинов³⁹. Этому мнению придерживается и Б. Н. Кастальский. «Город Саганиан,— пишет он,— находился в 4-х днях и 27 фарсах от Термеза и 3 днях пути от Кувадиана (Кабдиана — Х. П.) и, очевидно, должен быть приурочен к нынешнему Денау»⁴⁰.

Правильность этой локализации поддерживает и видный ученый М. М. Дьяконов. Он указывает, что в непосредственной близости районного центра Денау Узбекской ССР отмечено большое городище площадью примерно 1800×800 м. С юго-запада городище ограничено рекой Сурхан-Дарьей и, по его же словам, у местного населения это городище носит название Шаганиан, что окончательно устанавливает место древнего Чаганиана⁴¹. Далее он пишет: «По-видимому, все же следует признать правильность локализации Чаганиана в районе современного Денау и, точнее, отождествить Чаганиан с обширным городищем, отмеченным нашим отрядом»⁴².

Таким образом, вопрос об отождествлении Чаганиана с Денау казался окончательно решенным. Но последующие исследования Г. А. Пугаченковой дали несколько неожиданные результаты. По ее данным, древнему Чаганиану как самому крупному городу по Сурхан-Дарье соответствует городище Дальверзин-тепе, находившееся в 30 км к югу от Денау. «Дальверзин-тепе,— пишет Г. А. Пугаченкова,— и мощь его культурных отношений, за исключением древнего Термеза, не имеющих себе равных по всей Сурхан-Дарьинской области, позволяют с полной определенностью видеть в нем столицу древнего Чаганиана, резиденцию правителя области»⁴³. Постепенный упадок и окончательное запустение города связаны, по ее мнению, с кризисом рабовладельческой формации⁴⁴.

По ее же определению, Чаганиану, который упоминают арабские авторы, соответствует городище Бедрач в 6 км к юго-востоку от Денау при впадении Кызыл-су в Сурхан-Дарью. Об этом свидетельствуют «крупные размеры городища, равного которому нет в Денауском районе; совпадение расстояния с данными арабских дорожников; обилие археологического материала IX—XII вв.; наличие развитых ремесленных производств; наконец, убежденность местного населения, что это «Старый Денау»⁴⁵. Данные Г. А. Пугаченковой, по-видимому, можно считать наиболее достоверными в настоящее время.

Современный Денау, о котором писали русские дореволюционные авторы, является городом более позднего происхождения, о чем свидетельствует даже его название («Дехи-нау» — «Новое селение»). Возник он, по-видимому, на месте незначительного раннесредневекового селения⁴⁶. В эпоху Тимура Денау еще не счи-

тался важным центром, но уже играл определенную роль в политической и культурной жизни Сурхандарьинской долины⁴⁷.

В XVI в. Денау обращает на себя внимание как административный и культурный центр. Об этом, в частности, свидетельствует крупное денауское медресе, архитектурные черты которого некоторые специалисты относят к XVI столетию.

В более поздний период Денау входил в состав владений Гиссара⁴⁸.

В 1869 г. эмиру Бухарскому удалось после трудных и жестоких боев овладеть штурмом крепостью Денау. Лишь после ее падения, покорился весь Гиссарский край⁴⁹. После присоединения края к Бухаре, Денау, вплоть до революции, являлся центром отдельного бекства, подчиненного Бухарскому эмиру. «Теперь,— пишет Н. А. Маев,— Денау — провинциальный город Бухарского ханства и управляется беком, присланным из Бухары из лиц, близких эмиру»⁵⁰.

Русским путешественникам бросились в глаза «раны», нанесенные городу Бухарскими войсками при его захвате. По этому поводу первый посетитель края Н. А. Маев писал: «Станным показалось нам, что стена такого большого и значительного города, каков Денау, полуразрушена; в лучшем виде городские ворота. Но нам напомнили, что Денау потерпел погром от войска эмира. Городская стена была разрушена во время осады цитадели, которая упорно защищалась еще целые сутки после того как самый город был занят бухарцами»⁵¹.

Город не произвел особого впечатления на путешественников. «Самый город,— писал тот же Н. А. Маев,— не представляет ничего замечательного; тот же азиатский тип построек, тот же базар, с ухабистыми улицами, мелкими торгашами, навесами из плетенки, жидями, огромными самоварами у чайных лавок, развешанными бараньими тушами, грудями разной зелени. Не удивили нас и два медресе, построенные Абдул-Каримом на площади близ базара. Тип их совершенно одинаков со всеми медресе в Карши, Шахрисябзе, Кокане, Хиве и Бухаре»⁵².

По описаниям Д. Н. Логофета, Денау, являвшийся в прежние времена одним из главных городов Гиссарского края, «постепенно превратился в небольшой городок»⁵³. Но Б. Н. Литвинову Денау, наоборот, показался многолюдным городом с громадными медресе и мечетями, весьма близко подходящими к самаркандским⁵⁴.

Говоря о крепости, нужно отметить, что от неё после бухарского погрома остались почти одни развалины. Еще Н. А. Маев писал: «Цитадель пуста, и повреждения, нанесенные бухарскими ядрами, не исправляются. Пройдет еще лет 5—10 и вся постройка обветшает до того, что и возобновить ее будет трудно»⁵⁵. Действительно, уже ко времени посещения города Л. Н. Логофетом

(начало XX в.) крепость уже была превращена в развалины. «Высокий холм, окруженный с трех сторон небольшой рекой,— писал он,— служит подножием старой крепости: живописные развалины, которые, красиво вырисовывались среди зелени, господствовали над всем городом. Одна за другой поднимались три стены, служившие надежной защитой и делавшие крепость в прежнее время неприступной. Осыпавшиеся зубцы стен уныло торчали, напоминающая прежнее величие»⁵⁶. Местные и бухарские власти не только не строили новых, но и не принимали никаких мер, чтобы спасти старые постройки. Даже известные медресе и мечети на главной площади, которые при Н. А. Маеве «еще не успели обветшать и загрязниться»⁵⁷, Д. Н. Логофету предстали в полуразрушенном состоянии⁵⁸.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что город Денау как центр отдельного бекства возник в более поздний период. Согласно выводам Г. А. Пугаченковой, картина существования и перемещения главного центра долины Сурхат-Дарья выглядит так: античный Чаганиан-Дальверзин-тепе, средневековый Чаганиан-Бедрач, позднефеодальный Дехи-Нау-Денау⁵⁹.

КАБАДИАН

Кабадиян относится к числу древнейших городов Средней Азии. Первые сведения о нем встречаются у китайского путешественника VII века (около 639—645 гг.) Сюень-Цзяна⁶⁰.

О том, что между реками Вахш и Кафирниган в их нижнем течении находилась область Кабадиан с главным городом того же названия, имеются сведения в источниках, принадлежащих к периоду до арабских завоеваний и после них. «Между Вахшем и Кафирниганом,— пишет В. В. Бартольд, опираясь на сведения арабских авторов,— лежали Вашгирд (араб. Вашгирд (араб. Вашджирд, ныне Файзабад) и Кувадиан (ныне Кабадиан)»⁶¹.

О древности Кабадиана свидетельствуют археологические материалы, полученные при раскопках видными советскими археологами М. М. Дьяконовым, А. М. Беленицким, Н. Н. Забелиной, которые показали, что древнейшие слои с остатками человеческой деятельности в городище Калаи-Мир относятся к древнебактрийскому времени⁶² и к еще более ранней эпохе⁶³.

Подробных исторических сведений о средневековом Кабадиане в работах русских дореволюционных авторов (кроме отдельных замечаний В. В. Бартольда) мы не находим. Да и в настоящее время нет специальной работы, посвященной истории города⁶⁴.

В раннее средневековье город считался довольно большим культурным и торговым центром Средней Азии. «Город Каба-

диан,— пишет М. М. Дьяконов,— по размерам был почти равен Термезу и являлся немаловажным центром»⁶⁵.

Основываясь на первоисточниках, В. В. Бартольд писал: «Кувадан (т. е. Кабадиан,— Х. П.) в IX в. входил в состав Хуттала; но географы X в. указывают для него только расстояния от Саганиана (3 дня, вероятно, через перевал Хазрет-бови) и от Термеза (2 дня), из чего видно, что он был более тесно связан с этими городами, чем с Хуттальскими»⁶⁶.

Кабадиан, судя по сведениям средневековых авторов, входил в состав государства газневидов. В. В. Бартольд указывает, что когда Махмуд готовился в поход против Хорезмшаха (под предлогом отмщения за убийство мужа своей сестры Мамуна — бывшего шаха Хорезма), корабли были приготовлены в Хуттале, Кувадане и Термезе⁶⁷. Уместно заметить, что наличие кораблей свидетельствует о высоком уровне ремесленного производства.

Имеющиеся сведения дают возможность предположить, что город в древности и в раннее средневековье был крупным центром и активно участвовал в политической и экономической жизни всего края.

В дальнейшем его роль заметно ослабла и в более поздний период он входил в состав Гиссара. «На юге к Хиссару,— пишет В. В. Бартольд, опираясь на сообщения Мухамед Вефа Карминегги (Тухфат аль-Хони),— кроме древнего Чаганиана, относились еще Кабадиан и часть древнего Хуттала с Курган-Тюбе»⁶⁸.

Накануне присоединения к Бухаре Кабадиан, как и вся территория, расположенная по нижнему течению р. р. Вахш и Кафирниган, подчинялся правителю Куляба— Сары-хану⁶⁹.

Позже Кабадиан был включен в состав Бухарского ханства как отдельное бекство. О его месте и роли среди других бекств достаточно ясно свидетельствует сообщение видного геолога, естествоиспытателя профессора А. В. Нечаева (1864—1915 гг.) Он писал, что Кабадианское бекство считалось бедным, оно состояло всего из трех амлякдарств (волостей), и должность бека в нем служила началом бекской карьеры в других областях (бекствах)⁷⁰.

В последней четверти XIX в., когда Кабадиан посетили русские путешественники, в городе не было и следов былого процветания. Первым в нем побывал в 1875 г. Н. А. Маев. В 70-х годах с военно-рекогносцировочной целью этот район посетили А. Н. Быков и Н. Н. Зубов. В 80-х годах и в последующих — П. Е. Косяков (1882 г.), В. И. Липский (1896 г.), капитан Лилиенталь⁷¹ (1889 г.), А. А. Семенов (1898 г.), Р. Ю. Рожевиц (1906 г.), А. В. Нечаев (1908 г.), Д. Н. Логофет и др. Им принадлежат первые географические описания города.

Н. Маев сообщает: «Кабадиан лежит на рукаве Кафирнигана, главное русло которого отстоит от города на 1³/₄ таша (14

верст)»⁷². По П. Е. Косякову, «город Кабадиан расположен на левом берегу реки Кафирниган в 2-х верстах от впадения рукава»⁷³. По сведениям В. И. Масальского, «верхняя часть бассейна Кафирнигана входит в состав Гиссарского бекства, а нижняя с прилегающими местностями — бекства Кабадианского. Главный город этого бекства — Кабадиан лежит в 52 верстах к северу от Айваджа на рукаве Кафирнигана»⁷⁴.

Судя по сведениям дореволюционных авторов, Кабадиан представлял из себя скорее всего крупное селение, а не город. Например, Д. Ю. Рожевиц писал: «Кабадиан представляет собой главный центр Кабадианского бекства и служит резиденцией бека. Городом в нашем смысле этого слова его назвать нельзя, так как от обыкновенного кишлака он отличается только большими размерами и постоянным базарчиком. Но отличительным признаком всякого бекского города есть, несомненно, небольшая крепость, в котором живет сам бек и которая в Кабадиане служила квартирой и нам»⁷⁵. По описаниям В. И. Липского, «Кабадиан представляет из себя обыкновенное селение, лишь больше по размерам. В нем есть небольшой крытый темный базарчик и обычная маленькая глинобитная крепосца, где живет бек, точно в заключении»⁷⁶. По определению А. В. Нечаева, «Кабадиан — маленький городишко даже по бухарскому масштабу. Собственно городского в нем ничего нет, это скорее большой кишлак»⁷⁷. Это мнение поддерживает также зоолог и путешественник Н. А. Зарудный⁷⁸ (1859—1919 г.). Но Н. А. Маев придерживается другого мнения. Он пишет, что «Кабадиан — большой город...»⁷⁹.

Описание Кабадианской крепости имеется почти у всех авторов. Согласно их сообщениям, она была обыкновенной, небольшого размера и не внушительного вида, построенная на искусственном холме⁸⁰ почти на месте старой древней крепости. П. Е. Косяков так описывает крепость: «Посреди города находится крепость длиною и шириной до 80 сажень, построенная на высоком бугре; стены ее, сделанные из глины, достигают с наружной стороны от 5 до 7 сажень высоты. Внутри крепости находится дворец бека, с восточной же стороны к ней примыкает старая крепость. Эта последняя в настоящее время представляет одни только развалины, все стены разрушались, рва почти не видно, последние же ее бек развел сад и посеял клевер»⁸¹.

Более подробные сведения о крепости даются в книге А. В. Нечаева «По горной Бухаре». Он пишет: «Помещается бек в крепости, расположенной на маленьком искусственном холмике. Вершина последнего обнесена толстой стеной из сырой глины. Стена разбита трещинами, на многих местах покривилась.

Крепость далеко не грозного вида, — внутрь ведут узкие, покривившиеся ворота, по сторонам которых высятся две круглых башенки с развалившимися вершинами. В воротах по бокам уст-

роены лежанки, покрытые циновками. Перед воротами крепости утрямбована четырехугольная площадка. Она с трех сторон обнесена пизенькой глинобитной стеной и покрыта двускатным навесом... в крепости ни одного деревца, нет и арыка. Жаркое солнце накаляет глиняные стены, наполняя всю крепость нестерпимым зноем. Бек живет здесь, как в тюрьме, никуда не отлучаясь»⁸².

Хотя русские дореволюционные авторы не дают полного описания города (это и не входит в их намерения), тем не менее в их работах имеются важные детали для создания его общей картины. По их сообщениям, в городе было много зелени, среди деревьев преобладали тутовые и чинары. По В. И. Липскому, в городе много садов и встречались гигантских размеров чинары⁸³. По мнению местных жителей, возраст некоторых из них определялся в 500 лет⁸⁴. Во время посещения Н. А. Маевым город был окружен крепкой и исправной стеной. По его словам, функции этой стены заключались в том, чтобы оборонять город от «очень беспокойного окрестного населения»⁸⁵. Об этой стене сообщал и П. Е. Косяков. Он писал, что «с северо-восточной и южной стороны его (т. е. город — Х. П.) окружает глиняная стена около 3-х аршин»⁸⁶.

Говоря о постройках города, следует отметить, что в Кабадиане большинство из них были афганского типа «с куполообразной крышей. Большинство домов и мечети Кабадиана такого типа»⁸⁷.

В работах русских дореволюционных авторов отсутствуют сведения о планировке города. По их описаниям известно лишь то, что улицы города были узкими и не имели ничего общего с улицами крупных городов. «Улицы в городе,— пишет П. Е. Косяков,— узкие, арб нет, перевозка вещей совершается на лошадях и ишаках; кроме того, употребляют также здесь для перевозки что-то похожее на наши сани (розвальни или дровни)»⁸⁸.

Сведения о дореволюционном городе Кабадиан, о его планировке и кварталах пополнились благодаря специальной работе А. П. Колпакова «Из недавнего прошлого Кабадиана»⁸⁹. По его данным, город разделялся на следующие кварталы (гузары): 1. Ябуз — самый большой из всех кварталов (располагался в юго-западной части города); 2. Чармгар (севернее Ябуза); 3. Гышт-Купрук (по берегу канала Нахри-Калон); 4. Гузари боло (на севере города, граничил с кварталом Чармгар); 5. Сары Кишлок (вверх по течению канала Нахри Калон); 6. Кози-Хона (около крепости Кабадианского бека); 7. Киёт (в юго-восточной части города на месте античного города Кай-Кобад-Шаха). Немало ценных сведений имеется и в работе Юсупова Ш. «Очерки истории Кабадианского бекства в конце XIX — начале XX веков»⁹⁰.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что город Кабадиан в раннее средневековье являлся круп-

ним культурным центром Средней Азии. В более поздний период он постепенно потерял свое могущество и находился в состоянии зависимости от более сильных соседних государств. Позже он был окончательно присоединен к Бухарскому эмирату.

КУРГАН-ТЮБЕ

Сведения о Курган-Тюбе, как и о других областях Восточной Бухары, в научной литературе стали появляться в последней четверти XIX века. Авторами первых сведений были русские путешественники, посетившие этот край. Первым из них посетил Курган-Тюбе был в 1875 году Н. А. Маев. В своих работах⁹¹ он дает незначительные, но ценные для исследователя сведения о городе. Историко-географические сведения имеются и в работах последующих авторов, посетивших этот район (П. Е. Косяков⁹², Р. Ю. Рожевиц⁹³, Д. Н. Логофет⁹⁴, А. В. Нечаев⁹⁵ и др).

Из всех русских дореволюционных авторов наибольшие заслуги в изучении города принадлежат инженеру П. Гаевскому. В своей работе «Курган-Тюбинское бекство» он рисует довольно подробную картину социально-экономической жизни Курган-Тюбинского бекства и его столицы конца XIX—начала XX вв.⁹⁶, но, к сожалению, в его работе крайне недостаточны историко-географические сведения. Несмотря на свою скудность и некоторую противоречивость, тем не менее, позволяют в известной степени ознакомиться с историей и географическим расположением Курган-Тюбинского бекства в целом и его столицы в частности.

«Курган-Тюбинское бекство Бухарского ханства,— пишет П. Гаевский,— лежит в месте слияния двух могучих рек Бухары — Вахша и Пянджа, образующих по их слиянию Аму-Дарью; оно представляет своей площадью четырехугольник, границами которого служат: с севера р. Вахш, с Гиссарским и Бальджуанским бекствами, за ним с запада р. Вахш, с Гиссарским и Кабадианскими бекствами, с юга Пяндж, левый берег которого афганский, а с Востока Кулябское бекство...»⁹⁷. По его же определению, площадь бекства составляла около 5 560 кв. верст. Город Курган-Тюбе был расположен «на низменной и степной местности и хорошо орошен водой Вахша, который течет в 8—10 верстах от города. Для снабжения Курган-Тюбе водой выведен из Вахша широкий арык»⁹⁸. О местонахождении столицы бекства П. Е. Косяков в своей работе «По Каратегину и Дарвазу» пишет: «Город Курган-Тюбе расположен на левом берегу реки Вахша, в двух верстах от берега на арыке, выведенном из реки»⁹⁹.

Географические сведения русских дореволюционных авторов позволяют сделать вывод о том, что новый город вырос почти на месте старого города. Об этом говорят и материалы археологического исследования А. М. Беленицкого. Он утверждает, что «со-

временный город возник на месте прежних пригородных поселений. Это подтверждается рассказами местных жителей о находках различных предметов во время земляных работ, причем эти находки обнаруживаются часто на глубине 3—4 м от поверхности¹⁰⁰.

История Курган-Тюбе, как и всей Вахшской долины, берет свое начало в глубине веков и насчитывает не одно тысячелетие. Вахшская долина в эпоху палеолита уже была обитаема человеком¹⁰¹. Об этом свидетельствуют археологические находки советских ученых. На юге Таджикистана найдены следы поселений степной бронзы¹⁰². В Больдай-тепе, близ Курган-Тюбе археологами во главе с Т. И. Зеймаль обнаружено поселение V—VI вв. до н. э.¹⁰³. До завоевания арабами Вахшская долина была одним из важных культовых центров. Свидетельством этому служит буддийский монастырь VII—начало VIII в., расположенный в Вахшской долине в 12 км к востоку от Курган-Тюбе (Аджина-тепе)¹⁰⁴. Древняя история города Курган-Тюбе из-за отсутствия нужных источников остается почти неизвестной.

Крайне отрывочные сведения об истории средневекового Курган-Тюбе мы находим в работах Н. А. Маева, П. Гаевского и В. В. Бартольда. Н. А. Маев указывает только на то, что город этот и его окрестности входили в состав древних владений Хуттала, о котором сообщает Ибн Даст¹⁰⁵. П. Гаевский, отмечая Хутталь как область, находящуюся между Вахшем и Пянджем, а также Вашгирд со столицей того же назначения и входившей в ее состав до и после арабских завоеваний указывает, что «на месте Курган-Тюбе был город Халаверд»¹⁰⁶. Следует отметить, что область Вахш входила в состав Хуттала, но иногда упоминается отдельно от него. В. В. Бартольд в статье «Аму-Дарья» (из цикла «Энциклопедия ислама») указывает, что между Вахшем и Пянджем лежала горная область Хутталь, или Хутталян, и долинная Вахш (ныне Курган-Тюбе)¹⁰⁷. О Халаверде упоминает Б. Н. Кастальский. «В Курган-Тюбинском оазисе,—пишет он,—главным городом был Халаверд, уступавший только Мунку»¹⁰⁸. На то, что Халаверд к моменту завоевания арабами был главным городом на Вахше и соответствовал нынешнему городу Курган-Тюбе, указывает и акад. Б. Г. Гафуров¹⁰⁹. Город Халаверд в дальнейшем не упоминается в работах средневековых авторов. Следовательно, судьба города в течение длительного времени не известна. Известно, что край был завоеван Чингиз-ханом, а затем Тимуром. Не исключено, что город был разрушен этими завоевателями. Археологические материалы, полученные на Курган-Тюбинском городище, расположенном в центре современного города, и выводы известного археолога А. М. Беленицкого¹¹⁰ свидетельствуют о древности его. Раскопки показали наличие «длительных перерывов жизни на городище». Большие оросительные каналы и крепост-

ной ров говорят о довольно значительных размерах города в древности и средние века¹¹¹. Это еще раз подтверждает, что Курган-Тюбе в древности являлся центром Вахша. Город несколько раз подвергался разрушениям и снова возникал на старых руинах.

В более позднее время Курган-Тюбе был присоединен к Гиссару. В. В. Бартольд, опираясь на сообщения Мухаммед Вефа-йи Керминеге («Тухфат ал-хани»), утверждает, что в середине XVIII в. Курган-Тюбе входил в состав владения Гиссара¹¹². «На заре новой эпохи,— писал П. Гаевский,— Курган-Тюбинское бекство входит в состав владений гиссарских эмиров»¹¹³. Накануне присоединения к Бухаре Курган-Тюбе принадлежал Кулябскому правителю Сары-хану¹¹⁴. В конце 1868 г. бухарские войска покорили Гиссар и двинулись к Курган-Тюбе. По этому поводу Н. А. Маев пишет, что «Якуб-бек кушбеги (командующий бухарскими войсками — Х. П.) прошел с войском и 6 орудиями на Курган-Тюбе, который покорился ему без сопротивления»¹¹⁵.

Таким образом, Курган-Тюбе был превращен в отдельное бекство Бухарского эмирата. По величине это бекство составляло 1/40 части Бухары, а по экономическому состоянию было одним из беднейших. Причины этого Гаевский видел, во-первых, в «удаленности от главных торговых пунктов», во-вторых, в «трудности орошения», в-третьих, «немало вредила и замедлила рост края саранча...», и, в-четвертых, «способствовало бедности края и бухарское управление»¹¹⁶.

Сведения, оставленные русскими дореволюционными авторами, несмотря на некоторые разногласия в описаниях и взглядах, в целом дают, если не полную, то в значительной степени ясную картину города конца XIX — начало XX в.

Город, по их сведениям, был небольшим и мало отличался от среднего селения. Это отмечается в работе П. Е. Косякова «По Каратегину и Дарвазу в 1882 году»¹¹⁷. Д. Н. Логофет во время своего путешествия по краю в Курган-Тюбе в беседе с одним из местных жителей слышал такие слова «Город наш,— говорил его собеседник,— совсем небольшой. Только потому и называется городом, что бек здесь живет: на самом деле кишлак Сарай этого же бекства куда больше. Бек не раз просил разрешить ему переехать в Сарай, но только эмир не позволяет. Бедное бекство и бек здесь в малых чинах, всего ага-ишик-баши (полковник)»¹¹⁸. Далее он же со слов другого собеседника пишет: «Город только одно название; люди говорят, что меньше чем сто лет здесь селиться стали. Раньше жили ближе к Ляхману»¹¹⁹. По сведениям А. В. Нечаева, «Курган-Тюбе маленький городишко, сильно загрязненный различными отбросами. В нем базар с невылазной грязью и грязная крепость»¹²⁰.

Крепость, в которой жил бек, была небольшой и глинобитной. По сведениям П. Е. Косякова, она «100 сажени в длину и 40 в ширину. Рва около крепости нет»¹²¹, стены ее, сделанные из глины, достигают 5-ти саженей высоты и 2 аршинов ширины в основании. Внутри крепости с северной стороны видна другая старая полуразвалившаяся стена, там же помещается жилище бека и его прислуги. Крепость огибает дорога, которая с восточной стороны отделяет сад бека от крепости»¹²². О крепости А. В. Нечаев сообщает, что она построена на холме. Глинобитные стены ее местами обвалились, местами покривились на бок и ежеминутно грозят падением¹²³. Р. Ю. Рожевиц, посетивший крепость, пишет, что она «совершенно тождественна с крепостью Кабадиана». Он же заметил в крепости «лишенную всякого света темницу, в которой какой-то несчастный уже второй месяц сидел в цепях»¹²⁴. Город получал воду из арыка, выведенного из Вахша. Нездоровый климат в городе и его окрестностях способствовал распространению среди населения малярии¹²⁵ и других болезней. Город ничем не привлекал внимания путешественников. Здесь они не обнаружили старинных памятников и других достопримечательностей.

Сведений о планировке города в работах русских дореволюционных авторов мы не находим. Это естественно. Постройки в нем были неряшливыми и беспорядочными¹²⁶, и, по-видимому, не были четко определены кварталы.

ГИССАР¹²⁷

Город Гиссар являлся административным, культурным и экономическим центром самого большого бекства в Бухарском ханстве.

О географическом расположении города, как и всего края, до 70-х годов XIX в. почти не было ничего известно. В этом легко можно убедиться, познакомившись с картами¹²⁸ и описаниями начала 70-х годов прошлого столетия.

Полковник Л. Н. Соболев, (входивший в состав Туркестанского статистического комитета) в работе «Заметки о гиссарских владениях», написанной по расспросным сведениям, отмечает: «Мы даже не знаем, например, какой город в Гиссаре считается главным»¹²⁹. Далее Л. Н. Соболев приводит сведения, сообщенные ему Ура-Тюбинским казием в апреле 1870 г. во время его посещения этого города: «В Душанбе живет гиссарский бек. В Каратаге и Теппе живут также беки. Города Гиссара нет. Округа, принадлежащие Душанбе, Каратагу и Теппе, все вместе составляют Гиссар»¹³⁰. Эти показания ура-тюбинского казиза чрезвычайно важны в двух отношениях. Они заставляют усомниться в том, что Баш-Гиссар есть главный город гиссарских владений. К тому же выводу приводит путаница в названиях: прежде говорили просто Гиссар, затем Баш-Гиссар, в Самарканде говорят Гиссар-бала и Гиссар-теппе...¹³¹ Все это свидетельствует о том, что даже в соседних владениях имели скудные и сбивчивые представления о Гиссаре вообще и его географическом положении в частности.

Первым автором, приводившим более достоверные географические сведения о городе, является Н. А. Маев. «Гиссар,— писал он,— расположен у входа в узкое ущелье, образуемое с одной стороны (западной) Баба-Тагом, а с восточной еще более мощным кряжем Гази-Мелек. Кафирниган течет в 8 верстах от Гиссара. Слово «гиссар» значит «ограда». Город имеет сильную, построенную на искусственно насыпанном холме цитадель, которая обороняет вход в ущелье Пави-Дульдуй»¹³². Эти слова почти повторяются в работе И. Минаева «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи»¹³³ и дневнике («Путешествия в Туркестан 1897 г.») С. И. Коржинского¹³⁴. О том, что город лежал на «берегу реки Хонака, впадающей в Кафирниган», говорит В. В. Бартольд в статье «Гиссар»¹³⁵.

По мнению некоторых русских дореволюционных авторов, город Гиссар со времени своего основания являлся аванпостом, обороняющим область, и не был главным городом. «Главным городом всего края,— писал Н. А. Маев,— Гиссар не может считаться уже потому, что он лежит не в центре своего культурного района, а на окраине, следовательно, и донныне сохраняет характер передового поста»¹³⁶. Этому мнению придерживается и капитан Дилиненталь. Он склонен утверждать, что крепость играла роль передового поста лишь на первоначальном этапе, для защиты Чангшана от нападения хутталян¹³⁷.

Большинство дореволюционных авторов склонны считать Гиссар древним¹³⁸. Этому мнения придерживаются и современные исследователи¹³⁹. М. Хамраев пишет, что «нынешняя крепость Хисар со своей городской стеной, по-видимому, существовала до арабского периода»¹⁴⁰. Монеты, найденные Согдийско-таджикской археологической экспедицией в погребениях на Туп-хона близ Гиссара, говорят о том, что Гиссар в III—II вв. до н. э. был известен как крупный культурный центр Бактрийского государства. В. В. Бартольд отмечает, что «название Хисари Шадман, или же просто Хисар, упоминается в истории Тимура сначала как резиденция могущественных тюрко-монгольских князей, которые в беспокойное время после смерти эмира Казагана (759/1358) разделили область между собой, а затем как арсенал Тимура»¹⁴¹. Далее он пишет, что при тимуридах и при узбеках Хисар сохранял свое значение как сильная крепость и резиденция фактически независимых князей или вождей племен¹⁴². Город Гиссар являлся ареной кровопролитных боев между тимуридами и узбеками. В одном из этих боев из жителей города осталось будто бы только 60 человек¹⁴³.

После падения династии шейбанидов в Мавераннахре Гиссар перешел в руки узбекского племени юз¹⁴⁴, господство которого в Гиссаре продолжалось до конца 60-х годов XIX в.¹⁴⁵. Бухарским властям с XVII в. до 1869 г. лишь силой оружия удавалось каждый раз на короткий срок поставить в зависимое положение гиссарских правителей¹⁴⁶. «Широкая и вполне удобная для культуры долина Сурхана,— отмечает Н. Маев,— была средоточием политической культуры Гиссарского края в то время, когда он отделился от Бухары и жил своей самостоятельной жизнью»¹⁴⁷.

О безрезультатных стремлениях бухарских эмиров захватить Гиссар писал Д. Н. Логофет: «Сотни раз собирали свои войска бухарские эмиры, и войдя в союз с балхскими ханами, нападали на Гиссарскую землю, всеми силами стараясь захватить невзначай своего непокорного соседа. Но каждый раз неудачи преследовали союзников. Чуть не ежегодно в начале XIX столетия Насрулла-хан, эмир Бухары, ходил в Гиссар и всегда возвращался из-под него лишь с большим срамом»¹⁴⁸.

По сведениям капитана Лилиенталя, еще до присоединения к Бухаре Гиссар находился в состоянии номинальной зависимости от нее. «Но зависимость эта была крайне неопределенная, и дань платилась далеко неаккуратно»,¹⁴⁹— писал он.

В 1870 г. бухарский эмир ценой больших потерь завоевал Гиссар¹⁵⁰. Этот край был окончательно присоединен к Бухаре. До падения Бухарского ханства Гиссар являлся самым крупным центром Восточной Бухары. Его правителем назначался один из сыновей или же из приближенных эмира.

Город произвел на некоторых путешественников хорошее впечатление. «Город,— пишет Н. А. Маев,— представлял весьма оригинальный вид! Местами живописно смешивались в общую группу мечети, дома с бала-хана и остроконечной крытой камышем кровлею, базарные навесы; все это окружено, перемешено было свежей, сочной зеленью садов»¹⁵¹. Он же отмечает изящность недавно построенного дворца Тюрадждана¹⁵². Город был обнесен стеной с круглыми башнями по углам и у ворот¹⁵³, которая уже в конце 70-х начале 80-х годов развалилась во многих местах¹⁵⁴. «Постройки,— писал Л. Ф. Костенко,— в Гиссаре имеют двускатные крыши; они, кроме того, красивые и высоки. Расположение города живописное. Дворец бека представляет здание действительно изящное»¹⁵⁵.

Сведения о крепости Гиссара имеются почти у всех русских путешественников, посетивших город. Эта могучая твердыня, которая еще в середине XIX века считалась сильным оборонительным укреплением, в конце XIX и начале XX вв. была уже в полуразрушенном состоянии. Чтобы получить общее представление о ней, достаточно привести сведения Д. Н. Логофета: «Среди долины на высоком холме, господствуя над окружающей равниной, стоит старая гиссарская крепость, имевшая в свое время крупное значение как неприступная, сильно укрепленная резиденция владетельных гиссарских миров. Возвышаясь более чем на 50 сажен, старые стены ее далеко видны вокруг. Осыпавшиеся зубцы, обвалившиеся амбразуры, груды мусора вокруг наглядно указывают, что ее роль уже закончена, и в настоящее время она является уже не грозной твердыней, а лишь остатком старины, среди которой живет теперешний владыка Гиссара Астанкул Куш-беги-грозла всего здешнего края»¹⁵⁶.

Почти все дореволюционные авторы отмечают нездоровый климат Гиссара. «Хотя городу,— пишет Л. Ф. Костенко,— и присвоен титул Шадман (веселый), но его правильнее называть болезненным, так как климат здесь нездоровый, вследствие окружающих город болот»¹⁵⁷. Такое же впечатление о городе осталось и у других авторов¹⁵⁸. Летом, когда почти невозможно было жить в городе, население переселялось в Каратаг, и Гиссар почти пустел. Дворы и улицы города покрывались целым лесом бурьяна и город принимал вид вымершего и заброшенного места¹⁵⁹. Только в базарные дни город наполнялся народом¹⁶⁰.

КАРАТАГ, будучи летней резиденцией гиссарских правителей, считался одним из значительных городов Гиссарской долины. Он был расположен к северу от Гиссара на высоте 4—5 тыс. футов¹⁶¹ у подножья Гиссарского хребта¹⁶² по берегам реки Каратаг.

Крепость Каратага находилась на правом берегу реки, она занимала более 400 м в длину и около 200 м в ширину (ныне от нее остались одни развалины). Русские путешественники ее ви-

дели в заброшенном состоянии. По мнению некоторых авторов, в частности П. Е. Косякова, крепость являлась резиденцией бывших независимых владетелей Каратага¹⁶³. Она также свидетельствует о древности города¹⁶⁴. Н. Маев сообщает: «Каратаг получил значение только в последнее время, когда жители Гиссара начали на лето переселяться в этот горный городок, опасаясь летней жары и лихорадок»¹⁶⁵. Главная часть города — базар, а также летний дворец Гиссарского бека были расположены на левом берегу реки.¹⁶⁶

В результате землетрясения 1907 г. город был разрушен и почти потерял свое значение¹⁶⁷. В дальнейшем он стал медленно возрождаться, но так и не достиг своего прежнего уровня. После разрушения Каратага бек стал переезжать на летнее время в Душанбе¹⁶⁸.

ДУШАНБЕ — нынешняя столица республики — в конце XIX — начале XX вв. являлся довольно значительным по размерам городом.¹⁶⁹ Он занимал часть равнины левобережья реки Душанбе. «Город находился в 20 верстах от Гиссара и со своей крепкой цитаделью лежал при входе в ущелье Варзоб¹⁷⁰ — сообщает Н. Маев. «Этот большой городок, — пишет А. В. Нечаев, — с богатым базаром раскинулся на равнине по левому берегу реки Душанбе-дарьи, недалеко от ее впадения в Кафирниган-дарью»¹⁷¹.

В начале нашего столетия Душанбе в торговом отношении стал выделяться среди других городов Гиссарского края¹⁷². Здесь, как и в Кулябе, при содействии русских властей открылось почтово-телеграфное отделение в 1913 г.¹³⁷ Это свидетельствовало о его значении и месте среди городов Гиссарского края. По сообщению А. В. Нечаева, «бек в Душанбе имеет высокий бухарский чин «Инок» (равняется тайному советнику)»¹⁷⁴.

Таким образом, несмотря на то, что город Душанбе в конце XIX — начале XX вв. и не являлся крупным политическим и административным центром, тем не менее он получил ведущее место в торговом отношении среди городов Гиссарского края.

КУЛЯБ

Куляб — один из наиболее известных городов Восточной Бухары — сыграл немаловажную роль в истории края в поздний период. Сведения о географическом расположении Куляба и его столицы в научной литературе стали появляться в начале 70-х годов XIX в. Они опирались в основном на опросные материалы и лишены, как правило, научного основания¹⁷⁵.

Первым автором научных историко-географических сведений является Н. А. Маев. Затем сведения пополняются последующими путешественниками и исследователями Восточной Бухары.

По описаниям русских дореволюционных авторов город Куляб был расположен на левом берегу (в 5-ти верстах от берега¹⁷⁶ реки Ях-су (по П. Е. Косякову, Ак-су¹⁷⁷). Он раскинулся полукругом у подошвы невысоких холмов, или, по Р. Ю. Рожевицу, на плоской возвышенности,¹⁷⁸ т. е. на месте нынешнего города Куляба.

История Кулябской долины берет свое начало в глубокой древности. Плодородная почва и выгодное географическое положение сделали край обиталищем древнего человека. Куляб находится на территории древнего Хуттала.

Хутталь¹⁷⁹ был свидетелем наиболее крупных событий, происходивших в Средней Азии в древности и средние века. Он неоднократно подвергался нападениям со стороны чужеземных захватчиков и своих соседей,¹⁸⁰ но, если не считать временной потери самостоятельности, им до присоединения к Бухаре почти всегда управляли местные правители, считавшие себя потомками полководцев Александра Македонского или Тимура, хотя это, по мнению М. А. Варыгина, далеко от действительности и «не более как восточная фантазия»¹⁸¹.

Столица Хуттала — Хульбук, локализация которого долгое время оставалась предметом спора ученых как дореволюционных, так и советских, и впервые была точно определена советскими археологами Е. Давидовичем и Б. Литвинским. Согласно их исследованиям Хульбуку соответствует городище Хишт-тепе вблизи современного селения Курбан-Шейд Восейского района Кулябской области¹⁸².

На вопрос, когда и кем был создан город Куляб, дать определенный ответ весьма трудно. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что название «Куляб» появилось значительно позже. «Под властью узбеков,— писал В. В. Бартольд,— название Хутталь для области было вытеснено названием Куляб, еще в «Бахр ал асрар» Махмуда ибн Вели (начато в сентябре — октябре 1634 г.) область называется Хутталем. Название Куляб упоминается уже в истории хана Убейдуллы (1702—1711)¹⁸³.

По-видимому, после падения Хульбука последующие события (варварство монголов, частые походы Тимура и тимуридов, узбекских ханов) препятствовали в течение долгого времени появлению такого мощного политического центра, каким являлся в свое время Хульбук. Во всяком случае в имеющихся источниках и в археологических материалах нет сведений о существовании более известного крупного города в Кулябской долине в XIV—XVI вв.

Это не говорит о том, что Куляб был лишен всякого центра и всякой самостоятельности. Несмотря на то, что он был включен в состав государств тимуридов, шейбанидов, а затем и джанидов (аштарханидов), фактически он управлялся самостоятельно, то есть его зависимость была лишь номинальной. Это продолжалось

в XVIII в. «Хотя Куляб в XVIII в., — пишет Б. Г. Гафуров, — формально входил в состав Бухарского эмирата, тем не менее, со времени династии аштарханидов, он оставался фактически полусамостоятельным и управлялся местными владельцами»¹⁸⁴.

Нынешний город Куляб, по мнению некоторых дореволюционных авторов, является городом недавнего происхождения. «Прежде, — писал Н. А. Маев, — Куляб был расположен на местности, еще более низменной (к сожалению, место не указывается — Х. П.). На теперешнее место его перенес бывший владелец его Сары-хан»¹⁸⁵. М. А. Верыгин уверен в том, что город Куляб возродился недавно. В качестве аргумента он приводит сохранившееся в то время название кишлака Кухна-шаар Куляб (старый город Куляб), находившегося рядом с новым Кулябом¹⁸⁶.

О том, что нынешний Куляб являлся городом позднего происхождения, говорит и тот факт, что дореволюционные авторы не обнаружили признаков старины в городе. Кроме Д. Н. Логофета, утверждавшего, что «в самом Кулябе встречается большое количество бактрийских и русских монет великокняжеского периода, различных вещей, относящихся к самым древним эпохам»¹⁸⁷, другие почти не писали о предметах, свидетельствующих о древности города. И, наконец, А. П. Колпаков, исследовавший кварталы дореволюционного Куляба, указывает только на старинные постройки на северной окраине города (мавзолей Амир Саиди Хамадани, по преданию относящийся к началу XV в.¹⁸⁸). Но это еще не говорит о том, что город являлся ровесником мавзолея. К тому же, по утверждениям Колпакова, названия многих кварталов Куляба имеют недавнее происхождение¹⁸⁹. В число недавних сооружений входит и крепость. «В квартале Чармгари поён, — пишет А. П. Колпаков, — находятся развалины крепости (Калъаи Сарыбек), построенной во второй половине XIX в. независимым правителем Куляба Сары-беком»¹⁹⁰.

В первой половине XIX в. Куляб стал объектом экспансии Кокандского ханства и Кундузского владения. В годы правления кокандских ханов — Алим-хана (1800—1809) и Умар-хана (1809—1822) горные области — Каратегин, Дарваз и Куляб были присоединены к кокандским владениям.¹⁹¹

Правитель Кундуза Мурад-бек в начале 30-х годов XIX в. завоевал Куляб и отдал его в управление своему брату. Вспыхнувшее там восстание вынудило последнего возвратиться обратно. Восстание было жестоко подавлено. Мурад-бек разрушил город до основания, а часть жителей выселил в Хан-абад»¹⁹².

Наивысшего своего развития город Куляб достиг в годы правления Сары-хана, превратившись в политический и экономический центр всего края¹⁹³. Ему не только удалось добиться самостоятельного управления, но и значительно расширить свою территорию за счёт соседних земель. Кулябу были подчинены Гиссар и

Денау¹⁹⁴. После присоединения Куляба к Бухарскому ханству (1870). Сары-хан бежал в Афганистан. Но его еще долгое время не покидала мысль вернуть себе город и прежнее владение¹⁹⁵. После окончательной потери самостоятельности Куляб был включен в состав Бухарского эмирата в качестве отдельного бекства. Он управлялся беками, присланными из Бухары.

Несмотря на некоторую противоречивость, присущую сведениям русских дореволюционных авторов о городе, ими даются интересные сообщения. Н. Маев писал: «Город Куляб занимает весьма небольшое пространство... Кругом города, на огромном пространстве, разбросаны сады. Куляб гораздо многочисленнее Больджуана, который более разбросан по долине, а потому, на первый взгляд, и кажется обширнее»¹⁹⁶. Это сообщение подтверждается и Л. Ф. Костенко¹⁹⁷. Мнения этих двух авторов совпадают и в описаниях улиц города. «Улицы Куляба,— писали они,— широки и сравнительно чисты»¹⁹⁸. Город, по Г. А. Арандаренко, «весь разбросан в садах, прорезан широкими улицами и арыками»¹⁹⁹. Куляб показался А. В. Нечаеву «городком значительно большим, чем Кабадиан и Курган-Тюбе»²⁰⁰, а В. И. Масальский сообщает, что «Куляб представляет довольно большой (до 10 тыс. жителей) центр...»²⁰¹. Куляб произвел хорошее впечатление на Д. Ю. Рожевица. Он писал: «Из всех бухарских городов (за исключением Старой Бухары, где во всем виднеется европейская цивилизация) Куляб, пожалуй, единственный пункт, могущий называться городом. Хотя и тут весь город находится в садах, и на улицу выходят только голые глиняные стены, но все же местами виднеются и деревянные постройки, нередко довольно крупных размеров и с крышами, как у нас (т. е. не плоскими)»²⁰². Далее он пишет, что «по одной стороне главных улиц сделано что-то вроде панели из гальки и прутьев»²⁰³.

Русскими авторами дается немало сведений о крепости города. Например, П. Е. Косяков сообщал: «Крепость лежит в южной части города и имеет около 60 сажень в длину и 40 сажень в ширину. Стены ее сделаны из глины, имеют аршина 4 вышины и не более аршина толщины. Внутри крепости находятся никем не занятые постройки, а сама она, как видно, даже не ремонтируется»²⁰⁴. Если ко времени посещения Куляба Н. Маевым в цитадели жили беки и все служащие люди²⁰⁵, то уже при П. Е. Косякове бек жил в городе²⁰⁶. Это подтверждается и Р. Ю. Рожевицем. Он писал: «Из всех беков, нами посещенных, кулябский бек был единственный, не живший в своей крепости, а имевший помещений с садом почти в центре города»²⁰⁷. Он же указывает, что в городе была «довольно значительная каменная мечеть»²⁰⁸.

Дореволюционные авторы не дали сведений о планировке города, тем не менее в их работах содержится значительный материал для исследователя.

О планировке города и его кварталах, о городской жизни довольно подробно пишет советский исследователь А. П. Колпаков в своей работе «Некоторые сведения о кварталах дореволюционного г. Куляба». По его определению, город разделялся на 17 кварталов, носивших следующие названия: Дарвозан Тебалии, Кавола, Солибой, Кокчанор, Мулло Низом, Бозорбой, усто Юнус, Бобо якум, Сангов, Бозори Алибай, Ходжи Раджаб-бой, Сари бозор, Чармгари-боло, Чамгари поён, Нонвои боло, Нонвои поён, Исориён²⁰⁹.

БАЛЬДЖУАН

В русской дореволюционной научной литературе сведения о городе Бальджуане стали появляться в последней четверти XIX в. и в начале XX в. Материалы по интересующему нас городу даются в работах таких русских авторов, как Н. А. Маев²¹⁰, Л. Н. Костенко²¹¹, Г. А. Арандаренко²¹², В. И. Липский²¹³, А. Е. Снесарев²¹⁴ и др.²¹⁵.

Однако эти сведения далеко недостаточны для всестороннего освещения истории города Бальджуана, а являются лишь в известной мере географическим описанием с упоминанием незначительных фактов о социально-экономической жизни города, которые пока еще никем не собраны и не проанализированы. По-видимому, из-за отсутствия нужных источников и скудности литературы никто из дореволюционных авторов (за исключением академика В. В. Бартольда) не пытался коснуться средневековой истории Бальджуана. В настоящее время, когда советская историческая наука далеко продвинулась вперед, она, естественно, пополнилась новыми сведениями. В этом большая заслуга принадлежит А. М. Беленицкому, археологические исследования которого дали ценные данные для современных исследователей истории Кулябской группы районов²¹⁶. Материалы о более поздней истории Бальджуана имеются в трудах Б. И. Искандарова²¹⁷ и Ш. Юсупова²¹⁸.

По сведениям русских дореволюционных авторов, город Бальджуан как административный центр отдельного бекства был расположен в 46 верстах к северо-западу от Куляба²¹⁹, на правой стороне реки Кызыл-су, при впадении в нее небольшой горной реки Тальхок²²⁰ (или Талхак).

Почти все русские авторы, кроме А. В. Нечаева, дают одинаковые сведения о географическом расположении города. По его описаниям, «Бальджуан расположен на левом берегу реки Кызыл-су²²⁴, а по Р. Ю. Рожевицу, «город расположен у слияния рек Кызыл-су, Шурак (т. е. Талхак — Х. П.) и еще какой-то третьей небольшой речки, находящейся вправо от города²²² (по-видимому, имеется в виду Оби-Ховалинг, Талхак и Оби-Тира).

Опираясь на сведения арабских средневековых авторов, академик В. В. Бартольд утверждал, что «самый большой город Хутталя — Мунк соответствует нынешнему Бальджуану»²²³, что самый большой город Курган-Тюбинского оазиса — Халаверд по величине уступал Мунку²²⁴, и от Мунка до Хульбука (столица Хутталя) считали 2 дня пути. От Пулисангина до Мунка тоже 2 дня пути²²⁵. Такое отождествление поддерживает и Б. Н. Кастальский, с той лишь только разницей, что Мунк, по его мнению, является столицей Хутталя. Он писал: «Столицей Хутталя был город Мунк, на месте нынешнего Бальджуана, а столицей Хульбук на Кызыл-су, у нынешнего Гульбага»²²⁶. Отсюда ясно, что Б. Н. Кастальский не был знаком с историей Хутталя и, видимо, хотел присвоить слова В. В. Бартольде, исказив их смысл.

Если это отождествление В. В. Бартольда верно, и Мунк действительно находился на месте Бальджуана, то мы вправе считать Бальджуан древним городом. Но это категорически опровергается археологическими материалами В. М. Беленицкого. «В специальной литературе,— пишет А. М. Беленицкий,— прочно установилось мнение, что древний Мунк находится на месте нынешнего Бальджуана... Однако в действительности мнение это неверно»²²⁷. Так, на основании личного знакомства с районами Кулябской долины научные сотрудники Института истории, литературы и языка Таджикского филиала Академии наук СССР установили, что в Бальджуане нет следов древнего крупного города, что городище, которое можно считать остатками Мунка, находится вблизи Ховалинга²²⁸ (центр совхоза того же названия).

Нетрудно сделать вывод о том, что Бальджуан не соответствовал размерам древнего Мунка, если изучить несколько противоречивые сведения дореволюционных авторов, которые видели Бальджуан своими глазами. Например, Г. А. Арандаренко писал: «Самый Бальджуан — резиденция бека — представляет собой горный поселок в 300 дворов, с небольшой цитаделью»²²⁹, а Н. А. Маев утверждал: «Куляб гораздо многочисленнее Бальджуана, который более разбросан по долине, а потому, на первый взгляд, и кажется обширнее»²³⁰. В. И. Липский сообщает: «Бальджуан представляет из себя довольно большой город, обладающий лавками, базаром»²³¹. Может быть, В. И. Липскому город показался большим потому, что он был разбросан, как об этом говорил Н. А. Маев. Разница в сведениях о количестве дворов у Г. А. Арандаренко и А. Е. Снесарева могла появиться вследствие того, что второй посетил Бальджуан на несколько лет позже, чем первый. Это, однако, не меняет суть вопроса, так как город Бальджуан по всем данным не имел отношения к «самому большому» городу Хутталя — Мунку.

Если Бальджуан не соответствовал древнему Мунку, то являлся ли он древним городом? Как определить его возраст? Кто был

его основателем? На эти вопросы точные ответы дать весьма трудно.

Академик В. В. Бартольд писал, что Бальджуан упоминается в «Зафар-наме»²³³ (Шараф-ад-дин Али Йезди). Это свидетельствует о том, что город во времена правления Тимура существовал, но, судя по некоторым данным, (о которых речь будет идти ниже), упомянутый Бальджуан был другим Бальджуаном.

Летом 1925 года во время своей работы в библиотеках и музеях Туркестана академик В. В. Бартольд обнаружил в Бухаре очень интересную и ценную запись по истории города Бальджуана XIX века²³³. В этой рукописи, в частности, говорится: «В 1243 (1827—1928) Акта-хан стал правителем вместо своего отца Табул-хана. В то время крепость Бальджуан находилась напротив новой крепости на старом Бальджуане. Потом он добился согласия местных жителей на то место, где стоит сейчас крепость, и построил эту крепость, которая ныне существует» (Чои Қурғони ҳозираро аз фукароён розӣ карда гирифта. Қурғони ҳозираро бино карда)²⁵⁴.

Эта запись дает основание предположить, что город и крепость были созданы позже, в конце 20-х — начале 30-х годов XIX века, а основателем города, по-видимому, был Акта-хан (или Катта-хан). Вероятно, упомянутый в «Зафар-наме» Бальджуан соответствует Старому Бальджуану. Об этом свидетельствует и тот факт, что старый Бальджуан (Кухна Бальджуан) находится на левой стороне Казыл-су) (в данное время маленькое селение с несколькими жителями)²³⁵. О старом Бальджуане, развалины которого были видны из верхних помещений бека, упоминает и Б. Н. Литвинов²³⁶.

В чем же причина опустения старого и создание нового Бальджуана? Этот вопрос требует тщательного исследования. Но все же некоторые факты дают основания полагать, что причиной этому служило изменение русла реки Кызыл-су, или по местному Сурхоб, которая раньше проходила по территории Нового Бальджуана. В результате, видимо, какая-то часть старого города осталась под водой, и на том месте, где проходило старое русло реки, был создан новый город (т. е. Новый Бальджуан). Об этом в рукописи, обнаруженной В. В. Бартольдом, сказано: «То место (в Новом Бальджуане—Х. П.), где находится пятничная мечеть (Масчиди джомеъ), в то время было местом водоворота (гирдоб) Сурхаба»²³⁷. Об этом слышали и старожилы Бальджуана.

Сам факт, что русские путешественники, посетившие город Бальджуан, не заметили там признаков старины, говорит о нем как о городе недавнего происхождения. Например, во время пребывания Л. Н. Логофета в Бальджуане на его вопрос, где старинные здания в городе, один из местных собеседников ответил: «Старинных нет, тюр. Вот бекская кала старинная, а больше ничего

в городе нет»²³⁸. Д. Н. Логофет отмечал: «Мы занялись осмотром калы (т. е. крепости — Х. П.), которая была выстроена из глины и камня, но следов большой старины не имела»²³⁹. Эти слова еще раз подтверждают, что Бальджуан сравнительно молодой город.

В вышеуказанной рукописи последовательно даются сведения о правителях Бальджуана XIX в. Там говорится: «Акта-хан в течение 14 лет был правителем. В 1257 году (1841—1842) он умер. Правителем стал его сын Мизраб-хан... Он правил 13 лет. В 1270 году (1853—1854) умер, и престол занял его брат Камчин-хан. Он всего правил 3 года и в 1273 году (1856—1857) умер. После его смерти правителем стал Сара-хан, который управлял в течение 11 лет. Потом уехал в благородную Бухару и остался там на один год. В это время вместо него правил его брат Хамрах-хан, который чеканил от своего имени монеты. Сара-хан вернулся из Бухары оталыком (высший чин бухарского эмирата — Х. П.), и правил еще 2 года. После занятия эмиром благородной Бухары в 1287 году (1870—1871) Сара-хан бежал в Афганистан. Вместо него стал правителем один из приближенных эмира — Алмас датхо, после него правил Худайкул-Парваначи, а после него — Абдул-Карим дастархончи»²⁴⁰.

Говоря о государстве Бальджуан, следует отметить, что оно в 30-х—40-х гг. XIX в. явилось более могущественным, более самостоятельным, чем его соседи. Об этом свидетельствуют следующие факты, которые отмечены в указанной рукописи: «В то время был (здесь имеется в виду Акта-хан или Катта-хан — Х. П.) в хороших отношениях с эмиром благородной Бухары». Далее говорится: «В то время (т. е. в годы правления Мизроб-хана — Х. П.) Куляб находился в состоянии зависимости от Бальджуана, и его правителем был шах Сулайман-хан, сын Тавул-хана»²⁴¹.

Как уже отмечалось, в 30-х годах XIX в. Куляб был разрушен до основания правителем Кундуза²⁴². В это время Бальджуан сохранял свою независимость. Попытки Мурад-бека подчинить себе Бальджуан неизменно оканчивались неудачей²⁴³. Это свидетельствует о могуществе Бальджуана. Все эти факты дают основание полагать, что в XIX в., до правления Сара-бека (Сара-хана)²⁴⁴ резиденцией кулябских правителей являлся город Бальджуан.

По сообщениям русских дореволюционных авторов, крепость Бальджуан находилась отдельно от города²⁴⁵, на высоком берегу реки, приблизительно на высоте 20 саженей²⁴⁶ и имела вид «вороньего гнезда»²⁴⁷. Крепостная стена стояла над крутым, почти отвесным обрывом, стены и башни ее прилепились к горному склону. Крепостные ворота были поставлены со стороны города²⁴⁸. В стратегическом смысле крепость была построена на удачном месте. Благодаря вертикальному обрыву берега реки Кызыл-су крепость была недоступной. Почти недоступной была крепость и с ле-

нобережной части, так как дорога шла по узким улицам и довольно круто поднималась к крепости и, наконец, крепость была ограждена толстой стеной и имела прочные ворота.

Если в стратегическом плане крепость находилась на удобном месте, то в житейском — это место было подобрано весьма неудачно. Об этом Д. Н. Логофет пишет: «Отсутствие воды и растительности делали жизнь на этой скале совершенно невозможной в жаркую пору, когда эта масса глины и камня накалялась, изобращала из себя духовую печь»²⁴⁹. Несмотря на это, крепость являлась резиденцией бека, хотя некоторые путешественники и отмечают, что последний «томился как в клетке»²⁵⁰, находясь в крепости. Но это кажется маловероятным. Беки всегда создавали для себя все необходимые условия.

Крепость Бальджуан не произвела хорошего впечатления на очевидцев. Она состояла из плохих построек²⁵¹. И, видимо, в последнее время только «слегка»²⁵² ремонтировалась. К югу от крепости на пониженном склоне речной долины расположился город, а у самого основания крепостной горы раскинулся бекский сад²⁵³. Все городские постройки и базар находились, по сообщениям Р. Ю. Рожевица, «частью на берегу рек, частью же поднимаются довольно круто по долинам высокого берега»²⁵⁴. Мечети города были глинобитными постройками и не имели никаких признаков старины, «узкие улицы»²⁵⁵ мало отличались от улиц большого селения.

Таким образом, можно сделать вывод, что город Бальджуан — центр отдельного бекства — находился на правом берегу Кызылсу (или Сурхоб). отождествление Мунка с Бальджуаном ошибочно. Город, о котором писали русские дореволюционные авторы, не был древним городом. Существовал древний город Бальджуан. Он находился напротив Нового Бальджуана на левом берегу Кызылсу и, видимо, этот город разделял судьбу Куляба на протяжении всей средневековой истории.

В конце XIX — начале XX вв. город Бальджуан как административный центр играл большую роль в социально-политической и экономической жизни Бальджуанского бекства и всей Кулябской долины.

ГАРМ

История Гарма неразрывно связана с историей всего Каратегинского края, так как город на протяжении многих столетий являлся его политическим центром.

Благодаря своей труднодоступности край этот чаще всего оставался в стороне от большинства событий, происходивших на равнинах Средней Азии. Поэтому до конца XIX в. он не был объектом специального изучения. Историко-географические сведения о

Каратегине и его столице в научной литературе незначительны. По этому поводу Н. А. Кисляков пишет, что «до нас из древности дошли лишь некоторые отрывочные сведения, отнюдь не освещающие истории этих стран (т. е. Каратегина и Дарваза — Х. П.), но упоминающие о них лишь попутно, случайно, в связи с теми или другими событиями в соседних районах»²⁵⁶. Опубликованные К. А. Абрамовым в 1870 г. сведения²⁵⁷ были почти первыми и в течение нескольких лет оставались единственными более или менее достоверными данными. Они были значительно пополнены в 1875 г. данными из статьи «Каратегин» управляющего нагорными районами Г. А. Арандаренко²⁵⁸. В ней автор приводит сведения о городе Гарме.

Из русских путешественников, как уже отмечалось, первому удалось посетить Каратегин в 1878 г. энтомологу В. Ф. Ошанину (1844—1917). Результаты своих наблюдений он опубликовал в статье «Каратегин и Дарваз»²⁵⁹. Сведения по географии и истории Каратегина мы находим в работе крупного русского востоковеда И. П. Минаева, посвященной изучению истории верховьев Аму-Дарьи²⁶⁰. В 1881 г. Каратегин посетил ботаник А. Э. Регель. Годом позже (в 1882 г.) по Каратегину и Дарвазу путешествовал Н. Е. Косяков. Он опубликовал свои «Путевые заметки»²⁶¹, в которых имеются сведения и по Каратегину. Нужные сведения содержатся и в работе Г. А. Арандаренко (1883), посвященной истории и этнографии Дарваза и Каратегина²⁶². Эта работа написана в результате личного знакомства с Каратегинцем в 1882 г. В 80-х—90-х годах XIX в. Каратегин посетили русские путешественники²⁶³, в сообщениях которых мы находим различные, в основном случайные и отрывочные, сведения. Более обстоятельной является работа капитана Васильева «Краткое статистическое описание Каратегина»²⁶⁴, написанная в результате путешествия по этому краю в 1887 г.

Ценные сведения по Каратегину (в частности по Гарму) имеются в трудах В. И. Липского²⁶⁵, А. Е. Снесарева²⁶⁶, Д. Н. Логофета²⁶⁷, которые посетили край в конце XIX — начале XX вв. Они сообщили более полные и точные географические сведения о Каратегине и его столице, которые до этого основывались на распросных данных и имели много ошибок и неточностей.

Город, по их сообщениям, расположен на правом берегу реки Сурхаб²⁶⁸ в глубокой долине, образуемой на севере Каратегинским хребтом и на юге хребтом Петра Великого²⁶⁹. Когда и как был основан Гарм, остается загадкой. Сделать какие-либо предположения о его основании весьма трудно.

Академик В. В. Бартольд в статье «Каратегин» указывает, что «в древности через эту область (т. е. через Каратегин — Х. П.) шел описанный Птоломеем путь из западной в Восточную Азию»²⁷⁰. О древности этого края говорит и легенда, связанная с

именем Александра Македонского, хотя, по мнению большинства ученых, он не доходил до этих горных районов. В период Греко-Бактрийского царства путь в Восточный Туркестан шел вверх, по долине Вахша через Каратегин и Алайскую долину на Кашгар»²⁷¹.

Большинство крупных исследователей истории Средней Азии, опираясь на сведения арабоязычных авторов, утверждают, что Каратегин до более позднего периода назывался Рашт, местоположение главного города которого соответствовало нынешнему Гарму²⁷².

Благодаря своей отдаленности и труднодоступности Каратегин оставался в стороне от нашествия арабских, монгольских, турецких и узбекских завоевателей. Однако это вовсе не говорит о том, что Каратегин являлся ничем в политическом отношении и стоял совсем в стороне от политической жизни окружающих районов. Русские исследователи совершенно верно отмечают, что политические перемены в Средней Азии оказали свое влияние на эту горную область Таджикистана. По словам Г. А. Арандаренко: «как Дарваз, так и отчасти Каратегин, всегда были связаны экономическими связями с соседними бухарскими, кокандскими бекствами, и это обстоятельство неотразимой жизненной зависимости издавна втягивало их в те политические колебания, которые были так часты в Средней Азии, которые отражались, хотя и в очень слабой степени, и на их судьбе»²⁷³.

Из материалов русских авторов видно, что Каратегин часто подвергался различным испытаниям. Иной раз он не был в состоянии полностью сохранять свою независимость, но он постоянно управлялся местными правителями-таджиками, принадлежавшими к одному роду. Об этом, в частности, сообщает Г. А. Арандаренко: «Все предания о прошлом этой горной области вполне тождественно передают, что до 1868 года владения Каратегина были независимы и управлялись олигархией потомственных шахов, которые с гордостью считали себя потомками Александра Македонского»²⁷⁴.

Каратегин несколько раз подвергался нападениям со стороны сильных соседей. Например, только в XIX веке были совершены три похода кокандских ханов. Первый — при Мухаммеде Алихане, который, по мнению Ч. Валиханова, закончился покорением Каратегина и Дарваза»²⁷⁵ (в 1834 г.), второй — при Маллы-хане (в 1858 г.) и третий — при Худояре под начальством Шир Алипансата²⁷⁶ (1869). «При Худояре-хане, — писал в своем рапорте от 23 октября 1876 г. об Алайском походе начальник отряда генерал-майор Скобелев, — из-за ичкилинцев (горное кочевое население в Ферганской области — Х. П.), давно уже привыкших находить убежище в Каратегине, неоднократно между последним (т. е. Каратегином — Х. П.) и Коканом возникали пререкания, приводившие к вооруженным столкновениям»²⁷⁷. Еще раньше, ве-

ной 1869 г. он подвергался нападению со стороны кулябского правителя Сара-бека, но он, как и другие, долго не мог оставаться в Каратегине²⁷⁸. Каратегин также несколько раз попадал под власть дарвазских ша, но вновь приобретал самостоятельность. Например, это было во время правления ша Исмаила²⁷⁹ (середина 40-х годов — начало 60-х годов). В отличие от своих соседей каратегинские ша сами редко или почти не нападали на соседей. О миролюбивой политике каратегинцев Васильев сообщает, что каратегинские ша не вели воинственную политику и местные жители склонны сохранять эту традицию и предпочитают мирную жизнь²⁸⁰. После изгнания местным населением кокандского военачальника Шир-али в Каратегине усиливается влияние Бухары. Об этом свидетельствует тот факт, что правитель края из местной династии назначался лишь с согласия эмира бухарского. Например, племянник последнего, ша Музаффар-хана Рахим-хан, ярлык на управление получал уже в Бухаре²⁸¹. А тот факт, что правитель назначался все-таки из местной династии, является, по мнению Г. А. Арандаренко, «не более как уступкой прежнему режиму»²⁸². Как сообщают русские исследователи, каждый год правители Каратегина и Дарваза «с весьма незначительными подарками» приезжают к эмиру в Бухару «на саям»²⁸³. Со своей стороны эмир щедро одаривает их и во время пребывания их в пределах ханства выдает им по 60 тенег (12 рублей) суточных²⁸⁴. «Эти щедрые подарки, вероятно, и приманивают Дарвазского и Каратегинского ша в Бухару на саям к эмиру, у которого они гостят обыкновенно месяца два или три»²⁸⁵.

После успешных походов на Денау, Гиссар, Курган-Тюбе и Куляб войска эмира Музаффара под командованием Худой-Назара-дадхо осенью 1877 года приступили к окончательному завоеванию Каратегина и Дарваза. В результате упорных боев им удалось захватить Гарм²⁸⁶. С завоеванием Каратегина навсегда было покончено с той частичной самостоятельностью, которой обладали местные ша. Образовалось Каратегинское бекство, входившее в состав Бухарского эмирата²⁸⁷.

Описывая Гарм, русские дореволюционные авторы отмечали его удачное стратегическое расположение. Феодалная раздробленность и междоусобные войны способствовали укреплению городов как политического центра. В отличие от городов равнин Средней Азии, как указывает Костенко, Гарм не имел городской стены²⁸⁸. Это объясняется тем, что функцию оборонительного сооружения вполне выполняли горы и река, которые окружали его со всех сторон. Капитан Васильев указывает, что Гарм «вытянулся к северу от Сурхаба версты на две»²⁸⁹. Дома в городе все были глинобитными, постройки были скучены и неудобны для жилья²⁹⁰, но в гигиеническом и санитарном отношении условия жизни в Гарме были вполне благоприятными²⁹¹. Во время пребы-

вания Васильева в городе по его подсчетам было 12 мельниц²⁹² что позволяет говорить о Гарме как о крупном населенном пункте. Единственным зданием, которое привлекало внимание путешественников, была бекская кала или крепость, которая находилась «у берега в юго-восточной части города»²⁹⁵. Ее стены спустились к воде почти отвесно²⁹⁴.

Васильев пишет, что крепость представляет из себя квадрат, 40 шагов в стороне; высота глинобитной стены футов двадцать; толщина стен неодинакова; средняя — фута 4; стена, по берегу значительно обвалилась; внутри цитадели два двора; входы в восточном и западном фасах; экспланада в северной стороне шагов в 40—50. У северо-восточного угла отдельная наблюдательная башня; высота ее — футов 25, диаметр этой башни 2 сажени²⁹⁵. Довольно подробные сведения о крепости имеются и у Д. Н. Логофета. Он пишет: «Массивные стены выглядели мрачно и неприступно. Узкие бойницы и высокие зубцы опоясывали верх стен круглые башни по углам и у ворот придавали крепости довольно внушительный вид. Огромные ворота с местами сохранившейся старинной резьбой, покрытые ржавыми головками гвоздей, со скрипом распахнулись перед нами, открывая темные закопченные стены»²⁹⁶. Определить возраст крепости из-за отсутствия данных русским ученым не удалось. Но, судя по некоторым фактам, крепость выглядела довольно старой. Об этом свидетельствует «старинная резьба» и сильно попорченные временем бревна, лежащие в стене между прослойками кирпича и глины, о которых пишет Д. Н. Логофет²⁹⁷. Старинное оружие на стенах коридора, вид крепости позволили В. И. Липскому предположить, что «все это отзывалось весьма отдаленной стариной»²⁹⁸.

В сведениях русских путешественников не упоминается о кварталах Гарма. Очевидно, что в то время, когда они посетили Гарм, он потерял то могущество, которое имел во времена ша. Об этом в частности, свидетельствует Н. А. Кисляков, который, основываясь на рассказах местных старожилов, утверждает, что Гарм во времена ша был более населен и благоустроен, чем впоследствии во времена беков. В городе существовали три прихода мечетями, в Кашкарском квартале было более 100 хозяйств ремесленников по обработке железа и столько же хозяйств ремесленников по обработке кож в квартале кожевников²⁹⁹.

Таким образом, основываясь на материалах русских дореволюционных исследователей, можно сделать вывод, что Гарм с давних времен является столицей Каратегина и разделял его судьбу во все периоды его истории³⁰⁰. Несмотря на то, что по описаниям русских авторов Гарм не являлся крупным городом, но тем не менее он играл немаловажную роль в политической и экономической жизни всего края³⁰¹. После присоединения Каратегина к Бухаре Гарм продолжал выполнять функции столицы. Из резиденции и

он превратился в резиденцию беков, назначаемых бухарским эми-
ратом³⁰².

КАЛАЙ-ХУМБ

Самым отдаленным городом Восточной Бухары являлся Калай-Хумб — административный центр Дарвазского бекства в период независимости края — резиденция дарвазских шахов³⁰³. На протяжении нескольких столетий город был средоточием политических интриг, которые беспрерывно шли между представителями рода ша³⁰⁴. Здесь происходили все основные события, оставившие заметные следы в истории этого края. Как культурный и экономический центр, он сыграл немаловажную роль не только в истории Дарваза, но и в истории всего таджикского народа.

Труднодоступность Калай-Хумба, как и всего Дарваза, способствовала тому, что русским путешественникам долго не удавалось ознакомиться с ним³⁰⁵. Г. А. Арандаренко 28 марта 1880 г. в дописании Туркестанскому генерал-губернатору отмечает, что «горная страна Дарваз, занимая возвышенности левобережья среднего течения р. Пяндж и ее притоков, не видела до настоящего времени ни одного европейца и остается поэтому совершенно неизвестной в географическом, этнографическом и в других отношениях, имеющих значение для науки. Не больше знают о Дарвазе и бухарцы и само правительство эмира»³⁰⁶.

Первые сведения о Дарвазе, которые появились в русской печати, были расспросными, и, разумеется, не были лишены недостатков (неточности в описании и искажения названий местности). Примером могут служить сведения И. Минаева. «Кала-Кхумб (т. е. Калай-Хумб — Х. П.), — пишет он, — лежит к северу от Вамура. Можно добраться до Кала-Кхумба в три дня; дорога эта идет по течению небольшой реки, впадающей у Вомура в Пяндж справа. За Дарвазом находится страна Кхотлан (Хатлан или Хутталь — Х. П.), главный город которой называется Куляб»³⁰⁷. Г. А. Арандаренко столицей Дарваза ошибочно называет Кала-и Вамар и относит Дарваз к Тянь-Шаню³⁰⁸. Скучными являются и сведения Л. Ф. Костенко и В. Н. Ошанина³⁰⁹. Оба автора сообщают лишь, что «Калай-Хумб находится на правом берегу р. Пяндж»³¹⁰. Первым из русских путешественников посетил Дарваз в 1879 году ботаник С. М. Смирнов³¹¹. После него в 80-х годах XIX в. в Дарвазе побывал ряд других путешественников — А. Э. Регель (1881 г.)³¹², П. Е. Косяков (1882 г.), Г. А. Арандаренко (1882 г.). Они и были первыми авторами, которые давали более подробные и достоверные сведения о Дарвазе.

В конце XIX — начале XX в. выдвинулся ряд отважных путешественников и ученых, которые внесли весомый вклад в изучение Дарваза.

Прежде всего надо отметить заслуги капитана Кузнецова, посетившего Дарваз в 1892 году и оставившего довольно важные историко-географические и социально-экономические сведения³¹³. В эти годы ценные сведения о Дарвазе сообщаются в работах В. И. Липского³¹⁴, Б. Н. Литвинова³¹⁵, А. А. Семенова³¹⁶, и В. В. Бартольда³¹⁷. Материалы по интересующему нас району имеются также в работах Д. Н. Логофета³¹⁸, А. Шишова³¹⁹, В. И. Масальского³²⁰.

Русские ученые довольно точно определяют географическое расположение Калай-Хумба³²¹. Так, Г. А. Арандаренко пишет: Калай-Хум (т. е. Калай-Хумб — Х. П.)... расположен на самом берегу р. Пяндж, ширина которой здесь не более двадцати сажен, а течение довольно ровное. Сама местность Калай-Хум с пятью ближайшими селениями на западе представляет котловину, замкнутую со всех сторон нависшими скалами, усиливающими летний душливый зной и умеряющими зимний холод, задерживая ток ветра»³²².

Указывая высоту столицы Дарваза — 4.399 футов (1 фут равен 30,48 см), В. И. Липский сообщает, что «она лежит в дельте, образуемой впадением р. Хумбоу в Пяндж на высоком левом (здесь, по-видимому, опечатка, следует читать «правом» — Х. П.) берегу последнего»³²³. Б. Н. Литвинов местоположение города описывает так: «Самый город Калай-Хумб приютился на небольшом, широком пологом языке, образовавшемся от впадения в Пяндж ручья Оби-Хумбоу»³²⁴. Скучность материала затрудняла последовательное изложение истории Дарваза. «Крайне обидно, — писал Д. Н. Логофет, — что сведения об этих государствах (имеется в виду горные — Х. П.), настолько отрывочны, что нет никакой возможности выяснить их исторические судьбы»³²⁵.

Говоря об истории возникновения города, следует отметить, что некоторые авторы считают его основателем Ша-Киргиза³²⁶, другие (например, Б. Н. Литвинов³²⁷ называют основателем города бухарского хана Абдуллу (1557—1598) Кузнецов попытался дать более обстоятельные сведения по истории возникновения города. Он указывает, что до Ша-Киргиза столица находилась в 6 верстах от Калай-Хумба. «Он (т. е. Ша-Киргиз — Х. П.), перенес столицу ханства в устье реки Хумбоу (нынешний город Калай-Хумб), где в то время был небольшой садик, разросшийся ныне в громадный роскошный и тенистый сад...». Кузнецову показали необыкновенной величины чинары, которые, по мнению местных жителей, будто бы были посажены самим Ша-Киргизом³²⁸.

До Кузнецова о старой столице Дарваза писали А. Э. Регель³²⁹ и П. Е. Косяков³³⁰. Мнения о Карране как о древней столице Дарваза придерживаются многие советские ученые. Так, как академик Б. Г. Гафуров, указывая на политическую раздробленность Мавераннахра в VII веке, говорит о столице Дарваза Карране,

располагавшемся, по его мнению, «выше нынешнего Калай-Хумба»³³¹. Учитывая это замечание, можно предположить, что развалины старой крепости, о которых писали дореволюционные авторы, являются не чем иным, как остатками древнего Каррана.

Опираясь на сообщения русских путешественников, можно с полным основанием говорить о Калай-Хумбе как о городе сравнительно позднего происхождения. Это подтверждается содержанием следующего четверостишия неизвестного автора, приведенного А. Р. Маджлисовым в работе «Материалҳои кишваршиносии онд ба таърихи Тоҷикистон»:

Шах, сохт бинои калъаро дар боғе,
Офат нарасад ба меваш аз зоғе,
Таърихӣ бинои Қалъаи Хум кардам,
Дар сини душманон ниҳодам «доғе».³³²

в переводе:

Шах крепость построил в саду,
Ворона пусть не принесет его плодам беду,
Когда передаю историю Калай-Хума,
Тем опаяю (ставлю доге) я сердце врагу³³³.

В последней строчке стиха буквы слова «доге» (в переводе «палить, опалять, спалить»), числовое значение (по «абджаду») которых составляют 1015 хиджри (т. е. 1606/1607 гг.), подтверждают достоверность сведений русских авторов об истории возникновения города Калай-Хумба.

Калай-Хумб производил хорошее впечатление на большинство путешественников, посетивших его. В своем докладе член Туркестанского отделения РГО М. А. Кирхгоф о поездке на Памир летом 1899 года относительно Калай-Хумба говорит: «Городок этот по внешнему виду не подходит к обычному типу среднеазиатских селений; улицы в нем прямые, широкие, обсаженные деревьями; попадаются даже окна, выходящие на улицу»³³⁴, что для среднеазиатских городов — редкость. Положительное впечатление от Калай-Хумба мы находим в работе А. С. Семенова «Этнографические очерки Зерафшанских гор...», где, в частности, он пишет: «Столица всего Дарваза и вместе с тем его единственный город — Калай-Хумб, или, как часто называют его местные туземцы, «Дарвоз», производит весьма приятное впечатление разнообразною зеленью своих садов с мелькающими из-за них белыми домиками и прелестным видом на дальние кишлаки, разбросанные ниже его по реке и выше по горным склонам»³³⁵. И далее: «Образцовая чистота в городе приятно поражает каждого заезжего. Эта опрятность тщательно поддерживается: улицы по нескольку раз в день поливаются, мусор и всякие нечистоты удаляются, деревья, как и незде в Горной Бухаре, заботливо охраняются от различных по-

прежний и аккуратно подмалеван, вследствие чего в городе масса зданий»³³⁷.

О достопримечательности от Калай-Хумба В. Н. Литвинов пишет следующее: «Несмотря на то, что Калай-Хумб является самым благоустроенным городом Юго-восточной части Бухары, он более всех виденный чужим центром походит на город. Главная базарная улица широка, чиста и прямая; домики, хотя такие же убогие, как и везде, выглядят предельно опрятно. Большинство их, равно как и базарные постройки и казармы двух рот седьмого бухарского батальона, оштукатурены белым алебастром и раскрашены серой краской по трафарету, вероятно, единственному в городе, судя по рисунку...»³³⁷.

Достопримечательностей в Калай-Хумбе было мало. Путешественники обратили внимание на сад дарвазских шахов, на каменную чашу (т. е. хум)³³⁸, от которой, по мнению большинства авторов, получил свое название город³³⁹, и каменный трон³⁴⁰. «Громадный сад бывших дарвазских ханов, ныне находящийся в ведении местного эмира,— писал А. А. Семенов,— наполнен старыми виноградниками, исполинскими чинарами, карачами и всевозможными фруктовыми деревьями»³⁴¹. Этот сад в городе не был единственным. По мнению Б. Н. Литвинова, весь город состоял из садов³⁴².

Немало интересных сведений русские дореволюционные авторы оставили о каменной чаше (хум-кувшин, горшок)³⁴³. Следует отметить, что первые сведения о ней стали распространяться до того как город посетили русские. В. И. Ошанин, будучи знаком с Калай-Хумбом, на основе устных сообщений указывает: «Название Калай-Хумба—это значит кувшинная крепость—произошло, говорят, от камня, имевшего вид кувшина и находившегося у истоков реки Хумбоу»³⁴⁴. По поводу этого камня Г. А. Арандаренко пишет: «Киргиз-хан свою столицу называл Калай-Хумб потому, вероятно, что застал в ней сохраняющийся и теперь огромный выделанный из гранита горшок, работы, как уверяют, подвижников Александра Македонского...»³⁴⁵. Б. Н. Литвинов утверждает, что он сделан из мрамора и, по его мнению, кувшин «очень недавнего происхождения»³⁴⁶. В отличие от других авторов довольно подробные сведения об этой чаше дают Б. Л. Громбчевский и А. А. Семенов.

По сообщениям Громбчевского, справа от дороги на улице стояла старинная, громадных размеров, каменная урна или ваза (хум), еще тогда разбитая, попорченная землей и служившая сидением для караульного солдата. Один кусок этой вазы был поставлен в забор слева от дороги. О назначении, а также ее происхождении никто ничего не знал. На вазе не было обнаружено никаких надписей или рисунков. Он присоединяется к мнению, что название Калай-Хумба произошло от этого сосуда. Громбчевский

таким образом излагает свое мнение по поводу происхождения этого камня: «Очень может быть, что в местности эти до завоевания их арабами, распространителями мусульманства, проник буддизм или брахманизм, и что урна эта служила для сжигания тел. Это, впрочем, личная моя догадка, а в преданиях местных жителей никаких сведений об этом не сохранилось»³⁴⁷.

А. А. Семенов, в отличие от них, говорит о двух чашах. «Чаша, — пишет он, — находятся в конце той улицы, где стоят казармы, на берегу речки Калай-Хум (Хумбоу — Х. П.), впадающей в Пяндж. Обе сделаны из цельного камня, каждая в диаметре имеет аршина полтора-два, в глубину — пол-аршина. Одна чаша отколотым краем лежит на улице, а другая в нескольких саженах от первой заделана в угол каменной ограды³⁴⁸ чьего-то сада, так что виден лишь ее край»³⁴⁹.

А. А. Семенов от местных знатных людей услышал легенду, что эти чаши были сделаны по повелению Александра Македонского руками дэвов. Но в простонародье бытовало другое предание: «Чаша сделаны лет 200 тому назад выходцем из Кашгара, чтобы толочь и растворять в них различные краски для окрашивания хлопчатобумажных тканей», и что этот кашгарец «вперые научил подобному искусству дарвазцев». Семенов делает вывод, что второе предание выглядит более правдоподобным, чем первое, и для подтверждения своего предположения приводит тот факт, что эта часть Дарваза славится своими цветными хлопчатобумажными тканями³⁵⁰.

Другим своеобразным памятником старины, о котором сообщают некоторые путешественники, является разбитый каменный трон бывших владельцев Дарваза». «Разбитый на части бедоносными бухарцами каменный трон³⁵¹ бывших «царствующих» потомков Александра (авлод подшо — Искандер) лежит здесь (т. е. в саду — Х. П.) у подножья великана карагача»³⁵².

Русские путешественники обратили внимание на строения крепости Калай-Хумба. Согласно их описаниям, она была расположена на правом берегу реки Пяндж у впадения в нее реки Хумбоу³⁵³. Крепость имела 40 сажений в длину и 30 сажений в ширину, была сложена из камня и оштукатурена глиною. Высота стен доходила до 6 аршин, толщина же до 2,5. К стенам примыкали 6 башен. Внутри крепости находились помещения для бека³⁵⁴.

Сведения русских дореволюционных авторов говорят о том, что к концу XIX в. кроме бекского сада, разбитых каменных чаш и трона, со времен независимости Дарваза ничего не сохранилось. «Дворец эмира, — писал А. А. Семенов, — внутри подвергся существенному ремонту и заново перестроен лет двадцать тому назад, как гласит вырезанный по-персидски на одной из дверей таърих (дата). Городская мечеть с бронзовой люстрой в ней при нас подвергались капитальной переделке»³⁵⁵. Как видно, представителей

русской науки интересовало все, созданное руками местных самобытных мастеров и трудом народа, построившего город и крепость в таком труднодоступном ущелье Дарваза³⁵⁶.

РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Население (численность и этнический состав)

Точное определение численности населения дореволюционной Восточной Бухары вообще и количество населения городов в частности по сей день остается одной из нерешенных проблем истории края. Вся трудность заключается в том, что до революции в эмирате переписи населения не проводились. «Они, — пишет Д. Н. Логофет, — по разъяснению мусульманских ученых и духовенства, противны мусульманской религии, а потому ни центральное бухарское правительство, ни высшая администрация не знает количество населения, не имея в то же время никаких сведений ни о рождаемости, ни о смертности среди него»¹. Поэтому, когда решается об определении численности населения (в том числе и городского) Восточной Бухары, мы вынуждены довольствоваться только теми сведениями, которые оставили русские дореволюционные авторы. Им приходилось определять количество населения беков и городов путем применения различных методов и способов исчисления. К числу наиболее распространенных можно отнести следующие: 1) определение размеров площадей; 2) количество в них дворов и кибиток; 3) количество воды, расходуемой на орошение земель; 4) среднее число дворов в городских кварталах; 5) среднее число душ во дворе и кибитке; 6) сравнение этих данных с результатами переписи в русских областях².

К вышеуказанным способам можно добавить и определение по объему взимаемых налогов. «Благодаря таким способам, — писал Д. Н. Логофет, — разумеется, получаются лишь приблизительные и, вероятно, в общем во многих случаях не отвечающие действительности данные...»³.

У каждого исследователя были свои методы и свой индивидуальный подход к указанным способам, что рождало противоречивость в их сведениях. Д. Н. Логофет указывал, что все исследователи определяли среднее количество жителей на двор в 6 человек⁴. На самом деле эта цифра, которая хотя и удовлетворяла некоторых исследователей (Г. А. Арандаренко, Кузнецова и др.), считалась неприемлемой для многих авторов. Капитан Стеткевич по этому поводу писал: «Жителей принято считать по 5 душ на двор и кибитку, а в городах несколько более»⁵. Средний показатель по 5 человек на семью для П. Гаевского является реальным⁶. А. Е. Снесарев полагал, что на двор в Каратегине в среднем приходится по 7—10 человек⁷. Таких примеров можно привести немало. Несколько иначе смотрит на это хороший знаток экономики и статистики Туркестана С. И. Гулишамбаров. Отмечая приблизительность учета населения, он указывает, что «при учете

населения дети, особенно девочки, почти никогда не учитываются, редко учитываются и женщины». Поэтому, по его словам, при учете, который иногда производится для отдельных пунктов в фиксальных целях, нередко оказывается население вдвое больше, чем принималось раньше. Исходя из этого, С. И. Гулишамбаров предлагает согласиться с тем, что «в Бухаре население гораздо больше, чем официально принимается»⁸.

Несмотря на эту противоречивость, сведения русских дореволюционных исследователей о численности населения городов Восточной Бухары являются крайне ценными источниками. Их историческое изучение приводит к более достоверным выводам.

Город Термез. Данные о численности населения Термеза, в отличие от других городов Восточной Бухары, являются более достоверными, так как там в основном жили русские, и проводились переписи. По данным Д. Н. Логофета, в Термезе русских подданных вместе с войсками проживало 6000 человек⁹. По С. И. Гулишамбарову, — 7000¹⁰. А. П. Фомченко, основываясь на дореволюционных данных, утверждает, что накануне первой мировой войны население Термеза (Патта-Гисара) составляло 2647 человек, не считая чинов гарнизона (4 тысячи)¹¹. По сведениям Туркестанской краевой продовольственной управы количество проживающих русских в Термезе в июле 1917 г. составляло 8000 чел.¹². Видимо, сюда включили и 1500 русских, которые проживали в Патта-Гисаре¹³. Кроме русских, в Патта-Гисаре проживали: бухарцы — 640, русские мусульмане (видимо, татары, башкиры, чечены — Х. П.) — 120, афганцы — 257, русские евреи — 50, персы — 80 человек¹⁴. Таким образом, имеющиеся сведения дают основания полагать, что в Термезе вместе с Патта-Гиссаром проживало свыше 9 тыс. человек.

Город Байсун. Н. Маев, посетивший Байсун в середине 70-х годов XIX в., определяет численность его населения с пригородами в 5.000 человек¹⁵. По Д. Н. Логофету, в городе Байсуне в начале XX в. проживало 3000 человек¹⁶. С. И. Гулишамбаров количество жителей этого города определяет в 9000 чел.

Город Денау. В Денау, по подсчетам Д. Н. Логофета, проживало 3000 чел. Эту же цифру приводит и В. И. Масальский¹⁷. Но данные, имеющиеся в работах специалистов по делам торговли и таможенного досмотра, долго работавшего в Бухаре А. Губаревича-Радобыльского и С. И. Гулишамбарова, являются совершенно иными. Первый автор относит Денау к числу тех городов, которые имеют население примерно от 6 т. до 10.000¹⁸, а второй определяет население города более округленной цифрой — 7000 чел. Если учесть замечание Н. Маева о том, что «Денау весьма большой город»¹⁹, то мнение последних авторов выглядит более правдоподобным.

Город Кабадиан. Д. Н. Логофет и И. В. Масальский сообщают, что в начале XX в. в городе Кабадиане проживало 5000 человек. К их мнению присоединяется и Н. Г. Маллицкий²⁰. По мнению С. И. Гулишамбарова, в городе жили 11000 человек. В «Туркестанских ведомостях» неизвестный автор писал: «Самый город (т. е. Кабадиан — Х. П.) не имеет построек, так как население его кочевое и приходит сюда только в самое холодное время, проводя его на своих черваках в юртах или глинобитных саклюшках»...²¹ По всей вероятности, указанный автор сам никогда не бывал в Кабадиане и не имел представления о городе. Достаточно напомнить, что город Кабадиан славился шелководством, ремеслом, которым не занимались кочевники.

Курган-Тюбе. По подсчетам П. Гаевского, в городе Курган-Тюбе вместе с кишлаками Тоир Малы и Тагчи насчитывалось 200 дворов²². Если брать минимальную среднюю цифру, то выходит 1000 человек. Эта цифра совпадает с мнением Д. Н. Логофета и другими сообщениями о городе. Например, как указано выше, по мнению большинства авторов, Курган-Тюбе являлся небольшим городом. Поэтому цифру в 1000 человек можно считать приемлемой.

Город Гиссар. Численность населения города определяется (Логофетом и Масальским) в 3000 человек²³. Если же учесть положение Гиссара как самого крупного политического центра Восточной Бухары, то эта цифра (т. е. 3000) является явно недостаточной. К тому же С. И. Гулишамбаров определяет население города в 8000 человек. По этому поводу имеются и другие мнения. Например, А. Панков считал, что до революции в Гиссаре жило около 10.000 человек²⁴.

Каратаг. В летней столице Гиссарского бекства, согласно сведениям капитана Стеткевича, в начале 90-х годов XIX в. насчитывалось 600 дворов, в которых жило 4000 человек²⁵. На 10 лет раньше Стеткевич, т. е. в начале 80-х годов XIX в., П. Е. Косяков определял количество дворов в 700²⁶. По сведениям Д. Н. Логофета и В. И. Масальского, в начале XX в. в г. Каратаге насчитывалось 5000 жителей²⁷ (видимо, до землетрясения 1907 г.). Эту цифру подтверждает и Н. Г. Маллицкий²⁸. Следует отметить, что после землетрясения на страницах периодической печати появились заметки о количестве погибших при разрушении города людей. Оно колебалось от 1200 до 15000 человек²⁹. Остановиться на какой-нибудь из этих чисел, как на наиболее достоверном для определения общего количества населения, является крайне затруднительным. Во всяком случае, независимо от количества населения, Каратаг был одним из довольно благоустроенных и оживленных городов Восточной Бухары. Свидетельством тому являются приведенные А. Маджлисовым в своей работе «Аграрные отношения» стихотворения очевидца землетрясения, поэта по имени

Хатиб, где характеристика города дается в следующих строках:

Дарег аз Қаратоғу аз иморатхою айвонаш,
Дарег аз бой, аз аттору, баззозу, калононаш,
Дарег аз амалдору, мирзою, дабиронаш
Дарег аз лоларухсорону аз навхат ҷавонаш

в переводе:

Жаль Каратага, его красивых домов с айванами,
Жаль его басв, торговцев и видных людей,
Жаль его чиновников, мира и сочинителей
Жаль его цветущих девочек и сильных юношей³⁰.

Город Душанбе. Сведения о его населении являются также противоречивыми. Б. Н. Литвинов утверждал, что в городе было 500 дворов³¹. Д. Н. Логофет, не указывая число дворов, число же жителей определил в 20.000 чел., а С. И. Гулишамбаров наиболее вероятной цифрой считает 28.000 человек, что при количестве дворов, указанном Б. Н. Литвиновым, выглядит весьма сомнительным. Но если учесть роль города и его место в торговых отношениях в начале XX в., то сведения последних авторов являются правдоподобными, хотя А. Панковым население дореволюционного Душанбе определялось от 3.500 до 4.000 человек³².

Из второстепенных административных центров, кроме Каратага и Душанбе, на территории Гиссарского бекства наиболее известными были города Регар и Файзабад. До присоединения территории Восточной Бухары к ханству они считались крупными центрами, но были разрушены бухарскими войсками в ходе завоевания этих районов.

Население Регара. Д. Н. Логофетом и В. И. Масальским определялось в 4000 человек³³. По С. И. Гулишамбарову, — 7000. Но у капитана Стеткевича, посетившего этот район значительно раньше Д. Н. Логофета (1889 г.), приводятся совершенно иные данные. По его мнению, «г. Юрчи вдвое больше Регара, в нем 200 дворов»³⁴, в Регаре всего 100 дворов³⁵.

В Файзабаде, по сведениям капитана Лилиенталя, имелось около 500 дворов. Причем, он пишет, что до присоединения к Бухаре город имел 100 домов, но бухарцы разрушили его³⁶. «Курган-Файзабад,— писал Н. Маев,— полуразрушен, он управляется амлядаром, поставленным от бека Гиссарского и в ряду городов гиссарских считается второстепенным»³⁷. По мнению Д. Н. Логофета и В. И. Масальского, в городе Файзабаде проживало 3,000 человек, что соответствует указанному выше (500 домов по 6 человек на дом) количеству домов.

Город Куляб. Количество дворов города Н. А. Маев определил (в 70-х годах XIX в.) в пределах городской стены цифрой 400³⁸.

Это же количество указывает топограф Л. Ф. Костенко³⁹. По Г. А. Арандаренко, количество дворов — 460⁴⁰. Количество населения, по Д. Н. Логофету (начало XX в.), определяется в 10.000, что не соответствует количеству дворов (выходит на каждый двор свыше 20 человек). Эта же цифра подтверждается В. И. Масальским⁴¹ и Н. Г. Малицким⁴². Максимальная цифра по отношению населения Куляба принадлежит С. И. Гулишамбарову — 24.000 чел. По А. Панкову, дореволюционный Куляб имел свыше 5.000 населения⁴³. Такое разногласие, по-видимому, получилось от того, что первые авторы определяли количество проживающих в каждом дворе только в пределах городской стены, как об этом указал Н. А. Маев⁴⁴, вторые же, видимо, включали в число жителей города и проживающих вне городской стены. Так или иначе число в 10.000, как более реальное, можно принять при приблизительном определении количества населения города Куляба. К тому же, по мнению большинства авторов, город занимал довольно большое пространство. Описание дореволюционных кварталов Куляба А. П. Колпаковым⁴⁵ подтверждает, что 10.000 человек соответствует такому городу, как Куляб.

Город Бальджуан. Количество дворов города Г. А. Арандаренко определил цифрой 300⁴⁶. По А. Е. Снесареву, в городе было не менее 400 дворов⁴⁷. Если считать близкими к истине сведения Снесарева, то по средним подсчётам (6 человек на двор) получается 2400 (более округленно 2500). Если к этому еще добавим сарбазов гарнизона, то получается примерно 3.000 человек.

Гарм. В. Ф. Ошанин в конце 70-х — начале 80-х гг. насчитал в городе 300 дворов⁴⁸. На эту же цифру указывает капитан Васильев⁴⁹ и А. Е. Снесарев⁵⁰. Следует отметить, что несколько раньше указанных авторов (еще до присоединения Каратегина к Бухаре) К. А. Абрамов, основываясь на расспросных сведениях, определил количество дворов в Гарме в 800⁵¹. Но это, видимо, несколько преувеличенное число. Л. Ф. Костенко утверждал, что в Гарме было 200—300 дворов⁵². Д. Н. Логофетом определяется количество жителей Гарма в 4000 человек, что также не соответствует количеству дворов, (если даже возьмем количество дворов 340, как определил Г. А. Арандаренко, то на каждый двор приходится около 12 человек, что вдвое превышает среднюю норму). По-видимому, более реальным следует считать, что приблизительно население города Гарма в начале XX в. составляло 3000 человек. (Исходя из соображения, что Снесарев в среднем считал в Каратегине по 7—10 человек на двор).

Калай-Хумб. Количество дворов в Калай-Хумбе в работах почти всех авторов, дававших сведения об этом городе, указывается 100⁵³. Относительно же точного определения количества жителей в Калай-Хумбе имеются также разногласия⁵⁴. Например, Л. Ф. Костенко определяет население Калай-Хумба в 500 чел.⁵⁵. А. А.

Семенов писал, что в городе едва ли наберется 1,5 тыс.⁵⁶. По Д. Н. Логофету, в Калай-Хумбе проживало 1000 человек. Видимо, данные А. А. Семенова более соответствуют истине. Если учесть сарабазов гарнизона, то получается, что в Калай-Хумбе проживало примерно 1,5 тыс. жителей.

Говоря о численности населения указанных городов, следует отметить, что первая подлинная перепись населения проводилась после утверждения Советской власти на территории бывшего Бухарского ханства лишь в 1924 г. Результаты её приведены в книге «Материалы по районированию Средней Азии»⁵⁷. Но, к сожалению, сопоставление данных русских дореволюционных авторов с результатами этой переписи не имеет никакого смысла, так как население Восточной Бухары, главным образом городов, в результате гражданской войны 1920—24 гг., страшных набегов басмачей, бандитизма, голода и нескольких эпидемий, сократилось до такой степени, что сопоставление с дореволюционным периодом вряд ли поможет сделать определенные выводы. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в таблице, где указано приблизительное количество населения бекств, кажущееся наиболее вероятным.

Таблица численности населения бекств и городов Восточной Бухары

Название бекств	Общее количество населения бекств ⁵⁸	Название городов, входящих в состав бекств	Примерное количество населения городов в нач. XX в.	Количество населения городов по данным 1924 г.
		Термез с Патта-Гисаром	более 9 000	1.381
Байсун	30.000 ⁶⁰	Байсун	более 3.000	2.235
Денау	48.400	Денау	более 6.000	нет сведений
Кабадиан	16.000	Кабадиан	5 000	1.550
Курган-Тюбе	52.000	Курган-Тюбе	1.000	800
Гиссар	117.000	Гиссар	около 8.000	опустел
		Каратаг	более 5.000	2.178
		Душанбе	около 20.000	242
Куляб	85.100	Куляб	10.000	1.251
Бальджуан	99.900	Бальджуан	3.000	238
Каратегин	92.100 ⁶¹	Гарм	3.000	297
Дарваз	22.800	Калай-Хумб	1.500	нет сведений

Определить этнический состав населения городов Восточной Бухары, пожалуй, не менее трудно, чем определить его численность. Трудно подсчитать точно численность даже таких основных этнических групп, как таджики и узбеки, не говоря уже о мелких группах. «Население больших городов, лежащих в долине Сурхана и Кафирнигана,— писал Н. А. Маев,— конечно, смешанное, как

и во всех больших городах Средней Азии. Здесь узбеки перемешались с таджиками так, что провести какую-либо разграничивающую черту между ними — положительно невозможно»⁶². Тем не менее сведения русских авторов дают приблизительные ответы и на этот вопрос. По их данным, в городах Восточной Бухары в той или иной мере проживали представители следующих этнических групп и народностей: 1) таджики, 2) узбеки (они разделялись на роды: Таз, Каттаган, Кунград, Мангыт, Лакай и другие), 3) киргизы, 4) туркмены, 5) тюрки, 6) хазарейцы, 7) иранцы, 8) индусы, 9) русские 10) арабы, 11) афганцы, 12) евреи, 13) цыгане.

В отличие от других авторов, которые довольствовались только перечислением некоторых этнических групп или краткими и незначительными сведениями, Д. Н. Логофет давал более подробные описания жизни и обычаев почти всех вышеуказанных народностей⁶³.

Говоря о преобладании узбеков в западных бекствах Бухарского эмирата, Д. Н. Логофет утверждает, что оно наблюдалось по Восточной Бухаре в Широбаде, Гиссарском, Денауском, Кабадианском, Бальджуанском и Кулябском бекствах⁶⁴. О таджиках он пишет, что они рассеяны по всему Бухарскому ханству, но главная их масса живет в Дарвазском, Каратегинском, Кулябском бекствах, причем в первом из них они заполняют весь район, без примесей других народностей, в остальных же составляют от 1/3 до 2/3 от всего населения⁶⁵. Впрочем, имеются и противоположные сведения. Например, капитан Н. Н. Покотило писал, «Восточная Бухара населена исключительно таджиками, абorigенами страны; узбеки в небольшом числе составляют только правящий класс»⁶⁶.

Некоторые авторы, видимо, учитывая невозможность точного учета, применяли довольно простой метод определения народностей. Они просто разделяли население отдельных городов на две равные группы, таджиков и узбеков, забывая о других народностях. К числу таких исследователей следует отнести Стеткевича. По его подсчетам, в г. Каратаге из 600 дворов 300 принадлежало таджикам и столько же узбекам⁶⁷. Такой же метод он применяет и в отношении г. Регара (т. е. из 100 дворов 50 принадлежит таджикам и 50 узбекам⁶⁸). Другие, перечисляя представителей этнических групп, проживающих в том или ином городе, из-за отсутствия данных не решались давать сведения об их количестве. Например, генерал А. К. Разгонов по поводу населения г. Куляба писал: «Население города Куляба самое смешанное. Здесь живут таджики, узбеки, афганцы и даже немного индусов»⁶⁹. По сообщениям полковника Матвеева, в городах и больших селениях Восточной Бухары, кроме таджиков, узбеков, «живут также аравитя-

не и персияне». В окрестностях Бальджуана и Куляба встречаются часто цыгане»⁷⁰.

Некоторые авторы пытались определить более точно этнический состав населения отдельного города. К их числу можно отнести П. Гаевского. По его сведениям, из 200 дворов г. Курган-Тюбе с кишлаками Таир-Малы и Тагчи 155 принадлежали узбекам, 25 таджикам и 20 хазарийцам⁷¹.

Известно, что в городах, которые в той или иной степени являлись центрами торговли, проживали представители различных народностей. Евреи и индусы, например, проживали в основном в городах. По поводу евреев Д. Н. Логофет писал: «Главным образом евреи проживают в Бухаре, Шахрисябзе, Гиссаре, Душанбе, хотя и встречаются в других городах, где, помимо торговли, занимаются также и некоторыми ремеслами»⁷². В руках евреев находилась почти вся торговля в Душанбе⁷³, а об индийцах он писал, что их живет в Бухарском ханстве около 5 тыс., которые разбросаны «почти во всех городах ханства, где многие из них имеют земельную собственность, также дома, караван-сарай и сады»⁷⁴. Главным занятием индийцев были ремесло и торговля⁷⁵.

В некоторых городах с конца XIX в. и особенно с начала XX в. постоянно стали проживать русские (главным образом в Термезе), армяне и др. Согласно сведениям Туркестанской краевой продовольственной управы, всего в Бухарском ханстве в середине 1917 г. проживало 64.000 русских⁷⁶. Д. Н. Логофет указывает на «значительное число армян-торговцев, цыган и индусов, проживающих в Кулябе»⁷⁷. От Душанбе и дальше к востоку подавляющее большинство населения составляли таджики. Об этом пишет большинство русских авторов. «Но все же можно заметить,— писал Н. А. Маев,— что начиная от Душанбе, к востоку таджикский элемент начинает брать перевес»⁷⁸.

Хотя Д. Н. Логофет считал население Гарма «смешанным (т. е., по его мнению, гальча, таджики и каракиргизы — Х. П.) с добавлением узбеков»⁷⁹, следует отметить, что Гарм был заселен почти одними таджиками, (если не считать некоторых представителей административной власти). Исключительно таджиками являлись все постоянные жители г. Калай-Хумба, как и всего Дарваза. Этому мнению придерживается и действительный член Русского Географического общества Н. Н. Юденич. «Западный Каратегин и Дарваз,— указывает он в своем сообщении,— сплошь заселены таджиками»⁸⁰. Это подтверждается почти всеми русскими дореволюционными авторами, посетившими этой край.

Социальный и административный строй

Сведения русских авторов в сочетании с другими источниками дают обширный материал для изучения социальной жизни Вос-

точной Бухары. В целом этот вопрос нашел свое отражение в работах исследователей, занимающихся различными проблемами истории дореволюционного Таджикистана, главным образом, в трудах академика Б. Г. Гафурова⁸¹, профессоров А. А. Семенова⁸², Б. И. Искандарова⁸³, Н. А. Кислякова⁸⁴, А. Р. Маджлисова⁸⁵ и ряда других⁸⁶. Специальной работы, посвященной социальной жизни городов Восточной Бухары интересующего нас периода, до настоящего времени нет.

Следует отметить, что города Восточной Бухары в течение почти всего средневековья жили одной жизнью с той областью, в которой они находились, то есть по нормам, утвердившимся в мусульманском мире, не зная ни самостоятельности, ни привилегий. «Мусульманское право,— пишет О. Г. Большаков,— не знает города как особого социального организма, в нем нет даже намека на возможность существования какого-то социально-правового статуса города...

Отсутствие муниципальной организации и особого правового статуса резко отделяет город Востока от западноевропейского... Мусульманское же право не делает никакого различия между горожанином и негорожанином; различие заключается лишь в форме налогообложения, в зависимости от рода занятия человека»⁸⁷.

В материалах, имеющихся в работах русских дореволюционных исследователей, вопросы социальных отношений в городах Восточной Бухары освещены очень скудно. Видимо, в силу своих социальных убеждений и ряда других причин русские авторы не акцентировали внимание своих читателей на социальной структуре городского населения. Тем не менее, описывая административное устройство Бухарского ханства, положение народных масс, налоговую систему и другие стороны социально-экономической жизни бекства Восточной Бухары, они давали отдельные сведения и о некоторых социальных группах, что позволяет составить представление и о социальной структуре городов Восточной Бухары.

Социальная структура и администрация по существу остались без изменения и после присоединения Восточной Бухары к Бухарскому ханству, вплоть до падения эмирата. По этому поводу следует полностью согласиться с мнением А. Р. Маджлисова о том, что до завоевания Восточной Бухары эмиром (до 60—80-х годов) в условиях господства натурального хозяйства ростовщики и купцы не выделялись из числа феодалов в специальные группы. При господстве бухарских эмиров в классовой структуре значительных изменений не произошло... Новым было то, что в связи с присоединением Средней Азии к России разрушилось натуральное хозяйство и произошла дифференциация крестьян, из среды которых появились новые эксплуататоры: баи, ростовщики, купцы и др.⁸⁸

Типичное для феодализма классовое устройство, — с одной стороны, представители феодальной знати, с другой, — непосредственные производители: крестьяне и ремесленники, так называемые фукаро, — было характерно и для городов Восточной Бухары.

Специфической особенностью социальной жизни городов Восточной Бухары являлось то, что в них жили представители всех социальных слоев бекства: крупные феодалы, духовенство, баи, торговцы, ростовщики, крестьяне, ремесленники, мардикоры. Следовательно, социальная структура города ничем не отличалась от социальной структуры бекства в целом.

Административная власть в бекствах⁸⁹ находилась в руках крупных феодалов: беков и представителей духовенства.

В работах русских исследователей даются многочисленные сведения о формах, методах и о деятельности управленческого аппарата, структура которого в Бухарском ханстве была приспособлена в основном для угнетения и ограбления трудящихся⁹⁰. «Административное устройство Бухарского ханства, — писал Д. Н. Логофет, — является крайне сложным, далеко не удовлетворяет потребности страны, являясь во многом пережитком далекого прошлого, отходящего в область преданий даже в Персии»⁹¹. И. И. Гейер, хорошо знавший ханство, называет образ правления в Бухаре деспотическим⁹².

Самой крупной фигурой на административной лестнице бекства Восточной Бухары являлся бек — представитель крупных феодалов. Беки сосредоточили в своих руках всю полноту административной власти. Об этом говорят многочисленные свидетельства русских исследователей⁹³. «Права и обязанности беков — писал Н. А. Бендерский, — никакими вообще законами в Бухаре не определены». По его словам, зависимость бека от Бухары выражается в посылке податей и подарков, а в остальном бек полный властелин своего края⁹⁴. Это подтверждается и капитаном генштаба Снесаревым. «По существу, — пишет он, — бекства отдаются эмиром беку в полное и бесконтрольное хозяйничанье, при условии, что бек ежегодно будет выплачивать своему повелителю более или менее определенное количество денег и известных предметов»⁹⁵. Полковник А. Галкин сравнивает беков с русскими воеводами донетровского времени, получавших города и целые области на кормление⁹⁶. «По существу, — пишет А. Маджлисов, — беки выполняли те же функции, которые в свое время выполняли губернаторы (вали) арабского халифата»⁹⁷.

Исследования русских авторов содержат многочисленные факты, свидетельствующие о независимости беков. Степень самостоятельности бека зависела от отдаленности бекства от Бухары, причем беки Восточной Бухары пользуются несравненно большей властью, чем беки западной»⁹⁸.

О самостоятельности бека свидетельствует и тот факт, что в

его распоряжении имелся многочисленный штат чиновников, которых он сам назначал на все административные должности доверенного ему края из числа угодных ему людей. Тем самым он имел возможность совершать самые вопиющие злоупотребления⁹⁹.

По этому поводу А. А. Семенов писал: «В каждом городе, куда приедет новый губернатор (т. е. бек,— Х. П.), к его услугам многочисленный штат покорных приближенных и великое множество безответных слуг»¹⁰⁰. Д. Н. Логофет составил своего рода таблицу (перечень) чиновников, находившихся при беке и их должности, начиная от есаул-баши — помощника бека (вторым лицом после бека, как правило, считался диван-беги) и кончая навкаром. Только в шогирд-пиша (чиновники свиты для поручений) насчитывалось от 50 до 200 человек в чинах до мирахура. Навкары (для возки почты и охраны) — от 200 до 300 человек в чинах до караул-беги, не говоря уже о других чиновниках и их прислуге¹⁰¹. Кроме того, по сведениям того же автора, из местных родовитых людей при беках состояли особые аксакалы, числом от 5 до 15 человек в чинах от караул-беги до бия, которые назначались эмиром. В отношениях всех своих чиновников, кроме местных (т. е. которые назначались эмиром), бек пользовался правом смены их во всякое время¹⁰².

Даже в таком бедном бекстве, как Дарвазское, при беке имелись многочисленные чиновники. Капитан Кузнецов пишет: «При нем (т. е. при беке,— Х. П.) находится целый синклит бухарских чиновников, как то: 5 биев, 5 пагосы (т. е. ишикогобоши,— Х. П.), 3 тохсабы и неограниченное число мирахуров, караул-беги, джевачи, мирза-баши, чиргосты и нукеров»¹⁰³. М. А. Варыгин указал на численность должностных лиц при Кулябском беке: «у кулябского бека» при дворе «находятся следующие должностные лица: есаул-баши, правая рука, его помощник, диван-беки, эконоом, 2 секретаря, несколько мирахуров, караул-беги, джевачи и прочее»¹⁰⁴. По сведениям топографа, члена-учредителя Туркестанского отделения Русского географического общества Н. А. Бендерского, при Гиссарском беке был следующий штат гражданских чиновников: «2 есаул-баши, 7 писарей, 85 старших чиновников, арзачи и 25 младших есаулов, при нем также имеется собственное войско, состоявшее из 50 пеших сарбазов при 6 полевых орудиях. Общий расход только на жалованье чиновников и войска доходит до 700 руб. в месяц»¹⁰⁵.

Административная власть (в амлякдарствах) сосредоточивалась в руках аксакалов, аминов, арбобов, даруга и т. д. В служебном отношении амлякдары были почти так же бесконтрольны, как и беки¹⁰⁶. У каждого амлякдара находился от 100 до 200 навкаров¹⁰⁷, которых следует отнести к отдельной социальной категории, занимавшей промежуточное положение между эксплуататорским классом и эксплуатируемыми¹⁰⁸. Навкары частично со-

сем были освобождены от податей и повинностей. «Навары,— писал Кузнецов,— это особая милиция — пешая и конная — смотря по состоянию. По требованию эмира все чиновники обязаны тотчас же выставить своих наваров; вооруженных, снаряженных и снабженных всем необходимым»¹⁰⁹.

На высшие административные посты назначались исключительно крупные феодалы, т. е. те, кто имел возможность больше платить за должность или же принадлежал к известному роду. Подкуп и взяточничество¹¹⁰ получили такое распространение, что без них немыслимо было занять какое-нибудь положение в обществе. Д. Н. Логофет писал: «Система взяточничества настолько въелась во всю жизнь бухарской администрации, что взятка даже в глазах высших служащих считается законным доходом каждого, состоящего на службе, понятие о долге и чести среди администрации совершенно отсутствует»¹¹¹.

А. А. Семенов, путешествуя по границам Бухары и Афганистана в 1898 г., хорошо заметил природу административного аппарата в Бухарском ханстве. «Получение места губернатора (т. е. бека,— Х. П.), как это водится на Востоке,— пишет он,— не обходится без известной мзды, если не в пользу эмира, то его влиятельных сановников»¹¹². М. А. Варыгин сообщал: «Чины даются эмиром при указе — это правительственным чиновникам, а беки раздают должность местным чиновникам до караул-беги включительно за деньги, привилегия беков, источник арендного дохода»¹¹³.

При назначении на какой-нибудь важный административный пост образование и служба не принимались во внимание. «Не только какое-либо образование, но даже простая грамотность,— писал А. А. Семенов,— не обязательны для претендента на губернаторское (бекское — Х. П.) место»¹¹⁴. Неудивительно было встретить безусых юношей в чине «датхо» (генерала), а также 14—15-летнего мальчика (сына бека) в должности мирахура¹¹⁵. В Бальджуане Д. Н. Логофет имел встречи с беком, которому было всего 22 года¹¹⁶.

Давая общую характеристику административного строя, начальник Памирского отряда капитан А. Е. Снесарев справедливо замечает, что режим этот крайне бюрократичен и централизован, в нем слишком много жестокого деспотизма¹¹⁷ и слишком много возможностей для всякого произвола и неправды. «Эта особенность административного строя прежде всего сказывается в систематическом непоправимом обеднении страны»¹¹⁸.

Судебная власть была сосредоточена в руках главного казия, назначаемого также эмиром и проживающего, как и бек, в городе. По своему социальному происхождению казии принадлежали к духовенству. «Казием,— писал Д. Н. Логофет,— называется духовное лицо, решающее спорные дела между мусульманами по ша-

риату¹¹⁹, причем лица эти выбираются из особых знатоков мусульманского права»¹²⁰.

О положении, которое занимал казий в жизни бекства и города, нетрудно судить по следующим словам А. В. Нечаева. «В бекствах,— пишет он,— бек не единственный хозяин. В каждом бекстве имеется еще казий, который беку не подчинен. Казий выполняет функции юридических учреждений; он судья и нечто вроде нотариуса, в то же время он являлся в роли жандарма-охранника, обязанного доносить о деятельности бека и всех административных лиц»¹²¹. Почти такое же определение функций казия мы находим и у ряда других русских исследователей и путешественников¹²². Казий имел определенный штат должностных лиц, которые работали при нем. Это — муллазимы и секретарь. Казий при разборе дел должен был руководствоваться только шариатом. В Бухаре отсутствовали апелляционные и кассационные инстанции, поэтому приговор кази-каляна, а в исключительных случаях — эмира, считался окончательным, что лишало стороны самых элементарных гарантий»¹²³.

Наблюдая за работой казиев, капитан Васильев писал: «Они (т. е. казии,— Х. П.) разъезжают по мере надобности и своему усмотрению, разбирая все дела безапелляционно»¹²⁴.

Хотя большинство авторов писали о самостоятельности казиев, но имеются факты, свидетельствующие о вмешательстве беков в судебные дела. Некоторые исследователи утверждали, что казий находился в некоторой зависимости от бека. В частности, Снесарев писал: «Судебная власть, сосредоточенная в руках кази, живущего в главном городе и прибывающего вместе с беком из Бухары, и казиев, по 1—2 на амлякдарство, представляет собой учреждение недостаточно свободное и обособленное: во все судебные дела, где можно поживиться, обязательно втираются бек или амлякдары, так как от каждого процесса администрации полагается некоторая доля дохода»¹²⁵. По этому поводу капитан Кузнецов пишет: «Самостоятельно казий решает только маловажные преступления и споры. Если одна из сторон решением казия недовольна, то можно жаловаться беку, который передает дело на решение другому казию»¹²⁶.

Иногда, боясь доносов, бек был вынужден идти на компромисс с казием. «Отсюда вытекает необходимость для бека делиться своими доходами с местным казием»,— писал А. В. Нечаев¹²⁷.

В большинстве случаев бек и кази были вынуждены демонстрировать «дружелюбные отношения» друг с другом. Довольно верно характеризует их взаимоотношения П. Гаевский. «Между беком и кази,— писал он,— нет особой дружбы, оба внимательно следят друг за другом, оба наружно вежливы и осторожны, так как каждый из них при непосредственном сношении с эмиром может подставить другому палку»¹²⁸.

В работах русских исследователей мы находим многочисленные сведения о фактах злоупотребления чиновниками¹²⁹ своим положением при разборе судебных дел, несправедливости их решений. «Вопросы о праве и правосудии,— писал Д. Н. Логофет,— для всех подданных страны являются лишь ничего незначащими пустыми звуками»¹³⁰.

Судебные разбирательства не обходились без взяток¹³¹. И, как правило, выигрывал судебное дело тот, у кого больше денег.

О том, как разбирались дела, рассказывает А. А. Семенов: «Ни суда, ни управы на беззакония властей ни у кого нельзя найти. У мелкого чиновничьего мира всегда найдутся сильные родственники или хорошие знакомые, которые за просьбу и за подарки постараются уничтожить перед губернатором (беком—Х. П.) всякое обвинение против их клиентов, у губернаторов же добрые друзья при дворе и хорошие взятки кушбеги и другим влиятельным сановником тоже сделают свое дело и виновный всегда окажется правым»¹³².

Описывая способы судебного разбирательства, М. А. Варыгин приводит картину, свидетелем которой он являлся. «В базарные дни,— писал он,— бухарский «помпадур» принимает просителей и творит суд. Уже с раннего утра, еще до первого намаза (молитвы), все, кто имеет дело к беку, сидят с подарками, без чего немислима церемония приема, и смиренно ждут зова. После молитвы бек, казий и приближенные напились чаю в беседке посреди кургана и начался прием.

Эсаул-баши с длинной палкой—знак его достоинства, вводил просителей: в то время пронесли связку толстых, но гибких и сыроватых прутьев.

Посетители клали подарки и робко излагали суть дела. Резким голосом, бросая отрывистые слова, бек решил дело, легкий кивок со стороны казия и приговор вступил в силу. Посетители проходили один за другим; одни, подняв голову, гордо шли, зная, что «богатый прав», другие, плюнув с ожесточением в сторону суда, мрачно ехали домой»¹³³. Далее автор подробно описывает с каким пристрастием допрашивались трое заключенных, подозреваемые в краже. Обвиняемые отрицали свою виновность, и бек приказал их бить. Есаул-баши заставил одного обхватить связанными руками колени, просунул между теми и другими палку и толчком в голову повалил беспомощного человека. Толстый прут, со свистом рассекая воздух, стал впиваться в тело и отскакивать, как резина, от сухой спины. Эсаул-баши, как истый палач, вошел в азарт и бил, не считая; несчастная жертва без стога переносила пытку.

Два его товарища, сидя рядом, ждали той же участи... После повторения этой процедуры, принялись за дальнейшие пытки, битье палками по кистям рук, после удара оставался темно-багровый вздувшийся след, и из руки получился какой-то бесформен-

ный мешок¹³⁴. Если бы не вмешательство указанного автора, неизвестно, сколько продолжалась бы эта сцена.

Свидетельства о применении указанных методов судебного разбирательства мы находим в работах и других авторов. Например, Д. Н. Логофет писал, что допрос как обвиняемого, так и свидетелей производится с пристрастием, с помощью палок, розог и всевозможных способов, могущих при помощи сильной физической боли вынудить признаться обвиняемого или дать правильное показание свидетелей¹³⁵.

Несмотря на то, что бек по закону имел право присудить осужденному 25 ударов палкой (эмир 75), обвиняемые получали только во время допроса ударов во много раз больше. По сведениям капитана Кузнецова, за небольшие преступления наказывали нагайками (от 20 до 100 ударов) и брали с виновного 2 тилли (золотая монета ценностью в 3 руб. 80 коп. по курсу того времени): одну в пользу казиза, другую — бека¹³⁶.

За незначительные преступления сажали в тюрьму. Причем в большинстве случаев срок заключения не определялся, и заключенного освобождали лишь тогда, когда он заплатил денежную компенсацию за преступление.

А. А. Семенов, посетивший в Кулябе тюрьму, на вопрос заключенному, обвиняемого в краже лошади и сидевшего уже две недели, когда он освободится, получил ответ: «После того как по приговору суда мне отрубят руку». Другой за неуплату долгов сидел уже два месяца. На вопрос, долго еще продлится его пребывание в тюрьме, он мрачно ответил: «До тех пор, пока не уплачу долгов, а где я возьму деньги?»¹³⁷.

Тюремное заключение являлось одним из самых тяжелых наказаний. Путешественники свидетельствуют о тяжелом положении осужденных, о невыносимых условиях, в которых они находились. Тюремь или темницы, как правило, находились в городах на территории крепости. «Местом заключения,— писал М. А. Варыгин о кулябской тюрьме,— служит темная комната под воротами в кургане, кишашая всякими насекомыми, так как уборка не производится, а о дезинфекции здесь не имеют понятия...»¹³⁸.

Д. Н. Логофет, описывая положение заключенных, отмечает, что «к числу особенностей содержания в тюрьмах надо отнести правила, по которым заключенные содержания не получают, и в силу этого или им приносят припасы родственники или же питаются от подавания проходящих. Страшные раны, натираемые колодками и цепями, никем не лечатся и, превращаясь в гнойные язвы, доставляют заключенным много страданий. Не редкость видеть людей, побывавших в тюрьмах и на всю жизнь сохранивших в виде воспоминаний о своем в ней пребывании какое-нибудь значительное увечье, вроде вывихнутой руки или ноги, сросшихся под колодкой неправильно и превративших бывшего заключенного в

калеку¹³⁹. Тот же автор, посетивший гиссарскую тюрьму, свои впечатления передает следующим образом: «Мы, выходя из бекского дома, расположенного на крепостном холме, в сопровождении есаул-баши, двинулись по узким переходам, спускаясь куда-то все ниже и ниже. Темные коридоры едва освещались небольшими бойницами в толстых стенах. Спертый горячий воздух затруднял дыхание. Еще несколько ступеней вниз, и мы очутились в сводчатых подвалах, где лежа и сидя виднелись темные человеческие фигуры. Лязгание кандалов нарушало тишину. Здесь сидели совершившие небольшие преступления и осужденные сроком на один-два года... В следующем подвале, где воздух до того был пропитан миазмами, что трудно было дышать, находились заключенные, совершившие различные более тяжкие преступления, прикованные за шею к стене. Еще ниже, освещенный косыми лучами солнца, падавшего сквозь узкую бойницу, виднелся какой-то колодец, казавшийся бездонным. Сюда опускались самые тяжелые преступники, которые уже никогда не выходили. Отсюда-то внизу слышались слабые человеческие стоны. Подавленные всем виденным, мы, лишь выбравшись на воздух, освободились от кошмарного ужаса всей виденной картины»¹⁴⁰. Во время своего путешествия А. В. Нечаев в г. Байсуне видел, как «в темных конурах сидят закованные в цепи и деревянные колодки преступники»¹⁴¹. Подобных свидетельств можно привести сколько угодно. Следует отметить, что все исследователи без исключения отмечают ужасное положение узников.

Большим влиянием в городах пользовались раисы. «Должность раиса,— пишет Н. Ханыков,— состоит в надзоре за нравственностью жителей города»¹⁴². По сведениям Д. Н. Логофета, раисы вели наблюдение за исполнением религиозных обрядов, за чистотой на базарах, за весами, мерами и торговцами. Им же подчинялись имамы мечетей и их помощники. Раисы также наблюдали за мактабами и медресе. Значение раисов в местной жизни было велико. Это давало им возможность в значительной степени увеличивать свои доходы за счет населения и местной администрации, постоянно опасавшейся доносов со стороны раисов¹⁴³. Последние следили за состоянием дорог, мостов и др. сооружений. Им подчинялись также все шейхи мазаров и учителя мактабов¹⁴⁴. У раисов были и помощники (дуррадаст-палачи), которые наказывали нарушителя по приказу начальника, мулозимы (агенты-сыщики)¹⁴⁵.

Сведений о муфтиях в работах русских путешественников имеется мало. Д. Н. Логофет неверно считал муфтия помощником раиса¹⁴⁶. В действительности это одна из самостоятельных должностей, которую занимал представитель духовенства в государственном управлении. В обязанности муфтия входило подыскивание и выдача справок по шариату во время спора. На эту должность

назначался лучший «знаток шариата»¹⁴⁷. По справедливому замечанию академика Б. Г. Гафурова, все эти лица, прежде всего и главным образом, обеспечивали интересы правящих кругов и свои личные выгоды¹⁴⁸.

Содержание такого многочисленного штата чиновников и должностных лиц являлось тяжелым бременем для трудового населения городов и деревень¹⁴⁹. Вся эта армия чиновников от государства никакого содержания не получала и жила доходами, полученными нечестными путями от населения¹⁵⁰, то есть «кормилась от своего дела»¹⁵¹. По мнению Д. Н. Логофета, воспитанная «на системе кормления» бухарская администрация прилагает все свои способности к возможно скорейшему обогащению¹⁵². «Начиная от губернатора (бека — Х. П.), — писал А. А. Семенов, — и кончая последним чинушей-халатником, грабят все, отчего бедное, истощенное непосильными налогами население встречается в каждой провинции»¹⁵³.

В работах русских дореволюционных исследователей имеются довольно многочисленные сведения о налоговых обложениях и взимании податей. Факты, имеющиеся в их работах, свидетельствуют о том, что размеры хараджа, закота и других налогов не соответствовали нормам шариата и целиком зависели от аппетита должностных лиц. Почти все путешественники и исследователи отмечали чрезмерную несправедливость административных лиц к взиманию налогов и податей¹⁵⁴. Подати платили все производители, то есть все феодально-зависимые категории населения. «Характер этих сборов, — писал М. А. Варыгин, — напоминает скорее военный приз, дань победителям, чем действия благородного хозяина»¹⁵⁵.

Вопросы налоговой системы Восточной Бухары довольно подробно разработаны в трудах советских исследователей¹⁵⁶, где сведения русских дореволюционных авторов использованы в качестве важных источников. Поэтому подробное рассмотрение этого вопроса является излишним. Следует лишь отметить, что, давая в той или иной степени характеристику системе налогообложения в Бухарском ханстве и бекствах Восточной Бухары, русские исследователи не видели разницы в порядках взимания податей с городского населения и с сельского. Как уже было отмечено выше, в городах жили представители почти всех социальных прослоек. Поэтому городское население платило почти все виды налогов и податей. Это подтверждается А. А. Семеновым. В своей статье «К прошлому Бухары», написанной много лет спустя после революции, он отмечал, что почти все ремесленники и мелкие торговцы столицы имели тесную связь с земледелием, имели свои посевы, сады и огороды за чертой города и платили те же подати, что и крестьянин-земледелец¹⁵⁷. Это же было характерно и для городов Восточной Бухары.

Городское население платило налог с недвижимого имущества, сборы за право торговли и занятия промыслами. Платили налоги ремесленники и мелкие торговцы. Д. Ю. Рожевиц, беседовавший с одним кавказским торговцем в г. Бальджуане, сообщает, что бухарские торговцы, в отличие от русских, платят пошлины и подати¹⁵⁸. По сведениям И. И. Гейера, взимаемый зякет (аминана) равнялся 2,5 стоимости товаров¹⁵⁹. Бендерский указывает, что общая сумма, взимавшаяся с населения в Гиссарском бекстве, составляла 335 тыс. руб. в год, из них 15 тыс. руб. — налог получаемый с лавок¹⁶⁰.

Имеются сведения и о том, что городское население уплачивало закот со скота. Например, капитан Васильев указывает, что наряду с прочими податями «в городе Гарме взимали по одному барану с 5 дворов»¹⁶¹. Городское население, которое имело связь с земледелием (этим занималось достаточное количество городского населения), платило харадж (натуральный налог) с земли.

Имеются также сведения и о том, что базары сдавались в аренду. Например, по сведениям А. Е. Снесарева, все базары Гиссарского бекства сданы трем арендаторам (аминаначи). Один выплачивает ежегодно беку 50 тыс. тенег (7500 рублей), другой — 70 тыс. тенег (10500 руб.) и третий — 13 тыс. тенег (1950 руб.). Сам арендатор за каждый проданный батман получал с продавца по три тенги. За проданного верблюда и лошадь по две тенги, за корову — одну...¹⁶². В аренду частным лицам сдавались правительством не только базары¹⁶³, но и наиболее крупные перевалы и мосты через горные реки, по которым перегоняли стада скота¹⁶⁴. Перечисляя многочисленные сборы, взимаемые с населения, Логофет писал, что «лишь воздух в Бухаре не обложен пошлинами»¹⁶⁵. Примерно также пишет и Варыгин. «Все, что нам дает земля, труд человека, все, кроме воздуха, в Бухаре обложено сбором; помимо этого, незаконные штрафы, грабительские конфискации имущества применяются в «благородной Бухаре»¹⁶⁶. Именно эти непосильные, крайне несправедливые подати и сборы стали причиной того, что многие жители Восточной Бухары, покидали свои родные места, переселялись в другие края. Например, в рапорте начальника отдельного корпуса пограничной стражи на имя Туркестанского генерал-губернатора от 13 марта 1903 г. за № 1326, отмечено, что по этой причине происходило «массовое переселение жителей пограничного района (главным образом из Курган-Тюбинского бекства) в Афганистан»¹⁶⁷.

Эксплуатируя народные массы, получая огромные доходы, представители бухарской администрации (в первую очередь эмир¹⁶⁸ и беки) вовсе не желали выделять средства для благоустройства городов и края в целом. По словам М. А. Варыгина, «все заботы о процветании края сведены к нулю»¹⁶⁹. «Познакомившись со всеми податями и налогами, уплачиваемыми бухар-

ским населением,— писал Д. Н. Логофет,— приходится почти с уверенностью сказать, что у большинства едва хватает средств для существования. И в то же время взамен бухарская правительственная власть не дает населению решительно ничего: ни образования, ни медицинской помощи, ни путей сообщения, вследствие чего надо признать, что нет ни малейшей надежды на какой-либо проблеск в будущем»¹⁷⁰. «У каждого,— писал Снесарев,— без сомнения в конце концов возникает вопрос, что же дает бухарская правительственная власть населению? Невольно при этом в голове читателя мелькают мысли о народном образовании, благоустройстве городов, путей сообщения, об организации медицинской помощи и т. д. К крайнему сожалению, приходится ответить весьма коротко: ничего подобного»¹⁷¹.

Описания русских путешественников содержат достаточно примеров, свидетельствующих о том, что города даже не сохранились в том состоянии, в котором были до присоединения Восточной Бухары к ханству. В предыдущей главе приводилось немало примеров того, как большинство городов в результате насильного захвата края были разрушены или полуразрушены и в таком состоянии оставались вплоть до революции. Об улучшении санитарного состояния их не могло быть и речи. По словам Логофета, на городских улицах и площадях иногда образовывались болота, которые являлись очагами распространения различных эпидемий¹⁷². В городах отсутствовали лечебные учреждения, функции врачей целиком выполняли местные табибы и муллы.

Классовая борьба

Классовая борьба в городах Восточной Бухары отражена в работах русских дореволюционных исследователей крайне скудно. В силу своей классовой ограниченности и непонимания марксистско-ленинской теории классовой борьбы они не смогли определить характер происходящих народных движений, не видели, что эти волнения были звеном (хотя и незначительным) той великой революционной борьбы, которая усиливалась с каждым годом в России и охватывала все уголки ее обширной территории.

По этому поводу довольно справедливы замечания А. Р. Маджлисова о том, что «большинство представителей русской интеллигенции, принадлежавших к буржуазии и дворянству, сведения о настроении народов Бухарского ханства собирали отнюдь не для анализа классовой борьбы в этой стране, а для дальнейшего продолжения колонизаторской политики царизма»¹⁷³. Несмотря на это, в их работах мы находим немало сведений о народных волнениях, об отношении трудящихся к эксплуататорам. Эти сведения в совокупности с другими источниками, главным образом, донесениями чиновников царского правительства, дают очень ценный

материал для более полного изучения этого вопроса. Об этом свидетельствует тот факт, что исследователи истории дореволюционного Таджикистана, касаясь вопроса классовой борьбы, постоянно используют эти сведения¹⁷⁴.

Почти все русские авторы, приводившие отдельные сведения о народных волнениях и восстаниях, причины их видели только в чрезмерном обложении податями и налогами, обвиняли только местную администрацию. Д. Н. Логофет отмечал, что чуть не все народные волнения в мусульманских странах почти всегда имели одни и те же причины, заключающиеся в чрезмерном обложении населения, неправильном взимании податей и налогов, злоупотреблениях администрации¹⁷⁵.

Присоединение Восточной Бухары к Бухарскому ханству еще более разорило и без того бедное население. Многочисленные налоги и подати, алчность и произвол многочисленных чиновников являлись поводами для различных выступлений трудящихся. Эти выступления, в каком бы уголке бекства они не происходили, имели прямое отношение к городу как к центру, где в основном концентрировались представители того класса, против которого они были направлены. Разумеется, крайняя отсталость городов, отсутствие промышленных предприятий, а в связи с этим рабочего класса и его гегемонии в руководстве восстаниями, лишили города Восточной Бухары той роли, которую они играли в развитых капиталистических странах. Города Восточной Бухары не выделялись как центры и организаторы народных волнений и восстаний. Трудовые слои городского населения почти всегда были их активными участниками. Поэтому, говоря о классовой борьбе, нельзя ее разделять на две части — на городскую и сельскую. Она едина по своему характеру и значению.

Еще с первых дней насильственного присоединения Восточной Бухары бухарские власти почувствовали ненависть трудового населения к их режиму и способу управления, хотя, как мы уже отметили, были сохранены все порядки предыдущих управлений края. Таким образом, присоединение Восточной Бухары к ханству только усиливало классовую борьбу. К числу первых крупных выступлений, направленных против бухарского режима, относится восстание 1870 г., которое происходило в Бальджуанском бекстве. Поводом к восстанию была чрезмерная сумма контрибуции и произвольное увеличение податей беком Абдукаримом. Восстание началось в июле 1870 г. В нем приняли участие около 2000 бедняков. Абдукариму удалось только при помощи сильных воинских отрядов, присланных гиссарским беком, подавить восстание¹⁷⁶. О нем доносил туркестанскому генерал-губернатору начальник Зеравшанского военного округа в рапорте от 17 июня 1870 г. Он отмечал, что восстание имело место также и в Кулябе¹⁷⁷. Волнения в Кулябе и Бальджуане не прекращались и в середине 70-х

годов. Сведения первого русского путешественника, Н. Маева, посетившего этот край, довольно ясно свидетельствуют об этом. Указывая на причины недовольства населения Куляба и Бальджуана, он писал: «Оно (т. е. население,— Х. П.) недовольно бухарским правительством за то, между прочим, что все должностные места в бекстве замещены теперь людьми, чуждыми краю, приехавшими из Бухары и, конечно, не упускающими удобного случая набить карман, чтобы вознаградить себя этим способом за скучную жизнь в далекой и нездоровой стране»¹⁷⁸. Положение в этих районах до такой степени было серьезным, что Н. Маев, выражая уверенность в неизбежности народных волнений, сомневался в силе бальджуанского бека. «...Так что рано или поздно,— писал он,— здесь возникнут серьезные беспорядки, и тогда Сары-хан (бывший независимый владетель — Х. П.), конечно, не замедлит снова явиться среди своего народа. Противопоставить же народному волнению значительную силу бухарское правительство не может.

В Кулябе и Бальджуане расположено только по одной сотне сарбазов. Чтобы усмирить Куляб, эмиру придется снова предпринимать поход из Бухары»¹⁷⁹. Насколько были реальны опасения Н. Маева показал дальнейший подъем народных волнений в этом районе, особенно в 80-х годах. Эти выступления против бухарских завоевателей проходили в Дарвазе и в других бекствах Восточной Бухары. Говоря о настроении более отдаленных населенных пунктов Дарваза, капитан Кузнецов в одном из своих писем отмечал, что «здесьне население почти не признает власти бухарского эмира»¹⁸⁰. Член экспедиции генерала Столетова врач И. Яворский, возвращаясь из Афганистана (в конце 1878 — начале 1879 гг.) через Бухару, заметил, что обстановка в эмирате, особенно в Восточной Бухаре, беспокойная, что население всюду проявляет недовольство существующими порядками¹⁸¹.

Следует отметить, что, как в завоевании Восточной Бухары, так и в подавлении народных волнений бухарский эмир широко использовал поддержку русских властей. Это видно на примере подавления с помощью русских войск в 1877 г. восстания населения Дарваза против Музаффара¹⁸². Об этом писал, например, М. А. Варыгин: «Народ не любит эмира... Эмир знает, какое чувство питают к нему, но он знает также, что за его спиной русские штыки...»¹⁸³. Указывая на продолжающиеся народные волнения и действия русских властей, Д. Н. Логофет писал: «Целый ряд народных восстаний с 1875 по 1890 годы в Гиссарском крае и в других вновь присоединенных бекствах доставили много хлопот бухарскому правительству, железными тисками сжавшему население, а обложение его чрезмерными податями вызвало и позднее новые взрывы, оканчивавшиеся усмирениями и казнями восставших и примкнувших к мятежу.

Злоупотребления административных властей — беков, зякетчи

и амлякдаров не знали ни предела, ни меры, благодаря чему почти постоянно повторялись эти возмущения, подавлявшиеся при содействии русских властей, оказывавших в некоторых случаях помощь бухарской администрации в усмирении неповинующихся»¹⁸⁴.

Народные волнения особенно усилились в Кулябской долине. В 80-е годы в Кулябском и Бальджуанском бекствах произошел ряд восстаний. К числу наиболее значительных из них относится восстание 1886 г.¹⁸⁵ в Бальджуанском бекстве и восстание, которое охватило территории Муминабада Кулябского бекства в конце 1885 — начале 1886 гг.¹⁸⁶. Самым крупным выступлением в Восточной Бухаре против феодального и колониального режима эмирата было крестьянское восстание в Бальджуане под предводительством Восе. Почва для него была подготовлена всем строем Бухарского ханства и его внутренней политической обстановкой¹⁸⁷.

Советские исследователи посвятили ряд работ этому восстанию¹⁸⁸, в которых осветили основные его вопросы. Однако по поводу точной датировки восстания Восе до недавнего времени имелись разногласия. В отличие от большинства ученых, которые датируют восстание 1885 годом, И. А. Стеценко указывает 1888 год¹⁸⁹. Правда, он признает, что для научного спора источниками не располагает, и, по мнению А. Р. Маджлисова, источники на которые ссылается автор, не дают основания для таких выводов¹⁹⁰. К сожалению, кроме незначительных служебных доносов и рапортов должностных лиц, сохранившихся в архивах, мы не имеем сведений об этом восстании. Но и эти скудные сведения дают понять, что оно произошло в 1888 г.

Волнения крестьян и других слоев трудящихся Восточной Бухары продолжались и после подавления восстания Восе. «Под влиянием этого восстания,— пишет М. Хамраев,— в Каратаге происходило крупное волнение наемных ремесленников, ткачей, так называемых халифа. В нем участвовало около тысячи ткачей города и его окрестностей»¹⁹¹. Эти волнения невольно заставили власти задуматься об опасности, которая грозила им. «Эти страшные кровопролитные мятежи,— отметил Д. Н. Логофет,— потрясая всю страну,—заставляли невольно административных лиц быть осторожнее и не слишком угнетать и обирать свои районы»¹⁹².

Учитывая недовольство народа, эмир часто менял беков. Например, по сведениям М. А. Варыгина, до 1905 г. в продолжение 28 лет в Кулябском бекстве перебивало 19 беков, редко кто из них пробыл в Кулябе 2 года»¹⁹³. В. И. Липский писал о том, что в Бальджуане «Авлиакул-бека убрали по жалобам жителей, которых он обижал»¹⁹⁴.

Бухарские власти, учитывая то обстоятельство, что в любое время могло произойти столкновение с местным населением в некоторых городах Восточной Бухары (в Гиссаре, Кулябе, Бальджуане, Калаи-Хумбе) держали наготове известное количество бухар-

ских сарбазов (солдат). М. А. Варыгин, сомневаясь в их пользе, писал, что войска подготовлены на случай возможного осложнения внутри страны¹⁹⁵. О степени несознательности сарбазов, об их враждебном отношении ко всяким проявлениям народного недовольства свидетельствует копия донесения Политагентства от 24 января 1889 года. В нем сказано: «Бухарские сарбазы настолько привыкли подчиняться своим военным начальникам, что в случае народного бунта против эмира они по приказанию начальников своих будут стрелять в кого угодно, даже в мулло и родственников своих»¹⁹⁶.

Но какие бы меры не принимались со стороны властей, они не могли ослабить народных волнений.

Начало нового столетия ознаменовалось и новым подъёмом революционного движения в России и на ее окраинах. Под его влиянием усилились народные движения в Восточной Бухаре. По сведениям Д. Н. Логофета, в 1901 г. в Денауском, в 1902 г. в Курган-Тюбинском и других бекствах происходили народные волнения, при которых беки, зякетчи и амлякдары подвергались жестоким избиениям со стороны населения, не могшего терпеть произвола и злоупотреблений¹⁹⁷.

Первая революция 1905—1907 гг. дала мощный толчок движению народных масс Восточной Бухары против своих угнетателей. «Мировой капитализм и русское движение 1905 г.,— писал В. И. Ленин,— окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»¹⁹⁸. Эти слова целиком относятся и к Восточной Бухаре. «С 1907 г.,— пишет Д. Н. Логофет,— в ханстве уже начало замечаться глухое брожение среди населения... Отзвуки волнений в Персии, а затем в России и в областях Средней Азии еще более взвинтили настроение... Предположения о возможности беспорядков как бы носились в воздухе, передаваясь откуда-то в виде слухов крайне неопределенного характера. Сидя в глухом кишлаке Восточной Бухары, нам приходилось неоднократно слышать различные свежие новости от многих лиц, то сообщавших, что были беспорядки в Гиссарском бекстве, где избили амлякдара, то откуда-то появлялся слух, что народ расправился в Денау с зякетчи. Глухое недовольство беками выливалось в огромное число жалоб на них и на низших служащих, и, наконец, вполне определенно заговорили о возможности народного восстания в ханстве»¹⁹⁹. Во время революции 1905—1907 гг. происходило крестьянское восстание в Бальджуане²⁰⁰. Тот же Логофет писал о «беспорядках», происходивших 9 марта 1909 г. во время празднования мусульманского нового года в некоторых городах ханства, в том числе в Гиссаре и Кулябе. В Кулябе бек скрывался в бекском дворе. Почти в это же время и несколько позже в некоторых таджикских кишлаках

различных бекств были избиты бухарские чиновники. Настроение населения было крайне тревожное. Об этом свидетельствуют сообщения Кулябского бека командиру пограничного отдела, высланному на помощь в Куляб конный разъезд, а затем и начальнику Термезского гарнизона, командировавшему в Куляб конно-охотничьи команды ²⁰¹.

Следует отметить, что в распространении революционных идей важную роль играли отходники. «Ежегодно, по мнению Б. И. Искандарова, от 15 до 20% взрослого мужского населения уходило на побочные заработки в города Бухары, Средней Азии и Закавказья» ²⁰². Отходники были первыми полупролетарскими элементами в Восточной Бухаре. Прогрессивное значение отходничества состояло в том, что благодаря ему часть населения втягивалась в водоворот общественной жизни ²⁰³. В трудах советских исследователей имеется ряд примеров, доказывающих, что организаторами народных волнений нередко являлись отходники, особенно в начале XX века. К их числу относится Каландаршо, руководивший борьбой трудящихся Каратегина. До революции 1905—1907 гг. он работал в Фергане, Ташкенте и Баку, а затем вернулся в Каратегин революционно настроенным и возглавил народную борьбу ²⁰⁴.

По сведениям, полученным Б. И. Искандаровым от старожилы Кулябской области, восстаниями, происходившими в годы первой революции, руководили отходники ²⁰⁵. В распространении революционных идей немалая заслуга принадлежала также отдельным военным служащим, которые служили в частях, расположенных в Восточной Бухаре и на Западном Памире. Первая мировая война и усиление кризиса капитализма, новый подъем революционного движения в России подняли и народы Восточной Бухары на последнюю победоносную атаку против угнетателей.

Таким образом, сведения русских авторов о классовой борьбе, несмотря на их скудность, и имеющиеся недостатки, служат важным источником для исследователей в изучении истории борьбы таджикского народа против своих угнетателей. Эта борьба проходила под влиянием революционной России. Она является частью той революционной борьбы, которую вел русский народ. Формы выражения недовольства были различными. В народных движениях активно участвовали трудовые слои городского населения. Причиной поражения всех выступлений было в основном то, что движения эти были стихийными, неорганизованными, распыленными. Отсутствие рабочего класса, его гегемонии в руководстве восстаниями лишало возможности одержать победу над эксплуататорами. Тем не менее эти выступления ослабляли устой феодализма, подготавливали трудящихся к более организованной борьбе.

РУССКИЕ УЧЕНЫЕ ОБ ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРЕ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Ремесло определяется В. И. Лениным как необходимая и составная часть городского быта¹.

Несмотря на то, что ремесло в условиях феодализма является одним из главных занятий городского населения, его нельзя отнести к чисто городским промыслам. В. И. Ленин, отмечая ремесло как первую форму промышленности в условиях феодального хозяйства, пишет: «Известный процент сельского населения представляют из себя специалисты — ремесленники, занимающиеся (иногда исключительно, иногда в связи с земледелием) выделкой кожи, обуви, одежды, кузнечной работой, окраской домашних тканей, отделкой крестьянских сукон, переработкой зерна в муку и т. д.»²

Вопрос о ремесленном производстве в городах Восточной Бухары не был предметом специального исследования в дореволюционной научной литературе. Но разрозненные материалы, имеющиеся в работах дореволюционных русских авторов, являются крайне ценными в изучении этой стороны хозяйственной деятельности населения городов и всего края в целом. Наиболее богатый материал содержится в работах А. А. Семенова³, капитана Снесарева⁴, капитана Васильева⁵, М. А. Варыгина⁶.

Их сообщения свидетельствуют о том, что города Восточной Бухары были важными центрами ремесленного производства.

Текстильное производство. Факты, содержащиеся в трудах русских исследователей, дают полное основание утверждать, что ткачество являлось наиболее массовым и широко распространенным видом производства во всех городах Восточной Бухары. Широкое распространение оно получило и в деревнях, но города являлись центрами более развитого производства высококачественных изделий. Из всех городов Восточной Бухары в этой отрасли наиболее широкую известность получил гиссарский город Каратаг. Изготовленная в этом городе шелковая алача была известна далеко за пределами Бухарского ханства

Н. Маев эту алачу называет «изделием, которым славится Гиссар»⁷. Г. Е. Грум-Гржимайло, указывая на известность гиссарской алачи (хотя и не без преувеличения), отмечает, что «алача самая плотная из всех шелковых тканей, которыми Бухара снабжала весь Восток»⁸. О высоком качестве этой ткани свидетельствует ее цена. За один кусок платили 100—75 тенег (25—15 руб.), а иногда цена доходила до 200—150 тенег (40—50 руб.)⁹. Кроме шелковой, гиссарские мастера изготавливали полушелковую и бумажную алачу, которые были ниже по качеству и выпускались в основном

для внутреннего сбыта. В Каратаге и других городах Гиссара изготавливались и другие виды тканей, особенно грубые хлопчатобумажные, шерстяные кошмы и куржумы¹⁰. В Гиссаре, согласно исследованиям И. К. Нарзикулова, в большом количестве (по тому времени) вырабатывалось сукно нескольких сортов. Оно ткалось из бараньей шерсти, было плотным, но несколько грубоватым; более тонкие и вместе с тем более прочные его сорта вырабатывались из верблюжьей шерсти. Кустарями в различных местах изготавливались в большом количестве кошмы, паласы, джувалы (большие шерстяные мешки), подпруги и другие предметы¹¹. Немаловажными центрами текстильного производства являлись города Кабадиан, Куляб, Гарм и Калаи-Хумб. «Кулябский полушелк, выработанный кустарным способом,— писал М. А. Варыгин,— для халатов считается первым по доброте... Кустарным же способом ткут мастера хлопчатобумажные материи и шерстяное грубое сукно и катают кошмы»¹². Имеются сведения о том, что здесь маты и алачи производились «на манере гиссарской»¹³. Жители Каратегина приготавливали грубые шерстяные материи, а из привозного хлопка (из Гиссара) ткали бязь и мату. Из козьего пуха (диких и домашних животных) и бараньей шерсти валяли сукна, которые употреблялись на зимние чекмены¹⁴. Они даже вывозили на внешний рынок кошмы, ковровые куржумы (вьючные мешки) и теплые чулки¹⁵. Чулки отличались своей прочностью и хорошо сохраняли теплоту. Поэтому они пользовались большим спросом не только зимой, но и летом, так как вместе с мягкими упорками они были удобными при больших переходах пешком, особенно в горах¹⁶. Следует отметить, что изготовление шелковых материй, хотя не в таких размерах, как это было в Гиссаре и Кулябе, было налажено в Каратегине, шелковые материи которого, по словам А. А. Семенова, пользовались большой популярностью не только среди горцев, но и на равнине¹⁷.

В Дарвазе же в большинстве изготавливали хлопчатобумажные ткани. По сведениям А. А. Семенова, Дарваз являлся значительным хлопкобумажным центром, где в каждом доме ткали популярную по всей нагорной Бухаре белую (и цветную¹⁸) бумажную ткань (мата), в которую одевались все горцы от мала до велика. Изготовлением пряжи для маты занимались женщины, тканьем же мужчины¹⁹. Здесь же, как и в других местах Средней Азии, из шерсти ткали различные шерстяные и полушерстяные ткани²⁰. Наиболее широкое распространение получило вязание шерстяных чулок (джурабы) с богатыми оригинальными орнаментами²¹.

Говоря о положении ткачей, следует отметить, что они жили и работали в исключительно тяжелых условиях, особенно там, где действовали цеховые организации. Работая с раннего утра до поздней ночи на станке примитивной конструкции, ткач при са-

мом напряженном труде зарабатывал всего десять копеек в день²².

Гончарное производство. Изделия гончарного производства были необходимыми предметами, широко используемыми как городским, так и сельским населением в быту. Специальные мастера гончарного дела производили множество предметов домашнего обихода. Гончарный промысел был широко распространен по всему ханству, но наибольшее развитие он получил в Каратегине, Гиссаре, Дарвазе и Бальджуане²³. Русские дореволюционные авторы производством гончарных изделий больше освещают в этнографическом плане, чем в историческом. В их работах почти нет сведений о городе как о главном центре гончарного производства. На этом ремесле специализировались отдельные селения, где были нужные материалы — подходящая глина и лес для обжигания (например, Сари Шухор, Качаманди, Шуль, Навдонак и др. — в Каратегине, Всахрв, Егид, Сагирдашт — в Дарвазе).

Указывая на развитие гончарного дела в Каратегине и Дарвазе, А. А. Семенов отмечает, что «горцы сами готовят для себя посуду, не пользуясь услугами различных рынков и заезжих мастеров. Здесь разнообразную глиняную посуду вырабатывают в каждой хижине, причем ремеслом занимаются исключительно женщины. Материалом служит прекрасно вымешанная превосходная по своим качествам местная глина...»²⁴.

Гончарное производство полному изучению подвергается в советский период. Особенно большая заслуга принадлежит Е. М. Пещеровой. Она указывает на широкое применение гончарных изделий в быту таджиков и на неравномерное распространение гончарного ремесла в различных районах дореволюционного Таджикистана²⁵. Говоря о цеховой организации гончаров, она отмечает, что в городских поселениях со слабо развитым ремеслом гончары изготавливали посуду несколькими состоящими в родстве семьями, образовывавшими своеобразное ремесленное объединение — касаб. В более развитых городских поселениях, таких как Каратаг, ремесленная организация была более сложной. Наряду с учениками из числа родственников, называвшимися устозода, было довольно много учеников со стороны — шогирд²⁶.

Таким образом, гончарная организация усложнялась и совершенствовалась в зависимости от условий и спроса на изделия. Широкий ассортимент изготавливаемых гончарных изделий (например, только в Каратегине и Дарвазе производилось 42 названия посуды²⁷) свидетельствует о важности этого вида ремесла в быту городского и сельского населения.

Обработка железа. Обработкой железа в той или иной степени занимались во всех городах и селениях Восточной Буха-

ры. «Железное производство,— пишет И. Минаев,— весьма развито во всех странах по бассейну верховьев Аму»²⁸.

Несмотря на примитивность производства, металлические изделия, созданные искусными мастерами ханства, высоко ценились. Это подтверждается и сведениями русских исследователей. Наибольшую известность получили города Каратаг, Калаи-Хумб, Гарм. Н. Маев писал о хорошем качестве и большом спросе на гиссарские ножи и клинки, изготавливаемые каратагскими мастерами²⁹. Он первым из русских путешественников указал, вернее, намекнул на цеховой характер производства в г. Каратаге. «Мастерские кожевников, которые мы посетили,— пишет Н. Маев,— состоят из одной только сакли — жилья хозяина дома (он же и уста — главный мастер). Под навесом в углу поставлен горн, и другой горн в сакле, для работы зимою и вообще в ненастное время. Работает обыкновенно сам хозяин, и если в семье его нет взрослых мужчин, то нанимает, в помощь себе, одного или много работников. Мастерские ножевщиков и оружейников помещаются за городом, на правом берегу Кара-таг-дарьи»³⁰. Сведения Н. Маева о ремесленном производстве в г. Каратаге свидетельствуют об отчетливом отделении ремесла от сельского хозяйства в городах Восточной Бухары, где ремесленники работали почти исключительно для рынка. Он указывает, что превосходные дорогие дамаскированные клинки готовятся только по заказу каких-нибудь важных лиц. На ножи больше спрос, чем на сабли³¹, а поэтому гиссарские и каратагские мастера почти исключительно заняты приготовлением ножей разных величин и ценностей³². Об искусстве каратагских мастеров в изготовлении железных изделий, главным образом ножей и клинков, имеется немало сведений и в работах ряда других авторов³³.

В развитии кузнечного ремесла в Восточной Бухаре и всего ханства немалая заслуга принадлежит и Калаи-Хумбу. По словам Г. Е. Грум-Гржимайло, в железоделательном производстве, Гиссар уступает Калаи-Хумбу, который далеко славится своими железными изделиями. Он отмечает также, что изготавливаемые там ножи действительно хороши, если взять в соображение примитивный способ их выделки и шлифовки³⁴. Имеется и ряд сведений, подтверждающих высокий уровень кузнечного дела в г. Гарме и в Каратегине в целом. «Каратегинцы,— пишет И. Минаев,— готовят хорошее холодное и огнестрельное оружие...»³⁵. А. А. Семенов указывает на известность каратегинских ножей из крученой стальной проволоки³⁶. О Гарме как о крупном центре кузнечного ремесла говорит и тот факт, что, по рассказам очевидцев, в годы независимости Каратегина в одном квартале было 100 хозяйств ремесленников³⁷.

Словом, указанные города снабжали другие города ханства качественными железными изделиями. Это подтверждается и

Д. Н. Логофетом. Указывая на главные предметы, выделяемые кузнецами в Бухарском ханстве, он пишет: «Помимо выделки подков, топоров, лемехов для плугов, кетменей, серпов, выделяемых отдельными мастерами (устами), кузнецами во всех городах и больших кишлаках ханства из мягкого ковкого железа, в Гиссаре, Калаи-Хумбе и Гарме изготавливаются ножи, клинки для шашек, откуда они затем развозятся по всему ханству, считаясь лучшими по своему качеству»³⁸.

Почти во всех городах Восточной Бухары (из исключением Каратага, вблизи которого находилась железная руда) кузнецы имели дело с привозными необработанными кусками железа и в отдельных случаях использовали железный лом. Например, почти все мастера кузнечного дела в горных районах обеспечивались привозным железом из долины Ванча, где находились залежи высококачественной железной руды. По словам И. Минаева, здесь «с незапамятных времен выплавляется чугуны и выделяются железо и сталь»³⁹. По этому поводу М. С. Андреев пишет: «Ванч снабжает своим железом все соседние страны, окружающие его. Население последних само приходит в Ванч за покупками. Ванцы свой товар (т. е. железо — Х. П.) не развозят. Торговля ведется исключительно в виде товарообмена...»⁴⁰. Граф А. А. Бобринский, побывавший в Дарвазе (1898 г.) с целью сбора этнографического материала, указывает что, несмотря на примитивный способ добычания, наблюдается «процветание» разработки железной руды в Ванче⁴¹.

Долина Ванча не только поставляла железо в необработанном виде, но и считалась крупным центром по изготовлению необходимых предметов. «Жители долины Ванча,— пишет А. А. Бобринский,— благодаря, вероятно, долгому времени, так хорошо приспособились к своему железному производству, что выделяют не только крупные, грубые вещи, вроде лемехов, кирок и топоров, но даже такие мелкие вещи, как складные ножи, бритвы и ножицы. Эти железные изделия славятся в соседних городах...»⁴². А. А. Семенов, указывая на залежи железной руды как на неиссякаемый материал для различного рода железных изделий, писал: «Несмотря на примитивность выработки местных железных изделий и крайне первобытный способ получения железа из руды, ванчские железные изделия все-таки отличаются большой прочностью и известной долей изящества»⁴³. Он же приводит перечень вырабатываемых в Ванче железных изделий: серпы, заступы (бель), клевцы, топоры, подковы, сошники для плугов (лемех), тесала для выдалбливания посуды и отчасти рубки дерева, мотыги (теша), ножи, бритвы, кузнечные молоты, молотки, клещи (амбыр), шила и ножицы⁴⁴.

Кузнечному делу, как необходимо важному, в городах Восточной Бухары придавалось большое значение. Кузнецы для усовер-

шенствования своего мастерства отправлялись в различные города и обучались у самых опытных мастеров. Обучение обычно проходило в доме учителя и продолжалось 3—4 года⁴⁵.

Таким образом, вышеприведенные сведения русских дореволюционных авторов дают представление о довольно высоком уровне кузнечного ремесла в городах Восточной Бухары.

Деревообделочное ремесло. Этот вид ремесла считался одним из важнейших в дореволюционных городах и селениях Восточной Бухары. В городах, помимо использования дерева в качестве строительного материала, оно шло на изготовление различных бытовых предметов и предметов украшения жилых домов.

В работах русских исследователей отдельные упоминания дают повод полагать, что города являлись важными центрами деревообделочного ремесла. Это, в частности, дает понять Д. Н. Логофет, хотя он и говорит о спаде этого вида ремесла. «Сравнительно еще недавно, — пишет он, — значительное распространение имела резьба по дереву для украшения дверей в мечетях и жилищах, столбов, столов, решеток и т. п. Резьба производилась главным образом по ореху, но также по другим древесным твердым и мягким породам. Искусство это год от года уменьшается и в настоящее время лишь в больших городах встречаются мастера-резчики, а в остальных же местах, ввиду убыточности этого занятия, требующего много труда и времени, мастера перешли к плотничьему ремеслу, изготавливая плуги (омач), вилы (няндж-шаха), ложки, лопаты и т. п.»⁴⁶. О выделывании деревянной посуды в городе Куляба и Бальджуана говорит А. А. Бобринской⁴⁷.

В городах находились искусные мастера-резчики и особо известные мастера столярного дела, а мастера, изготавливавшие различные предметы повседневного обихода, находились больше в селениях, где имелись необходимые условия для этого дела, в первую очередь обилие подходящей древесины. Например, в Дарвазе кишлак Пшихарв являлся главной базой, обеспечивающей горные районы деревянными изделиями широкого ассортимента, хотя мастера по обработке дерева имелись и в других селениях и городах. А. А. Семенов, указывая на Пшихарв как центр деревянного производства, отмечает, что он снабжает своими изделиями весь Каратегин и Дарваз⁴⁸. Из дерева изготавливались сельскохозяйственные орудия (сохи, ярма, лопаты, особые приспособления для переноски снопов, сани-волокуши, вилы и др.), орудия производства (ткацкие станки, прялки, вальцы для очистки хлопка от семян, лучки для трепания хлопка и шерсти и т. п.), всевозможная посуда и домашняя утварь (сундуки, маслобойки, колыбели, детские игрушки, замки, ставцы для светильников и т. д.) и музыкальные инструменты⁴⁹.

Обработка кожи (кожевенное ремесло). Мастера

этого дела находились во всех уголках края, но наиболее квалифицированные из них жили и работали в городах. В отличие от сельских мастеров, где этот вид ремесла не являлся их главным занятием и совмещался с другими сельскохозяйственными занятиями, городские мастера работали почти исключительно для рынка и потому их изделия отличались высоким качеством. Говоря о кожевенном производстве, Д. Н. Логофет отмечает, что оно «распространено почти во всех бекствах ханства»⁵⁰. Причем, кроме изготавливаемого на месте широкого ассортимента кожаных изделий, «часть бараньих, козлиных кож в полуобработанном виде» (приблизительно на сумму 300 тыс. рублей) вывозилась в Россию⁵¹. В большинстве городов (главным образом, в крупных) специальные мастера занимались изготовлением кожаной обуви различного фасона⁵². Изготовление кожаных изделий имело заметный успех в г. Кулябе, где было «множество мелких кожевенных заводов»⁵³. По словам М. А. Варыгина, на кулябском базаре «3 лавки конской сбруи и шитья попон, да 1 лавка находится у кургана, где живет бек... Тут же из выделанной кожи, бараньей или козливой, шьют желтые узбекские шаровары, расшитые разноцветными шелками, затейливым рисунком»⁵⁴. По сведениям Р. Ю. Рожевица, изготовлением изделий из тисненной кожи (главным образом, кожаной части к седлам) славится город Бальджуан⁵⁵.

Ювелирное дело. Ювелирные мастерские имелись во всех городах Восточной Бухары. Они, как и другие, обычно находились на базарах. Указывая на состояние этого вида ремесла, Д. Н. Логофет пишет: «Золотых дел мастера находятся во всех бухарских городах, изготавливая главным образом пояса из крупных золотых и серебряных блях и украшения для женщин в виде браслетов, серег и колец. Все эти изделия отличаются своеобразным рисунком...»⁵⁶. Помимо таких мастеров в большом количестве встречались умельцы, изготавливавшие вещи плакированные серебром, покрывая сталь тонким слоем серебра⁵⁷. По сведениям Р. Ю. Рожевица, на Бальджуанском базаре мастера занимались серебрением железа, преимущественно пряжек, стремян, уздечек, и других частей сбруи. Он отмечает также изящество и своеобразие этого искусства⁵⁸. О процветании указанного дела в городах Куляб и Бальджуан говорит А. А. Бобринской⁵⁹.

А. А. Семенов упоминает о ювелирах-евреях, встречавших на Кабадианском базаре⁶⁰. «Здесь, — утверждает Л. П. Колпаков, — находились различного рода ремесленные мастерские, например, кузнечные, ювелирные. В последних выделывали брошки, кольца, браслеты и прочие женские украшения. Ювелирами были афганцы, цыгане и индусы»⁶¹. К ювелирному делу можно отнести почитку стеклянной, фарфоровой и прочей хрупкой посуды, которая получила довольно широкое распространение в отдельных городах Восточной Бухары. А. А. Семенов, наблюдая за работой мас-

тера, именного специальную мастерскую для починки стеклянных и фарфоровых изделий в г. Кулябе, обратил внимание на способ починки, или, вернее, составление заново разбитой посуды. «Мастер, — пишет он, — тщательно собирает все осколки, скрепляет их поперечными тонкими медными пластинками. Нечего и говорить, что подобная работа требует много терпения и навыка. Вещь, починенная таким способом, никогда не развалится, как склеенная, не пропустит жидкость. Бухара особенно славится этого рода искусством. Разбитая и склеенная описанным способом фарфоровая посуда расходуется отсюда по всем странам Азии, от Персии до границы Китая»⁶².

Следует отметить, что ремесленное производство в городах Восточной Бухары по мере увеличения ввоза различных промышленных товаров из России стало переживать некоторый спад. Особенно это касается западных городов, где ввоз товаров производился в большом объеме. Этот факт отмечается и многими русскими авторами. Этнограф Н. Бурдуков, указывая на богатую историю ремесленного искусства в Средней Азии и следы его влияния на искусство других народов, с досадой отмечает, что «оно оказалось бессильным бороться с могущественнейшим фактором современной жизни — рыночным, механическим, капиталистическим производством и потребитель стал получать от рынка в виде готовых фабрикатов все то, во что раньше привык вкладывать свое творчество...»⁶³.

Несмотря на все притеснения, изделия, изготовленные городскими и сельскими ремесленниками в некоторых местах Восточной Бухары, вплоть до победы Советской власти были почти основными предметами, удовлетворявшими жизненные потребности местного населения.

РОЛЬ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ

Города Восточной Бухары, выполняя функции главного экономического центра, притягивали к себе почти всю товарную продукцию бекства. Они были основными центрами и отправными пунктами внутренней и внешней торговли.

Хотя русские дореволюционные исследователи не посвятили вопросам торговли специальных работ, тем не менее большинство авторов не проходило мимо этого. На страницах их работ имеются многочисленные сведения, в той или иной мере отражающие состояние торговли в городах Восточной Бухары и их место в торговой жизни края. Город, согласно их сведениям, по традиции был местом проведения главного базара, и последний играл исключительно важную роль в торговом отношении. Именно на базаре определялись цены, согласно которым нужно было заключать тор-

говые сделки. Кроме того, торговля на базарах облегчала взимание своего рода сбора — аминана. Опираясь на информацию, полученную от местных жителей и на свои наблюдения, Д. Н. Логофет отмечает, что вся торговля производится главным образом на базарах, в особых каравансараях и в лавках, на дому же торговые сделки почти не совершаются, потому что шариат требует, во-первых, производимый товар во время сделки должен быть обязательно налицо, во-вторых, избегать таких положений, при которых продающий или покупающий может быть не осведомлен о действительных ценах, существующих на базаре, и благодаря этому потерпит убыток, и в-третьих, на дому может не оказаться свидетелей, необходимых для свершения сделки и придания ей законности⁶⁴.

Товарно-денежные отношения накануне присоединения Восточной Бухары к ханству находились почти в зачаточном состоянии. Несколько более товарный характер имело хозяйство в городах западной части края, где такие города, как Гиссар, Каратаг, Денгау, Кабадиан, считались значительными торговыми центрами.

О состоянии денежных отношений свидетельствует тот факт, что в середине XIX в., т. е. в годы самостоятельности бекств Восточной Бухары, чеканка денег производилась только в Гиссаре. Господствующее положение натурального хозяйства не говорит о полном отсутствии торговых отношений.

Сведения первых путешественников, посетивших край вскоре после ликвидации независимости, в какой-то степени дают представления о состоянии торговли городов Восточной Бухары накануне присоединения края к ханству. Вопросы торговых отношений Восточной Бухары конца XIX — начала XX вв. в известной степени разработаны в трудах советских исследователей⁶⁵, которые в качестве основных источников вводили в научный оборот и сведения русских дореволюционных авторов. Следует учесть, что исследователи не ставили специальной целью выяснить роль города как центра торговых отношений. Между тем исследование роли городов Восточной Бухары в торговой жизни края во многом бы способствовало еще более глубокому изучению экономической жизни центральных и южных районов дореволюционного Таджикистана. В данном случае в силу специфики настоящей работы мы ограничиваемся лишь выявлением вклада русских дореволюционных исследователей в изучение торговых отношений городов Восточной Бухары конца XIX — начала XX вв.

Утверждение протектората России над Бухарой, ликвидация раздробленности, усиление центральной власти во многом способствовали усилению торговли в ханстве. Но по сравнению с западными его районами в городах Восточной Бухары торговля действительно отставала. Что касается более отдаленных городов (как Гарм и Калаи-Хумб), то здесь она находилась

тера, имевшего специальную мастерскую для починки стеклянных и фарфоровых изделий в г. Кулябе, обратил внимание на способ починки, или, вернее, составление заново разбитой посуды. «Мастер,— пишет он,— тщательно собирает все осколки, скрепляет их поперечными тонкими медными пластинками. Нечего и говорить, что подобная работа требует много терпения и навыка. Вещь, починенная таким способом, никогда не развалится, как склеенная, не пропустит жидкость. Бухара особенно славится этого рода искусством. Разбитая и склеенная описанным способом фарфоровая посуда расходуется отсюда по всем странам Азии, от Персии до границы Китая»⁶².

Следует отметить, что ремесленное производство в городах Восточной Бухары по мере увеличения ввоза различных промышленных товаров из России стало переживать некоторый спад. Особенно это касается западных городов, где ввоз товаров производился в большом объеме. Этот факт отмечается и многими русскими авторами. Этнограф Н. Бурдуков, указывая на богатую историю ремесленного искусства в Средней Азии и следы его влияния на искусство других народов, с досадой отмечает, что «оно оказалось бессильным бороться с могущественнейшим фактором современной жизни — рыночным, механическим, капиталистическим производством и потребитель «стал получать от рынка в виде готовых фабрикатов все то, во что раньше привык вкладывать свое творчество...»⁶³.

Несмотря на все притеснения, изделия, изготовленные городскими и сельскими ремесленниками в некоторых местах Восточной Бухары, вплоть до победы Советской власти были почти основными предметами, удовлетворявшими жизненные потребности местного населения.

РОЛЬ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ

Города Восточной Бухары, выполняя функции главного экономического центра, притягивали к себе почти всю товарную продукцию бекства. Они были основными центрами и отправными пунктами внутренней и внешней торговли.

Хотя русские дореволюционные исследователи не посвящали вопросам торговли специальных работ, тем не менее большинство авторов не проходило мимо этого. На страницах их работ имеются многочисленные сведения, в той или иной мере отражающие состояние торговли в городах Восточной Бухары и их место в торговой жизни края. Город, согласно их сведениям, по традиции был местом проведения главного базара, и последний играл исключительно важную роль в торговом отношении. Именно на базаре определялись цены, согласно которым нужно было заключать тор-

говые сделки. Кроме того, торговля на базарах облегчала взимание своего рода сбора — аминана. Опираясь на информацию, полученную от местных жителей и на свои наблюдения, Д. Н. Логофет отмечает, что вся торговля производится главным образом на базарах, в особых каравансараях и в лавках, на дому же торговые сделки почти не совершаются, потому что шариат требует, во-первых, производимый товар во время сделки должен быть обязательно налицо, во-вторых, избегать таких положений, при которых продающий или покупающий может быть не осведомлен о действительных ценах, существующих на базаре, и благодаря этому потерпит убыток, и в-третьих, на дому может не оказаться свидетелей, необходимых для свершения сделки и придания ей законности⁶⁴.

Товарно-денежные отношения накануне присоединения Восточной Бухары к ханству находились почти в зачаточном состоянии. Несколько более товарный характер имело хозяйство в городах западной части края, где такие города, как Гиссар, Каратаг, Деңнау, Кабадиан, считались значительными торговыми центрами.

О состоянии денежных отношений свидетельствует тот факт, что в середине XIX в., т. е. в годы самостоятельности бекств Восточной Бухары, чеканка денег производилась только в Гиссаре. Господствующее положение натурального хозяйства не говорит о полном отсутствии торговых отношений.

Сведения первых путешественников, посетивших край вскоре после ликвидации независимости, в какой-то степени дают представления о состоянии торговли городов Восточной Бухары накануне присоединения края к ханству. Вопросы торговых отношений Восточной Бухары конца XIX — начала XX вв. в известной степени разработаны в трудах советских исследователей⁶⁵, которые в качестве основных источников вводили в научный оборот и сведения русских дореволюционных авторов. Следует учесть, что исследователи не задавались специальной целью выяснить роль города как центра торговых отношений. Между тем исследование роли городов Восточной Бухары в торговой жизни края во многом бы способствовало еще более глубокому изучению экономической жизни центральных и южных районов дореволюционного Таджикистана. В данном случае в силу специфики настоящей работы мы ограничиваемся лишь выявлением вклада русских дореволюционных исследователей в изучение торговых отношений городов Восточной Бухары конца XIX — начала XX вв.

Утверждение протектората России над Бухарой, ликвидация раздробленности, усиление центральной власти во многом способствовали усилению торговли в ханстве. Но по сравнению с западными его районами в городах Восточной Бухары торговля действительно отставала. Что касается более отдаленных городов, как Гарм и Калаи-Хумб), то здесь она находилась

состоянии. Главными причинами отставания были: географическая изолированность, т. е. труднодоступность края отсутствие нормальных путей сообщения, слабое развитие товарно-денежных отношений.

Н. А. Маев, первый посетивший Восточную Бухару (кроме Каратеги́на и Дарваза) в середине 70-х годов XIX в., дает некоторые сведения о состоянии торговли. Например, о Кабади́ане он пишет, что кроме сельскохозяйственных продуктов, главным образом хлеба, который продается здесь на базаре по дешевой цене⁶⁶, «здесь производится много шелка, который продается по 80 р. за пуд».⁶⁷ Каратаг на Н. Маева произвел впечатление крупного торгового центра. Он указывает на отличное качество ремесленных изделий, продававшихся на базаре, особенно алачи и кожи местного производства. По его словам, в Каратаге джура (два куса) хорошей алачи продавалось по 20 р. Самый дешевый нож здесь оценивался в 1 р. 50 коп., а самый дорогой (стальной, рукоятка из слоновой кости, украшенный серебром) — 10 рублей⁶⁸. Тот факт, что торговцы, расхваливая свои товары, «при покупке обманули» Маева и его спутников, продав им «довольно плохую алачу как самую лучшую, какую только можно достать в Гиссар»⁶⁹, свидетельствует о развитии торговли и искусства торговцев.

Маев, определяя значение городов Ши́рабад, Байсун, Денау, Гиссар, Курган-Тюбе, Душанбе, Кафирниган, Бальджуан и Куляб как торговых пунктов, указывал, что они имели местное значение⁷⁰. Но это не означает, что эти города или бекства были абсолютно изолированными друг от друга. На существующие торговые связи между бекствами, (включая города), указывает, в частности, тот же Н. А. Маев. «В Кулябе,— пишет он,— цена на шеницу, благодаря близости к населенному Бадахшану, уже гораздо выше и доходит до 10 теге (2 р.) за батман в 8 пудов»⁷¹. По его словам, «байсунские и гузарские узбеки пригоняют свой скот на продажу исключительно в Гузар, куда съезжаются бухарские скупщики..., по четвергам пригоняют для продажи на базаре до 4000 голов разного скота. Кроме того, питательным районом для Бухары, относительно снабжения ее населения баранами, служит Куляб, долины Сурхана и Кафирнигана и плоских выем, заключающийся между реками Вахшем, Кафирниганом и Сурханом... Гиссарским скотом снабжаются исключительно: Ура-Тюбе, Самарканд и Катта-Курган»⁷². Он же писал, что «Из Денау, Гиссара и Дюшанбе везут в Бухару хлеб и лен...»⁷³.

Имеются сведения также о торговых связях Каратеги́на с соседними районами. Например, К. А. Абрамов в своей «Записке о Каратеги́не», написанной еще в годы самостоятельности края, писал: «Охота за дикими зверями (в Каратеги́не — Х. П.) весьма распространена... Шкурка куницы продается на Гиссарском база-

ре за 40—60 к., а выдры — за 1 р. 20 к.»⁷⁴. Это говорит о том, что каратегинцы ездили продавать свою пушнину в Гиссар. По сведениям А. А. Арандаренко, составленным по расспросам еще во второй половине 70-х годов, каратегинцы для приготовления бумажной ткани (бязи) хлопок получали на Ура-Тюбинском, Гиссарском и Кокандском рынках в обмен на светительное (лампное) масло⁷⁵. По его же словам, в свою очередь в Каратегин, главным образом в Гарм, каждое лето приезжали торговцы из Ура-Тюбе, Гиссара и Қашгара «с железом, ситцем, алачой, адрясом, кананусом, табаком, сёдлами, платками, уголками, сакичем жевательным, гребнями, зеркалами простыми, мылом, мужской и женской обувью... Некоторая часть товаров продается на деньги правителю (ша) и служащим при нем большое количество сбывается в обмен на скот, рогатый, мелкий, на шкуры медведей, сугуров (сурков — Х. П.), барса, на пушнину лисью, кунью, рыси, выдры»⁷⁶.

Все это свидетельствует о том, что торговые отношения, хотя и в небольших масштабах, но все же существовали между бекствами Восточной Бухары и в годы их самостоятельности.

Сведения русских авторов, относящиеся еще к 80-м годам XIX в., свидетельствуют о значительных переменах в торговле. В эти годы заметно возросло значение городов как экономических центров. По имеющимся сведениям, ряд городов западной части Восточной Бухары получили широкую известность как центры торговли. Например, описывая каратагский базар, капитан Стеткевич отмечает, что он имел, кроме временных, 60 постоянно действующих лавок⁷⁷. Базар вытянулся по одной улице с несколькими переулками, а ниже его — открытая базарная площадь, где собирались окрестные жители для продажи своих произведений. Тут же находились конский и скотский базары⁷⁸. Заметно выросло торговое значение города Куляба. По словам П. Е. Косякова, он достаточно населен и торговля в нем оживленнее, чем в Кабадиане и в Курган-Тюбе⁷⁹. Оживление торговли наблюдается также в Гарме. Если Г. А. Арандаренко во второй половине 70-х годов писал, что в Каратегине не существует ни торговых лавок, ни караван-сараев⁸⁰, то, посетив Каратегин и Дарваз позже, он заметил: «как подобает столице бухарского бекства, в Гарме имеется базар (по четвергам), единственный во всем Каратегине и Дарвазе»⁸¹. Здесь, кроме привозных товаров из русского Туркестана, торговали овцами, лошадьми, крупным и мелким рогатым скотом, пшеницею, ячменем и другими местными изделиями⁸².

Таким образом, в начале 80-х годов не имел своего базара только Дарваз (т. е. Қалаи-Хумб). По сведениям А. Э. Регеля, там не было самостоятельной торговли⁸³. Как правило, цены на товары зависели от спроса. Чем больше спрос, тем товар оценивался дороже. Колебание цен замечалось даже в различных пунктах од-

ного района. Например, полковник генштаба Галкин пишет, что цены на домашний скот в различных частях Сурханской долины не одинаковы⁸⁴. Разница в ценах между отдельными бекствами на одну и ту же продукцию колебалась порой до внушительных размеров⁸⁵. Имеются факты, свидетельствующие об укреплении торговых связей между городами Восточной Бухары в 80-х годах. Отмечая довольно тесные торговые контакты между городами Гиссарской долины, Стеткевич пишет: «На Каратагский базар привозят хлеб также из Гиссара, а вывозят в Регар, где за преимущественным производством риса пшеницы не хватает. По словам каратагского амлякдара, во всякое время можно без затруднения на каратагском базаре заготовить 1000 батманов (8000 пудов) пшеницы»⁸⁶. Он же отмечает, что в базарные дни в Каратаге и Денау приезжают кочующие с базара на базар торговцы⁸⁷.

Главными предметами внешней торговли для бекства Восточной Бухары были сельскохозяйственные продукты и скот. «Лошадьми из Гиссара,— писал капитан Лилиенталь,— снабжаются даже наши рынки в Ура-Тюбе и отчасти в Самарканде»⁸⁸. В Самарканд и Шахрисябз скупщики отправляли шкуры пушных зверей, которые продавались в Гиссаре на местных базарах⁸⁹. Другой крупный торговый центр — Денау обеспечивал хлебом караваны; которые проходили осенью и зимой за хлебом из города Карши⁹⁰. По подсчетам Галкина, из средней и южной части Сурханской долины вывозились в отдаленные области ханства до 20000 пудов разного хлеба, главным образом пшеницы и риса⁹¹. Г. А. Арандаренко отмечает, что в Каратегине шкуры пушных зверей продаются или на месте, разъезжающим скупщикам из Бухары, Самарканда, или же отвозятся, при случае, в Куляб и Гиссар. Он же указывает, что излишки хлеба сбываются в Матчу, в Коканд и Гиссар⁹².

Последующие сведения русских дореволюционных исследователей убедительно показывают значительное усиление торговли в городах Восточной Бухары. Особенно заметно усилился темп роста торговых отношений в конце прошлого столетия и начале XX в. Вступление России в последнюю стадию развития капитализма — империализм не проходило бесследно и для Восточной Бухары. Втягивание Бухары в сферу влияния капитализма, создание экономических основ для развития капиталистических отношений положили начало ослаблению и ломке натурального хозяйства, развитию товарно-денежных отношений, усилению торговых связей между городами края, увеличению ввоза русских промышленных товаров на территорию Восточной Бухары и т. д.

Такие города, как Денау, Кабадиан, Каратаг, Душанбе, Куляб превращались в довольно известные торговые пункты.

Если первые путешественники писали преимущественно о преобладании сельскохозяйственных продуктов на базарах, то в све-

дениях последующих авторов встречаются факты, свидетельствующие об увеличении ассортимента товаров, главным образом промышленных. А. А. Семенов, посетивший г. Кабадиан в 1898 г., свои впечатления о его базаре передает следующими словами: «Крытые ряды лавок, полутемные переходы и закоулки, занимавшие большое пространство, во многом напоминали торговые ряды города Бухары. По оживлению многолюдной, волнуемой толпы, наводнявшей кабадианские базары, глядя на эти разнообразные товары, разложенные на местных лавках, можно заключить, что Кабадиан представляет собой весьма значительный торговый центр. Из товаров больше всего преобладает мануфактура...»⁹³.

Вышеприведенные слова А. А. Семенова подтверждаются результатами исследования А. П. Колпакова. В своей работе «Из недавнего прошлого Кабадиана» он приводит немало убедительных фактов. По его словам, на базаре города находилось четыре караван-сарая для приезжих. Базары бывали в Кабадиане два раза в неделю — по понедельникам и четвергам. Главные торговые ряды тянулись на 360 м. Здесь были сосредоточены лавки, где продавались ткани, пряности различных видов, халва и фрукты. Параллельный торговый ряд возле пятничной мечети тянулся на 145 м. Сюда дехкане свозили для продажи дыни, арбузы и овощи. Здесь же располагались два караван-сарая. Торговый ряд, расположенный на северо-западе кабадианского базара имел протяженность 100 м и был крытый. Здесь размещались различные лавки с бакалейными и галантерейными товарами и находился караван-сарай. Небольшой крытый ряд длиной в 50 м соединял два больших торговых ряда. В нем находился караван-сарай, различные лавки и мастерские⁹⁴.

К началу XX в. торговые перемены наблюдаются и в Байсуне. Посетивший этот город А. В. Нечаев отмечает, что базар в Байсуне довольно большой, хотя товары на нем не разнообразны и «все привозное страшно дорого»⁹⁵. На денауском базаре, по наблюдениям Б. Н. Литвинова, было «десятков пять всевозможных (видимо, только постоянно действующих — Х. П.) лавок, по преимуществу железных и ситцевых, две-три меняльных лавки»⁹⁶, хотя это, по его мнению, было ниже возможностей города⁹⁷. Из городов Гиссарского бекства как крупный торговый центр в конце XIX — начале XX вв. славился Каратаг, куда летом, по словам Р. Ю. Рожевица, перемещалась вместе с населением почти вся торговля города Гиссара⁹⁸. Не хотел отставать от Каратага и г. Душанбе, впоследствии, после землетрясения в Каратаге, получивший славу торгового города и занявший ведущее место в торговле Гиссарского бекства. «В торговом отношении,— пишет Б. Н. Литвинов,— Душанбе начинает все более и более выделяться из среды всех гиссарских городов и даже побил самого серьезного своего соперника по торговле — Регар, который стал вследствие

этого падать»⁹⁹. Указывая на многолюдность душанбинского базара, В. И. Липский пишет, что «базар тут бывает большой и сюда приходит много людей со всех сторон»¹⁰⁰.

Превратился в крупный торговый центр и город Куляб, где торговля, по мнению очевидцев, была «более оживленной, чем в Кабадиане и Курган-Тюбе»¹⁰¹. А. А. Семенов указывает на многочисленные длинные ряды лавок, разбросанные по всем направлениям¹⁰². Более подробно о торговле в г. Кулябе пишет М. А. Варыгин. По его сведениям, на кулябском базаре исключительно сосредоточен как оптовая, так и розничная продажа 2 раза в неделю по базарным дням¹⁰³. Кроме мастерских, которые изготавливали товары и тут же их продавали, он указывает на 50 лавок с красным товаром (т. е. мануфактурными изделиями), 5 лавок с зеленым чаем, 4 чайханы, где в будние дни продавали клевер и ячмень, 5 лавок с деревянными изделиями, 8—9 лавок с обувью, 2—3 с изделиями гончарного производства, 5—6 лавок, в которых продавали масло, фруктовый ряд, навес для продажи зернового хлеба, ячменя, риса и пр.¹⁰⁴. Отмечая бурный рост торговли в городе, Варыгин указывает на перспективы города Куляба в торговом отношении в будущем¹⁰⁵.

Продукты сельского хозяйства на кулябском базаре, по сведениям Снесарева, продавались по следующим ценам: «пшеница — 90 тенег за батман¹⁰⁶, т. е. 85 коп. за пуд, ячмень — 40—50 коп. за пуд. Баран очень крупных размеров (1—1/2 пуда мяса и пуд сала) стоит 18 рублей, средний (около пуда мяса и 15 фунтов сала) стоит 7 руб. 50 коп., бык от 30 руб. и менее, корова от 18—19 руб. и менее..., хорошая лошадь до 150 руб., средняя — 75 руб., плохая, но еще пригодная для вьюка — 40 руб., ишак — 9—15 руб., верблюды стоят, как лошади»¹⁰⁷. Кроме того, добыча соли являлась одним из главнейших промыслов Куляба, занимала важное место в торговле этого района¹⁰⁸.

Оживленная торговля наблюдалась и в городе Бальджуане¹⁰⁹, где базарные цены, кроме цен на хлеб, который здесь был дешевле, почти совпадали с кулябскими. Отставала торговля лишь в г. Курган-Тюбе. Здешний базар, по словам Д. Н. Логофета, был небольшим и имел всего два-три десятка лавок, что наглядно указывает на сравнительно небольшую торговлю для местного употребления¹¹⁰. Незначительные сдвиги наблюдались в торговле в Гарме и Калай-Хумбе. Гармский базар, хотя и отличался многолюдством, имел крайне незначительное число лавок. Большинство товаров разложено было прямо на земле¹¹¹.

О значении г. Гарма в торговой жизни всего Каратегина свидетельствует тот факт, что примерные цены на товары определялись его базаром¹¹². Несмотря на эти сдвиги, в Каратегине по-прежнему не было широких возможностей для сбыта сельскохозяйственных товаров. А. А. Семенов отмечает обилие хлеба в Ка-

ратегине и баснословную дешевизну его при отсутствии рынков сбыта¹¹³.

О сдвиге в торговле в Калай-Хумбе говорит тот факт, что если в начале 80-х годов в Дарвазе не было самостоятельной торговли¹¹⁴ и базара, то в начале 90-х годов Калай-Хумб имел свой базар¹¹⁵, хотя торговля и была еще незначительной¹¹⁶. Кроме сельскохозяйственных продуктов, на этом базаре сбывалось некоторое количество товаров местного производства, главным образом различные железные изделия, и немного русского и английского ситца и т. п.¹¹⁷. Капитан Кузнецов, отмечая исключительно меновый характер торговли в Калай-Хумбе, приводит примерные базарные цены в следующем порядке: батман пшеницы, ячменя и тута — 3 р. 20 к., батман хлопка — 8 р., батман проса — 2 руб., батман риса — от 12 до 16 руб. Баран — от 60 коп. до 1 руб. 60 коп., корова — от 5 руб. до 8 руб., бык — от 6 до 12 руб., лошадь — от 16 до 50 руб.¹¹⁸

Несмотря на интенсивное наступление товарно-денежных отношений, в более отдаленных районах Восточной Бухары натуральное хозяйство крепко сохраняло свое господствующее положение. «Ограниченность монетных знаков,— пишет Снесарев,— и привычка каждого хозяина все приобретать и добывать своими руками, не прибегая к купле, ведут к тому, что круг продаваемых и, значит, ценных предметов очень невелик, ими являются, главным образом, хлеб и скот. Отсюда, естественно, на многие вещи цены нет, таковы: соль, овощи, дрова, помол хлеба, перевоз или перевес и т. д.»¹¹⁹

Цены, в зависимости от уровня торговых отношений и спроса, были различными. Особенно резкие несоответствия между стоимостью товара и его ценой наблюдались в более отдаленных городах, куда в основном товары попадали через скупщиков. М. А. Варыгин справедливо замечает, что цены назначаются и возрастают не столько от стоимости и дальности перевозки, сколько от произвола торговца¹²⁰. Бездорожье и отсутствие транспорта не давали возможности сбывать сельскохозяйственную продукцию по соответствующей цене (как правило, она продавалась намного ниже стоимости). Но по мере развития торговли цены постепенно как бы регулировались. Например, А. А. Семенов указывает, что цена на пшеницу в Каратегине весной 11 тенег¹²¹ за один батман, а осенью после уборки хлеба 8 тенег (1 р. 28 коп.). Несколько лет назад батман пшеницы стоил несколько дешевле, — 3—4 тенги (48—64 коп.)¹²² Такие же примеры приводит применительно к Кулябу, Бальджуану, Каратегину А. Е. Снесарев. «За два года до приезда нашей партии,— пишет он,— цены были вдвое, даже втрое дешевле против 1904 г., жители сами были удивлены резким скачком цен и не могли объяснить этого»¹²³.

В русской дореволюционной литературе имеются многочислен-

ные сведения о торговых связях городов Восточной Бухары как между собой, так и с западными городами Бухарского ханства, городами Туркестанского губернаторства.

Несмотря на то, что эти сведения лишены достоверных статистических данных о размере товарооборота для каждого города в отдельности или всех вместе взятых, тем не менее в общих чертах они дают представление о торговых связях городов Восточной Бухары, которые по мере развития торговли, естественно, укреплялись. А. Е. Снесарев отмечает, что торговля ведется в трех направлениях: а) на севере, через перевалы, с русскими владениями; б) на юге по Аму-Дарье с городами по этой реке и с Хивой и в) на западе с Бухарой¹²⁴. По-прежнему почти основными продуктами вывоза из Восточной Бухары являлись сельскохозяйственные культуры и скот. Изделия кустарного производства, которые имели определенные успехи во внутренней торговле, т. е. в самой Восточной Бухаре, не могли завоевать какого-нибудь успеха во внешней торговле, особенно после увеличения ввоза русских товаров.

Касаясь вопросов товарооборота, Снесарев отмечает, что главными предметами ввоза в Восточную Бухару являются мата, ситец, железо, мелкий красный товар, индийская кисея, чай, разная мануфактура, фабричные изделия и др. Предметами вывоза же служат скот, хлеб, фисташки, каракуль, простые бараньи шкуры, шкурки лисиц, барса и куниц, чулки, ковровые куржумы и т. п.¹²⁵

Стеткевич, наблюдая за товарооборотом на крупных базарах Гиссарского бекства (главным образом в Каратаге), пишет, что вывоз ограничивается рисом, баранами, шкурами и кое-какими местными произведениями, вроде ножей. Ввоз достигает больших размеров: предметы ввоза — те же, что во всем Туркестане и Бухаре, т. е. мануфактурные товары, металлы, сахар, чай и проч.¹²⁶ Почти такие же сведения, только с некоторыми дополнениями, мы находим у Н. А. Бендерского. «Из Гиссара, — пишет он, — вывозят пшеницу, рис, ячмень, шкуры. Скот (лошади и бараны) гонится на продажу в Ура-Тюбе, Самарканд, Шаартуз (Шахри-сябз — Х. П.). Вывозятся преимущественно мануфактурный и бакалейный товар — посуда, мастама, сахар, чай и прочее. Весь этот товар идет в Гиссар и через Дербент и Байсун, а летом **через** перевал Мура из Самарканда»¹²⁷. Строительство железных дорог способствовало увеличению производства технических культур, таких как хлопок¹²⁸ и лен, хотя увеличился спрос и на пшеницу. По сведениям И. И. Гейера, «сотни тысяч пудов льняного семени везутся из Денау, Куляба и других бекств Гиссара и частью в зерне, а главным образом в масле, доставляются в г. Бухару. В городе Карши имеется целая улица, занятая маслобойными заводами, перерабатывающими лен, идущий сюда с гор»¹²⁹.

Города Карши («узел 10 сходящих здесь дорог»¹³⁰) и Гузар являлись главными пунктами, где продавался пригоняемый скот из Восточной Бухары, главным образом из Гиссарской долины¹³¹.

Перегоны скота совершались в обширных размерах по всем перевалам через Пяндж и Аму-Дарью, начиная с самых верховьев реки¹³².

Говоря о хлебной торговле вообще и роли городов в ней, в частности, следует отметить, что Д. Н. Логофет считал такие города, как Гарм, Бальджуан, Куляб, Кабадиан и Гиссар, главными пунктами, куда поступали зерновые на базары и откуда впоследствии вывозились в западную часть Бухары, Хиву, а также в Керки, Термез и Чарджуй¹³³.

В развитии торговых отношений между Восточной Бухарой и западной частью ханства, а также русским Туркестаном немало важную роль сыграли построенные по военно-стратегическим соображениям ряд колесных дорог, например, от Термеза до Куляба¹³⁴ и усовершенствование выючных троп от Гарма до Калай-Хумба. «Несколько лет тому назад»¹³⁵, — писал Д. В. Наливкин, — русские военные власти энергично принялись за улучшение путей сообщения и, между прочим, начали прокладывать выючную дорогу по Пянджу... Дорога окончена текущим летом (т. е. 1915 г., — Х. П.) и я был первым путешественником, проехавшим по ней с выючным караваном. Саперы сделали ее настолько хорошо, что на всем протяжении можно проехать не развьючивая выюков. Этот путь впервые делает возможным сообщение между русскими владениями и Дарвазом круглый год»¹³⁶.

На базарах городов Восточной Бухары, кроме местных изделий и русских товаров, нередко можно было увидеть товары из Индии, Афганистана, Ирана и других соседних государств. По словам капитана Стеткевича, «чай, исключительно зеленый, идет из Индии, кисея оттуда же»¹³⁷. Б. Н. Литвинов выражал удивление, увидев в 1894 году большое количество предметов с английскими клеймами (скатерти, зеленый чай, сахар-леденец и проч.) в Калай-Хумбе¹³⁸. Английские товары А. А. Семенов в 1898 г. видел в Кулябе¹³⁹.

По сведениям, имеющимся в сборнике «Туркестан», в 80-х годах прошлого столетия из Афганистана и Кашмира в большом количестве ввозили в Бухару шали и индийскую кисею, порчу. Из Персии — ткани, бирюзу, английские ситцы, коленкоры и кисею; из Кашгарии — фарфор, чай, китайские шелковые материи. Предметами вывоза Бухары были хлопок, шелк, сушеные плоды, мерлушки, меха, ковры и кошмы, предметы одежды, шали, шерстяные и шелковые материи. Ежедневный ввоз товаров в Бухарское ханство (включая и русские товары) до открытия Закаспийской железной дороги, т. е. до 1888 г., производился не менее как на 40.000 верблюдах, вывоз — на 50.000, и, по словам сведущих

лиц, средняя цифра ввоза определилась в 32.000.000 и вывоза в 45.000.000 рублей¹⁴⁰.

По мере увеличения ввоза русских товаров приток иностранных стал уменьшаться. Д. Н. Логофет отмечает, что после принятия некоторых мер с целью препятствовать ввозу товаров из-за границы, главным образом через Афганистан и Индию, русские товары широким потоком полились на туземные базары, и в короткое время их ввоз в Бухарское ханство достиг до 20 миллионов рублей ежегодно¹⁴¹. Ввоз русских товаров резко увеличился после включения Бухарского ханства в Российскую таможенную черту в 1893 г.¹⁴². Здесь уместно отметить, что, по более обстоятельным подсчетам, в 1865 г. вывоз из Бухары оценивался в 3.306 тыс. золотых рублей, ввоз — в 1913 тыс., в период 1900—1904 гг. в среднем в год вывоз оценивался в 23.700 тыс. золотых рублей, а ввоз — в 23.200 тыс.¹⁴³ Желание царских властей использовать Бухарское ханство, как и всю Среднюю Азию, в качестве сырьевой базы сбыта, привело к бурному развитию торговых отношений и в Восточной Бухаре.

Имеющие многочисленные факты в работах русских дореволюционных исследователей свидетельствуют о том, что за сравнительно короткий срок русские промышленные товары с успехом распространялись во всех уголках Восточной Бухары. Для более ясного представления о быстром увеличении их ввоза в города Восточной Бухары достаточно привести следующие факты. Если в 1885 году, посетив Восточную Бухару, Г. Е. Грум-Гржимайло писал, что на ее базарах почти вовсе отсутствовали русские изделия, и только в Каратаге он видел лавку с русскими железными изделиями и мануфактурой¹⁴⁴, то спустя лишь несколько лет, в 1889 году Стеткевич в Каратаге заметил достаточное количество ситца, сахара, металла, посуды и других русских товаров¹⁴⁵. Тот же Каратаг в 1896 г. посетил В. И. Липский. По его словам, в нем «много лавок, где можно купить многое, и прежде всего московскую мануфактуру»¹⁴⁶. Каратегинский базар не был исключением. Русские промышленные товары продавались в большом количестве почти во всех городах Восточной Бухары. Например, описывая состояние торговли в г. Кулябе, М. А. Варыгин отмечает, что в караван-сараях продают исключительно мануфактуру российского производства¹⁴⁷. Даже в самом отдаленном городе Восточной Бухары — Калай-Хумбе можно было всегда увидеть русские товары¹⁴⁸, хотя они проникали туда с трудом, в силу неразвитости путей сообщения и притом проходили чуть ли не через десять рук¹⁴⁹.

Следует отметить, что причина увеличения спроса на русские товары была прежде всего в их дешевизне по сравнению с местными товарами ручного производства. Это и привело к тому, что, не выдерживая конкуренция, снизился выпуск товаров местного ремесленного производства. Даже такие известные материи, как гис-

сарские полушелковые и бумажные алачи, долго не могли выдерживать конкуренции. По этому поводу в 1885 году Грум-Гржимайло писал, что гиссарские алачи в последнее время не находят уже сбыта по ту сторону хребта, в степных бекствах, вытеснены оттуда русскими бумажными тканями¹⁵⁰. Почти полностью прекратился вывоз хлопчатобумажных тканей из Бухары в Афганистан. Об этом свидетельствует выписка из секретного донесения начальника Туркестанского таможенного округа от 25 августа 1900 г. за № 177 управляющему канцелярией Туркестанского генерал-губернатора, где, в частности, пишется, что «хлопчатобумажные ткани туземного (бухарского или туркестанского) производства в Афганистан не вывозятся и идут туда хлопчатобумажные ткани исключительно российского фабричного производства»¹⁵¹. Но это не говорит о том, что совершенно стало невыгодным выпускать товары местного производства. Некоторые изделия местных мастеров с успехом продавались на базарах Западной Бухары и Туркестана. «Дарвазское железо в изделиях, каратегинское золото, фисташки и гиссарские полушелковые изделия, в особенности же гиссарская алача, находят выгодным вывозить оттуда (т. е. из Восточной Бухары,—Х. П.) в настоящее время бухарские купцы»¹⁵².

Торговые отношения Восточной Бухары с их столицей (с Бухарой) и европейскими рынками, по словам И. И. Гейера, поддерживались караванной дорогой Гузар-Байсун-Куляб¹⁵³. Б. И. Искандаров указывает, что в среднем между Карши-Гузаром и Восточной Бухарой — Душанбе ходили 7 тыс. верблюдов, принадлежавшим частным предпринимателям¹⁵⁴.

Экономические и торговые связи Восточной Бухары с западной частью ханства и Россией особенно усилились после организации в Сарай-Камаре в начале XX в. (1905 г.) компании под названием «Восточное общество». Здесь в 1906 г. проживали 22 русских и 35 бухарских купцов, которые занимались закупкой сельскохозяйственных товаров во всех районах Восточной Бухары и их отправкой в Россию¹⁵⁵.

Говоря о торговле Восточной Бухары с западной частью ханства и Туркестаном, следует отметить важное значение Термеза. Роль его как крупного пункта в торговле выросла с учреждением Аму-Дарьинской флотилии. Последняя имела большое значение в торговых связях между Восточной Бухарой, западной частью эмирата и территорией Туркестана. По реке перевозились, главным образом, зерновые, хлопковые товары. Импорт было занято около 600 каюков, емкостью каждый от 800 до 1500 пудов¹⁵⁶. «Когда же на русские товары,—писал Д. Н. Логофет,—возник спрос как в самой Бухаре, так и в Афганистане, Аму-Дарьинская торговля стала быстро развиваться. Разведав местные условия и постепенно завоевывая рынки, наши торговые фирмы открыли и

Керках и Термезе конторы, склады и магазины, а Термез и Керки превратились в своего рода торговые фактории, т. е. центры распространения русских товаров в соседних областях»¹⁵⁷. По словам Р. Ю. Рожевица, «вся торговля и все лавки, за немногими исключениями, сосредоточены в Патта-Гиссаре, где имеется базар и целый ряд лавок»¹⁵⁸.

В обозрении о деятельности административно-политического управления в Термезе и Патта-Гиссаре (за 1915—1916 гг.), пишется, что в последнем сосредоточена вся торговая часть, таможня с ее складами, заводы, склады хлопка¹⁵⁹. В рапорте начальника Термезо-Патта-Гиссарского воинского управления говорится о том, что базар в селении Патта-Гиссар с каждым годом увеличивается притоком туземцев из окрестных кишлаков и ближайших русских городов¹⁶⁰.

Касаясь вопросов развития торговых отношений Восточной Бухары с Туркестаном и всей Россией, А. Р. Маджлисов отмечает, что ежегодно из Каратегина, Дарваза, Куляба, Курган-Тюбе, Гиссара через Анзобский, Багбашский, Кара-кизикский, Тамдикульский и другие перевалы перегоняли тысячи баранов, коз, коров, лошадей в Ташкент и Фергану. Туда же возили хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, которые продавались по более высоким ценам, чем они были на местах¹⁶¹. Если из бекств Восточной Бухары вышеуказанные товары не поступали в Туркестан, то в дело вмешивался представитель Российского политагентства в Бухаре¹⁶² и сам генерал-губернатор¹⁶³. Это свидетельствует о значении Восточной Бухары в торговой жизни Туркестана.

Уместно отметить, что торговля не прекратилась и после установления Советской власти в Туркестане. Об этом, в частности, свидетельствуют письма полномочного представителя МИД при Бухарском правительстве от 5 и 20 сентября 1918 г. бухарскому кушбегу о выдаче представителям продовольственных комитетов обещанного эмиром удостоверения «на право покупки хлеба и скота в Ширабадском, Байсунском, Денауском, Гиссарском, Кулябском, Кабадианском и Бальджуанском бекствах Бухарского ханства»¹⁶⁴.

Таким образом, являясь главными центрами торговли, города играли важную роль в экономической жизни Восточной Бухары и всего ханства в целом. Заметные сдвиги в развитии торговли в городах начали происходить в конце 70-х годов XIX в., после утверждения протектората России над Бухарой и ликвидации экономической и политической раздробленности края. Втягивание Средней Азии в общую сферу капиталистического производства способствовало проникновению капиталистических отношений и в Бухарское ханство. Использование Восточной Бухары в качестве сырьевой базы и рынка сбыта способствовало развитию товарно-денежных отношений и ослаблению натурального хозяйства.

КУЛЬТУРА

Имеющиеся в работах русских дореволюционных исследователей сведения свидетельствуют о том, что отсталая феодальная система управления препятствовала развитию городской культуры. На территории Восточной Бухары крупные города, в которых сохранялось бы культурное наследие различных эпох, почти отсутствовали.

Говоря о материальной культуре, следует отметить планировку городов Восточной Бухары. При их строительстве в основном придерживались традиционной для всей Средней Азии планировки, согласно которой почти все города состояли из крепости (цитадель), шахристана (самый город) и рабада (предместья). Считаясь центром города, цитадель находилась на возвышенной местности (чаще искусственной). Она была обнесена довольно высокой глиняной стеной. Вокруг неё располагался шахристан, также обнесенный стенами, имевшими несколько ворот. Вне городских стен располагался рабад, занимающий обычно большое пространство.

Некоторые отклонения от упомянутой планировки наблюдаются в городах Гарм и Калай-Хумб, где наличие подходящего рельефа местности делало ненужными дополнительные фортификационные сооружения. Кроме цитадели, города не были обнесены стенами.

Все города разделялись на кварталы. Улицы, в городах были неровными и узкими¹⁶⁶. Кроме горных районов, где дома были сложены из нетесанных камней, в остальных почти все жилые помещения строились из глины. В большинстве они были одноэтажные, выходили на улицу задней стороной и разделялись на две половины — мужскую и женскую. У богатых людей стены внутри домов были оштукатурены и украшались живописью¹⁶⁷.

Лавки, чайные, цирюльни располагались по обеим сторонам большой улицы. Она начиналась от главных ворот и заканчивалась в середине города, у торговой площади, которая называлась чарсу. Через город проходил основной канал, обсаженный деревьями. Этот канал разделялся на второстепенные канавы, которые, в свою очередь, разветвлялись, проходя во дворы домовладельцев, где насыщали сады и огороды¹⁶⁸.

Жилые и другие помещения в городах и поселениях горных районов, по сведениям Н. Н. Покотило, были сложены из камня, иногда бывали даже двухэтажными. Окна заклеивались большей частью пузырем, часто имели деревянные ставни, иногда раскрашенные в голубой и красный цвет. Возле некоторых домов имелись небольшие дворики (вроде полисадинов), огороженные тутовым плетнем, перед домом нередко был посеян красный мак¹⁶⁹. «Дома, — пишет А. Э. Регель, — складываются из камня, который

связывают глиной; в долине Пянджа дома неоднократно имеют над плоскою двускатною крышей, крытою хворостом или соломой, четырехугольную башню или веранду, во втором этаже выбеленную известью. Комнатные стены и полы как бы полированы, что достигается смазыванием смесью, состоящею из мелких камней и глины; верхняя часть выбеливается. Кругом стен проведены сделанные из того же материала скамьи для отдыха...»¹⁷⁰.

В каждом городе, кроме цитадели, наиболее привлекательными по архитектуре были здания главных мечетей, которые строились почти по одному плану, представляя из себя большое четырехугольное здание с высокой башней для призыва на молитву. По словам Д. Н. Логофета, главные городские мечети строились с куполом и были обыкновенно древней постройкой, кирпичные со старинными лепными украшениями из алебастра и резными ореховыми дверьми¹⁷¹.

Достопримечательностью некоторых городов являлись здания медресе. По сведениям известного этнографа, ординарного академика В. Радлова (1839—1918), они находились большей частью близ базаров. Все они были построены из жженных кирпичей в виде четырехугольника и внутри своих строений имели двор. Лицевая к улице сторона была построена очень аккуратно и красиво. В середине находились ворота со сводами¹⁷². Обилие зеленых насаждений, коими были богаты города Восточной Бухары, делало их довольно привлекательными в летнее время.

Представители центральных и местных властей, видя в своей должности лишь возможность личного обогащения, мало уделяли внимания благоустройству городов. В первой главе уже было отмечено состояние цитадели и городской стены в Денау и других городах в конце XIX — начале XX вв. Представители власти не только не строили новых зданий, но и мало уделяли внимания сохранению старых сооружений. Городские стены находились в полуразрушенном состоянии. Отсутствие элементарной санитарии, медицинской помощи способствовало распространению различных болезней, таких как малярия, желудочно-кишечные, венерические, глазные, туберкулез и т. п.¹⁷³.

Кроме мактабов (начальных школ), которые имелись во всех городах, в Гиссаре, Денау, Кулябе, Бальджуане, Душанбе и Файзабаде имелись медресе¹⁷⁴. О роли учебных заведений в развитии грамотности населения Д. Н. Логофет пишет: «В общей своей массе учебные заведения Бухарского ханства играют сравнительно незначительную роль в деле развития населения, которое остается до сих пор донельзя темным и почти поголовно безграмотным, и лишь небольшая часть лиц в несколько десятков тысяч становится сравнительно на высшей степени культурного развития»¹⁷⁵.

«В каждой национальной культуре,— писал В. И. Ленин,— есть бы не развитые элементы демократической и социалистиче-

ской культуры, ибо в каждой нации есть трудящиеся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»¹⁷⁶. Это высказывание В. И. Ленина целиком относится и в Восточной Бухаре. Несмотря на тяжелые жизненные условия, в народе рождались таланты, продолжались культурные традиции, сложившиеся веками. Особенно следует отметить значение устного народного творчества в обогащении духовной культуры трудового народа. Народные песни, выражая чаяния и настроения трудящихся и их положение, нередко звучали как призыв к борьбе против угнетателей. Ярким примером тому являются «Песни о восстании Восе», в которых предводитель восстания изображается реалистично — как борец за правду, смелый и беспощадный к угнетателям и врагам. Строки песни проникнуты верой народа в своего героя и в победу.

Восеъ ғазост имрӯз,
Чон мубталост имруз.
Ғазои рузи махшар
Дар ғакирост имрӯз...¹⁷⁷

В переводе:

Восе, священная война сегодня.
Жизнь в опасности сегодня,
Грозный день воскрешения из мертвых
Для бедняков наступил сегодня.

Хотя многие русские путешественники не знали местных языков или же тонкостей их диалектов, тем не менее некоторые из них хорошо воспринимали народные песни и музыку. По их словам мелодии песен напоминали собой европейские народные¹⁷⁸.

Несмотря на отсутствие театра в современном его понимании, элементы его органически входили во многие виды народных развлечений. Народные певцы, музыканты, сказочники, танцоры-любители и профессионалы, фокусники, жонглеры, канатоходцы и др. имелись во всех городах и пользовались широкой популярностью среди населения¹⁷⁹, особенно комедианты — «масхарабозы», которые разыгрывали комические пьесы и сатирические сценны. Выдающийся таджикский писатель и ученый С. Айни отмечал, что народные комедианты нередко в своих выступлениях разоблачали алчность местных феодалов и представителей духовенства¹⁸⁰.

Значительную роль в литературной жизни конца XIX — начала XX вв. играли и местные поэты. Хотя в работах русских дореволюционных авторов отсутствуют сведения о них, тем не менее результаты современных исследований показали, что в городах и селениях Восточной Бухары имелись талантливые поэты, завоевавшие широкую популярность среди населения. К ним относятся

Карим Девона¹⁸¹, Имаминини Хисори (известный под псевдонимом Банда), Домулло Ходжимурод (Рози), Мухаммад-шариф (Тамкин), Азимкули Хисори (Холи) из Гиссара¹⁸², Кулфати Давлат Шарифов из Кулябского бекства¹⁸³ и Бахрини Дарвози из Калай-Хумба¹⁸⁴. Кроме того, по словам известного таджикского поэта и публициста А. П. Дехоти, до революции в горных районах жили и творили десятки талантливых поэтов и литераторов, которые из-за неповиновения местным феодалам владели нищенское существование. Они постоянно подвергались преследованиям и порой исчезали бесследно¹⁸⁵.

Таким образом, имеющиеся факты свидетельствуют о том, что, несмотря на всяческие препятствия со стороны эксплуататорского класса и мусульманского духовенства, прогрессивные тенденции в культурной жизни народов края продолжали развиваться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы, содержащиеся в трудах русских дореволюционных исследователей, являются крайне важными источниками в изучении истории городов Восточной Бухары и их жизни. Первыми проложив путь к научному изучению городов, они проделали огромную работу в этом направлении. Составленные ими маршруты и карты впервые по-научному определили географическое расположение городов края, о которых до 70-х годов XIX столетия точного представления не имели не только в Европе, но и в самой Бухаре.

Основываясь на устных сообщениях местных знатоков истории, собственных наблюдениях и других источниках, русские ученые оставили ценнейшие материалы по истории городов, которые свидетельствуют о том, что они (города), являясь политическими и административными центрами, играли немаловажную роль в истории самостоятельных государств, находившихся на территории Восточной Бухары в период феодальной раздробленности.

Географическая отдаленность не могла не повлиять на жизнь городов края. Но это не единственная причина их отставания. Главная состоит в феодальном способе производства, в феодальном устройстве. Беспрерывная вражда между самостоятельными владениями в годы феодальной раздробленности, постоянные нападения или угроза нападения со стороны более мощных государств Средней Азии (главным образом Бухарского и Кокандского ханств) способствовали замкнутости этих городов в той области, центрами которой они являлись. Но все это не значит, что города Восточной Бухары были совершенно независимыми от всяких политических и экономических перемен, происходивших в равнинных районах Средней Азии. Факты, приведенные в данной работе (1 гл.) убедительно свидетельствуют о том, что города были постоянно втянуты в водоворот крупных событий.

После окончательной ликвидации самостоятельности феодальных владений и присоединения их к Бухарскому ханству города превратились в административные центры отдельных бекств.

Социальная структура и администрация не потерпели серьезных изменений и после присоединения, вплоть до падения эмирата. Господствовавшие феодальные отношения определяли социальную структуру бекств и городов Восточной Бухары, которая в основном была приспособлена для угнетения и ограбления трудящихся. Из-за отсутствия какой-либо самостоятельности и привелегий почти не выделяются особые социальные черты городов Восточной Бухары. Они во всех отношениях являлись неотделимой частью всего бекства. В них проживали представители всех социальных слоев и классов, характерных для феодализма.

Административная власть полностью была в руках крупных

феодалов и представителей духовенства. Сведения русских авторов свидетельствуют о деспотической форме управления.

Беки, назначенные эмиром из числа своих приближенных и крупных феодалов, являлись полновластными хозяевами бекств, включая и города. Занимаясь только поборами с городского и сельского населения, беки не уделяли ни малейшего внимания благоустройству городов. Огромное число чиновников, имеющих при них и не получавших от государства никакого жалования, целиком жили за счёт ограбления населения. Все это не могло не вызывать возмущения народных масс.

Скудное освещение вопросов классовой борьбы в работах русских дореволюционных авторов не мешает отметить факты, свидетельствующие о ее обострении в Восточной Бухаре, особенно после усиления революционного движения в России.

Согласно сведениям русских авторов, города играли важную роль в экономической жизни края. Являясь центрами ремесленного производства, они снабжали население наиболее необходимыми товарами. Несмотря на примитивный способ изготовления, отдельные выпускаемые ремесленниками изделия славились далеко за пределами Восточной Бухары. Города являлись также центрами и отправными пунктами как внутренней, так и внешней торговли.

В работах русских дореволюционных исследователей содержатся убедительные факты, свидетельствующие о том, что в конце XIX — начале XX вв. резко увеличился темп развития торговых отношений в городах Восточной Бухары. Этому способствовало желание царизма использовать Бухарское ханство в качестве сырьевой базы и рынка сбыта.

Увеличение ввоза русских товаров на территорию Бухарского ханства хотя и было ударом по местному кустарному производству, тем не менее играло важную роль в развитии товарно-денежных отношений и ослаблении господствующего положения натурального хозяйства.

Вовлечение Средней Азии в общую сферу капиталистического производства способствовало проникновению капиталистических отношений и в города Восточной Бухары.

Немаловажную роль играли последние и в культурной жизни края. Являясь местом сравнительно большого скопления населения, они были центрами всяких прогрессивных явлений культурной жизни.

Путь для всестороннего развития городов этого края, как и всей Средней Азии, открылся лишь благодаря победе социалистической революции. Большинство тех отсталых городов, которые, на первый взгляд, даже трудно было называть городами, за годы Советской власти превратились в современные крупные промышленные и культурные центры.

Таким образом, являясь незаменимыми источниками для изучения прошлой истории городов Восточной Бухары, сведения русских дореволюционных исследователей позволяют увидеть насколько феодальные отношения препятствовали развитию городов, способствовали их отсталости и одновременно ощутить те великие преобразования, которые произошли за сравнительно короткий срок после Октябрьской социалистической революции в жизни городов Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

- ¹ Сведения о Средней Азии в русской печати начали появляться еще задолго до присоединения ее к России. Об этом см., напр., Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. 1 (1715—1856); Ч. 2 (1856—1869), Ташкент, 1955, 1956; Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965.— С. 69—96; Халфин Н. А. Политика России и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.), М., 1974; Бокиев О. Освещение истории Таджикистана в трудах русских дореволюционных и советских востоковедов //Из истории культурного строительства в Таджикистане (сб. кафедры истории СССР ТГУ им. В. И. Ленина).— Вып. 2.— Душанбе, 1970.— С. 136—139 и др.
- ² Цитата по кн.: Акрамова Х. Ф. и Акрамов Н. М. Востоковед Михаил Степанович Андреев.— Душанбе, 1973.— 10 с. Бартольд В. В. и другие представители старшего поколения советских востоковедов, в частности академик И. Ю. Крачковский, немало сделали для выявления роли русской науки в изучении истории и культуры народов Средней Азии (см. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и в России.— 2-е изд.— Л., 1925; Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики.— М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950).
- ³ Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане.— Ташкент, 1958; его же. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. (Конец XIX—начало XX вв.).— Ташкент, 1962; его же. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении.— Ташкент, 1965 и др.
- ⁴ Акрамов Н. М. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Научно-биографический очерк.— Душанбе, 1963; Литвинский Б. А. и Акрамов Н. М. Александр Александрович Семенов.— М., 1971; Акрамова Х. Ф. и Акрамов Н. М. Востоковед Михаил Степанович Андреев.— Душанбе, 1973; Акрамов Н. М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б. Л. Громбчевского.— Душанбе, 1974; Литвинский Б. А., Акрамов Н. М. Академик Семенов.— Душанбе, 1974; Акрамов Н. М. Академик В. В. Бартольд.— Душанбе, 1976.
- ⁵ Искандаров Б. И. Из прошлого Таджикистана.— Душанбе, 1974; его же. Вклад русских ученых в изучение дореволюционного Таджикистана //Изв. отд. общ. наук (ИООН) АН Тадж. ССР.— 1974.— № 3 (77).
- ⁶ Хайтун Д. Е. и Шибаета Ю. А. Вклад русских ученых в изучение археологии, этнографии и истории Памира (кр. очерк), //Учен. зап. Тадж. гос. ун-та: Тр. ист. филол. отд.— Т. 7.— 1955.— С. 47—66.
- ⁷ Бокиев О. Вопрос о формах землевладения на территории Таджикистана в освещении русских востоковедов (1866—1917 гг.) //Изв. отд. обществ. наук АН Тадж. ССР.— 1967.— № 4 (50).— С. 78—85; его же. Торговля на территории Таджикистана в освещении русской дореволюционной периодической печати //Сб. работ аспирантов ТГУ.— Вып. 6.— 1968.— С. 116—132; его же. Социально-экономический строй Таджикистана второй половины XIX века в русской дореволюционной исторической литературе: Автореф. канд. дисс.— Л., 1969; его же. Освещение истории Таджикистана в трудах русских дореволюционных востоковедов //Из истории культурного строительства в Таджикистане (Сб. статей кафедры истории СССР ТГУ им. В. И. Ленина).— Вып. 2, 1970.— С. 136—161.
- ⁸ Шукуров М. Р. Дореволюционные русские исследователи страны таджиков //Из истории культурного строительства в Таджикистане. (Сб. статей кафедры истории СССР ТГУ им. В. И. Ленина).— Вып. 4, 1973.— С. 3—24.

⁹ Бокиев О. Б. Социально-экономическое положение Таджикистана в дореволюционной русской историографии — Душанбе, 1976.

¹⁰ Акрамов Н. М. Русские исследователи и их вклад в изучение истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья: Дисс. док. ист. наук. — М.: Ин-с Востоковедения АН СССР, 1975; его же. Автореф. указ. дисс. указ. — Душанбе, — Москва, 1975.

¹¹ Лукин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. — 10 с.

¹² Изучая города Восточной Бухары, приходится сталкиваться с вопросом, соответствуют ли они понятиям города в полном смысле этого слова. Особенно в наше время, когда понятия о городе стали совершенно другими. («Город», — записано в «Большой советской энциклопедии», — крупный населенный пункт, жители которого заняты, главным образом, в промышленности и торговле, а также в сферах обслуживания, управления, науки, культуры». Подробнее см.: БСЭ — 3-е изд. — Т. 7. — С. 111—117.

Следует отметить, что точное научное определение города является крайне трудным и его возможно дать лишь с позиций исторического материализма. Появление городов повсеместно, в том числе и на Востоке, свидетельствует о развитии классового общества, выделении ремесла, как особой отрасли общественного производства (см.: С. А. Литвинский. Древний среднеазиатский город // Древний Восток. Города и торговля. — Ереван, 1973. — С. 99—100; Сайко Х. В. // Экономические основы формирования города, по археологическим данным // Древний город Средней Азии. (Кр. тез. докл.). — Л., 1973. — С. 15—17; Турсунов Н. О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX вв. — Душанбе, 1976. — С. 4—7).

Общезвестен факт, что в процессе исторического развития меняется содержание экономической и неэкономической жизни города. Это приводит к изменению взглядов на его определение «Понятие «город» в разное время, в разных обществах имело отличное содержание». (Беленицкий А. М. и др. Средневековый город Средней Азии. — Л., 1973. — 163 с.; см. также Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город. — С. 99—100; Массон В. М. Страна тысячи городов. — М., 1966. — 6 с. Например, первоначальное понятие города на Руси происходит не от поселений, а от окружающей его стены (ограды). Но со временем это понятие меняется и в XVIII веке уже не все населенные пункты, имевшие ограду «городского» типа, считались городами, а обычно те из них, которые служили центром определенного более или менее обширного района. В XVIII в. утвердился официальный взгляд на город как на административный центр по преимуществу. (Воробьев В. В. Города южной части восточной Сибири. Историко-географический очерк: Канд. дисс., — МГУ, 1958. — С. 20—22).

В средние века представление о городе как об административном центре господствовало на Востоке. Даже принцип выделения города по наличию соборной мечети (см. Мец А. Мусульманский ренессанс, — М., 1973. — С. 328—329) исходит из восприятия его в первую очередь как административного центра (Беленицкий А. М. и др. Средневековый город Средней Азии. — С. 164—165).

Если учесть, что феодальные отношения в Восточной Бухаре в конце XIX — нач. XX вв. почти не претерпели изменений, то представление о городе сохранялось прежде всего как об административном центре. С экономической точки зрения изучаемые города являлись центрами торговли и ремесел, хотя как и во всяком другом дореволюционном городе Средней Азии, их жители занимались и сельским хозяйством.

Все это говорит о том, что города Восточной Бухары, несмотря на некоторое отличие по масштабу и количеству населения от более крупных городов западной части ханства, вполне соответствовали понятиям города того времени. Об этом свидетельствует и тот факт, что русские дореволюционные исследователи их называют городами.

Говоря об отличительных признаках города и деревни, многие авторы при-

держивались следующего мнения: «Все различие между среднеазиатским городом и деревней заключается в том, что город по мусульманскому закону должен быть обнесен одной общей стеной, иметь цитадель (арк) и заключать в себе не менее трех мечетей, из которых одна должна быть такой величины, чтобы могла помещать все народонаселение города. Она-то и служит для совершения намаза джумы (великого омовения) по пятницам». (Туркестанский край (издание Общества распространения полезных книг). Книжка для школ — № 59. — М., 1872. — 34 с.

Из сведений русских авторов можно сделать вывод, что почти все города были похожи друг на друга, отличались только масштабами строений и местностью, на которой они располагались.

¹³ См.: Соколов Н. П. О характере естественно-исторических исследований Средней Азии до Октябрьской революции. — Ч. 1. — М. — Ташкент, 1933. — 13 с.; Андреев Д. Л. и Матвеев С. Н. Замечательные исследователи горной Средней Азии. — М., 1946. — С. 5—6; Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857—1863). — М., 1960. — 66 с. — его же. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). — М., 1965. 18 с.; Акрамов Н. М. Русские исследователи и их вклад в изучение истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья: (автореф.). — С. 4—6.

¹⁴ Гафуров Б. Г. 50 лет советского востоковедения // Вопросы истории. — 1968. — № 1. — 57 с.

¹⁵ Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. — М., 1960. — 177 с.; См. также Лавров В. Жилищная архитектура среднеазиатского города // Архитектура СССР. — 1934. — № 8. — 140 с.

¹⁶ Еще в начале 50-х годов известным советским ученым А. Ю. Якубовским были определены главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. См. Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии // Тр. Тадж. филиала. АН СССР. — Т. 29. — 1951. — С. 3—17.

¹⁷ Из городов Бухарского ханства всестороннему изучению подвергалась лишь г. Бухара — столица ханства. В этом наибольшая заслуга принадлежит О. А. Сухаревой, посвятившей этому вопросу ряд важных исследований. См. Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. (Историко-этнографические очерки). — Ташкент, 1958; ее же. Позднефеодальный город Бухара. — Ташкент, 1962; ее же. Бухара XIX — начало XX вв. (Позднефеодальный город и его население). — М., 1966.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 39. — 67 с.

¹⁹ Кроме статей А. П. Колпакова Из недавнего прошлого Кабадиана (Материалы и исследования по археологии СССР. — 1953. — № 37. — с. 302, 306); Некоторые сведения о кварталах дореволюционного г. Куляба // Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР. — 1954. — Вып. 5. — С. 73—82; и из прошлого Куляба // Кулябская правда — 1947 г. 9 мая, в которых автор ограничивается в основном топографическим описанием Кабадиана и Куляба и дает некоторые сведения о жизни кварталов этих городов. В этом плане большой интерес представляют работы: Ершов Н. Н. Каратаг и его ремесла (историко-этнографический очерк) Душанбе; Дониш, 1984, Юсупов Ш. К истории дореволюционного Душанбе. Душанбе: Дониш, 1988.

²⁰ Напр.: Массон М. А. Термезская археологическая экспедиция 1936—1937 гг. // Социалистическая наука и техника. — Ташкент, 1937. — № 7. — с. 78—89; его же. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937—1938 гг. // Термезская археологическая комплексная экспедиция. — Т. 2. — 1945; Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хуттала с древнейших времен до Х в. н. э. // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 15. — М., Л., 1950. — С. 109—127; его же. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г., там же. — С. 140—146 и др.; Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда // Материалы и исследования по археологии СССР

(МИА).— № 15.— 1950.— С. 147—186; его же. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кабадан) 1950—1951 гг. //МИА.— № 37.— 1953.— С. 253—293; Литвинский Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (кр. отчет) //Гр. АН Тадж. ССР.— Т. 26.— Сталинабад, 1954; См. также. Сб. статей под ред. Литвинского Б. А.: Археологические работы в Таджикистане.— Душанбе, 1961; Археологические работы в Таджикистане.— Душанбе, 1962; Материальная культура Таджикистана.— Вып. 1.— Душанбе, 1968.

²¹ Ленин В. И. К характеристике исторического романтизма //Полн. собр. соч.— С. 2.— 178 с.

²² Туркестанские ведомости.— 1875.— № 16; см. также. №№ 21, 25, 28.

²³ Впоследствии он участвовал в ряде экспедиций (в. 1877, 1878, 1879 гг.), дававших ему возможность собрать множество материала исторического, этнографического, географического и статистического характера. См.: Архив Географического Общества (далее Архив ГО), р. 89, оп. 1, д. 8, л. 6).

²⁴ Наиболее важный из них: Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства //Изв. РГО.— т. 12.— Вып. 5.— 1876.— С. 349—360; См.: там же // Туркестанские ведомости.— 1877.— №№ 7, 8.

²⁵ Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник /Изд. Туркестанского статистического комитета (Под ред. Маева Н. А.).— Вып. 5.— Спб., 1879. В сборник вошли следующие работы Маева Н.: Очерки Бухарского ханства (С. 77—130), Очерки Гиссарского края (С. 130—280); Очерки горных бекств Бухарского ханства (С. 280—328). В послед. ссылаках: Маев Н. Очерки Бухарского ханства.

²⁶ Абрамов К. Записка о Каратегинском владении, составленная по распросам //Известия Русского Географического Общества (далее Изв. РГО).— Т. 6.— Вып. 3.— 1870.— С. 106—110.

²⁷ Арандаренко Г. А. Каратегин (по расспросным сведениям) //Военный сборник 1878.— № 5.— С. 116—136.

²⁸ Ошанин В. Ф. Каратегин и Дарваз //Изв. РГО.— Вып. 1, т. 17.— 1881.— С. 21—58.

²⁹ Подробно о деятельности научных обществ см.: Луний Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность.— Ташкент, 1962.

³⁰ Ввиду того, что в тексте неоднократно предстоит сослаться на указанных и последующих авторов работ, считаем излишним их перечислять.

³¹ Логофет Д. Н. Страна бесправия.— СПб., 1909; его же. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3-х книгах. Кн. 3. Бухарская афганская граница.— СПб., 1909; его же. В забытой стране. Путевые очерки по Средней Азии. М., 1912; его же. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1—2.— Спб., 1911; его же. В горах и на равнинах Бухары. Очерки Средней Азии.— СПб., 1913.

³² Масальский В. И. Туркестанский край — Россия. Полное географическое описание нашего отечества.— Т. 19.— СПб., 1913.

³³ Напр.: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия //Соч.— Т. 1, М., 1963; его же. История культурной жизни Туркестана //Соч. 1. 2. Ч. 1.— М., 1963, С. 169—393; его же. Таджики. Исторический очерк, там же.— С. 449—469; его же. Таджики.— Соч. // Т. 2.— Ч. 1. С. 469—473; Гиссар (Хисар) //Соч.— Т. 3.— М., 1965.— С. 400—403; его же. Каратегин, там же.— С. 445—448; его же. Термез, там же.— С. 504—509; его же. Хутталъ, там же. С. 555—558 и др.

³⁴ Письмо В. В. Бартольда Н. П. Остроумову. Цитир. по Акрамову Н. М. Социально-экономическая история народов Средней Азии VI—VII в трудах В. В. Бартольда //Уч. зап. Душанбинского госпединститута каф. истории СССР.— Т. 58.— Душанбе, 1968.— 15 с.

³⁵ См.: Бартольд В. В. К истории Мерва //Соч.— Т. 4.— С. 172—195; см. также: Литвинский Б. А. О некоторых моментах развития средневекового го-

рода Средней Азии //Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР.— Вып. 4.— 1953.— С. 55—67; Воронина В. Л. Раннесредневековый город Средней Азии (по данным археологии и письменных источников) //Советская археология.— 1959.— № 1.— С. 84—194.

³⁶ См.: Акрамов Н. М. Указ. соч.— С. 15—18.

³⁷ Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана (путевые очерки 1898 г.) //Исторический вестник.— Т. 88.— 1902.— № 3.— С. 961—992; № 4.— С. 98—122; его же. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза.— М., 1903; На рубеже Афганистана. В благодатном Хиссаре. (Путевой очерк).— М., 1900.

³⁸ К ним относятся рукописи работ, дневники, заметки, письма и другие документы А. П. и О. А. Федченко, Н. А. Маева, В. И. Липского, Д. Л. Иванова, Косякова (р. 65, 89), Г. Е. Грумм-Гржимайло (ф. 32), Б. Л. Громбчевского (ф. 45), И. В. Мушкетова (ф. 7) и многих других.

³⁹ Особенно в фондах канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (ф. 1) и Российского императорского Политагентства в Бухаре (ф. 3).

⁴⁰ Главным образом «Туркестанские ведомости», за все периоды их издания.

⁴¹ Этот составленный В. И. Межовым, затем дополненный А. А. Семеновым и другими, сборник насчитывает около 600 томов. В нем собраны все важные статьи, заметки и книги по различным сторонам жизни народов Средней Азии.

⁴² Архив ГО, р. 89, оп. 1, д. 10, л. 4.

⁴³ Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения.— 21 с, см. также: Очерки истории исторической науки в СССР.— Т. 3.— М., 1963.— 731 с.; Халфин А. А. Политика России в Средней Азии.— 6 с.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 18.— 363 с.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 36.— 263 с.

⁴⁶ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— М., 1940.— 13 с.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ (ПО ТРУДАМ РУССКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ).

Термез

¹ Учитывая, что история Термеза в значительной степени уже изучена (кроме указанных в тексте работ, см.: Денике Б. П. Термез //Новый Восток.— 1928.— № 22.— С. 208—223; его же. Экспедиция Музея Восточных культур в Средней Азии //Культура Востока. Вып. 1.— М., 1927.— С. 9—18; Вып. 2.— М., 1928.— С. 3—17; Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение //Тр. УзФАН. Сер. 1.— № 2—1936— С. 5—122; его же. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ) 1936—1937 гг. //Социалистическая наука и техника.— 1938.— № 7; его же. Надписи на штурге из архитектурного ансамбля и мавзолея Хаким-и-Термези //Тр. ТашГУ.— Вып. 172.— 1960.— С. 44—80; Кастальский Б. Н. Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин // Вестник ирригации.— Ташкент, 1930.— № 2.— С. 64—88; № 3.— С. 3—19 и № 4.— С. 3—21; Семенов А. А. Материальные памятники арийской культуры. Таджикистан /Под. ред. Корженевского.— Ташкент, 1925; его же. К вопросу происхождения Саманидов //Тр. АН Тадж. ССР.— Т. 27.— 1964.— С. 3—11; Лунин Б. К истории города Термеза //Исторический журнал.— М., 1944.— Кн. 4.— С. 100—103; Мерсжинн А. Н. Керамика XII нач. XIII вв. из Старого Термеза //Тр. ТашГУ.— Вып. 172—1960 и др.), мы ограничиваемся лишь анализом сведений о состоянии города конца XIX—нач. XX вв.

² Массон М. Е. Надписи на штурге из архитектурного ансамбля у мавзолея Хаким-и-Термизи //Тр. ТашГУ.— Вып. 172.— 1960.— 47 с.; см. его же. Городища Старого Термеза и их изучение //Тр. ТАКЭ.— Т. 2.— Ташкент, 1940. По-настоящему работа по изучению истории Термеза началась лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, когда были изданы первые государственные постановления об охране Старого Термеза. В изучение Термеза большой вклад внесли экспедиции московского Музея восточных культур 1926—1928 гг. во главе с профессором Б. П. Денике, Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Археологические работы в целях изучения Термеза продолжались и в последующие годы. Согласно имеющимся данным, в первые века новой эры, когда на развалинах греко-бактрийского царства было создано крупное государство Кушанов, Термез являлся одним из наиболее крупных центров Северной Бактрии. На высоком уровне было развито ремесленное производство. Город являлся крупным культовым центром буддизма. Об этом свидетельствуют археологические находки в северо-западной части Старого Термеза на холме Кара-тепе. См. сб. из сер. Материалы экспедиции на Кара-тепе под редакцией Ставиского Б. Я. Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе.— М., 1964; Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе.— М., 1969; Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе.— М., 1972; Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе.— М., 1975; История Узбекской ССР.— Т. 1.— Ташкент, 1967.— 260 с.; Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история.— М., 1972.— 156 с.

³ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия //Соч.— Т. 1.— М., 1963.— С. 121—126 и сл.; его же. История Туркестана //Соч.— Т. 2.— Ч. 1.— М., 1963.— С. 109—163; его же. История культурной жизни Туркестана. Там же.— С. 160—393; «Термез» из цикла статей из «Энциклопедии Ислама» //Соч.— Т. 3.— С. 504—509 и др.

⁴ Семенов А. А. Происхождение термезских сейидов и их древняя усыпальница «Султан Садат».— Ташкент, 1914; его же. По границам Бухары и Афганистана (путевые очерки 1898 года) //Исторический вестник.— Т. 88.— 1902.— № 3.— С. 961—962; № 4.— С. 98—122.

- ⁵ Минаев Н. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи.— СПб., 1879.— С. 78—80.
- ⁶ Маев Н. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края. //Материалы для статистики Туркестанского края.— Вып. 5.— СПб., 1979.— С. 233—235.
- ⁷ Пославский И. О развалинах Термеза. (Путевой очерк) //Среднеазиатский вестник.— 1896.— дек.— С. 84—100.
- ⁸ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— СПб., 1911.— С. 90—93; его же. В горах и на равнинах Бухары.— СПб., 1913.— С. 151—161.
- ⁹ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару.— М., 1975.— 91 с.
- ¹⁰ Бартольд В. В. Термез //Соч.— Т. 3.— М., 1965.— 504 с.; см. также Кастальский Б. Н. Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин //Вестник ирригации.— Ташкент, 1930.— № 2.— 72 с.
- ¹¹ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства.— 234 с.; см. так же. Масальский В. И. Туркестанский край.— С. 732—733.
- ¹² ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 678, л. 84—85.
- ¹³ Архив ГО, ф. 83, оп. 1, д. 15; см. также Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану.— Ташкент, 1901.— С. 132—133.
- ¹⁴ Подробное сообщение об уступках указанного участка земли бухарским правительством, а также другие деловые документы, касающиеся строительства Термеза и Патта-Гиссара, см. ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, до 181.
- ¹⁵ Фомченко А. П. Русские поселения в Бухарском эмирате.— Ташкент, 1958.— С. 16—17.
- ¹⁶ ЦГА Уз ССР, ф. 3, оп. 1, д. 446.
- ¹⁷ Тухтаметов Т. Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX века.— Душанбе, 1977.— 129 с.
- ¹⁸ Фомченко А. П. Русские поселения в Бухарском эмирате.— С. 16—17.
- ¹⁹ Архив ГО, ф. 83, оп. 1, д. 36, лл. 15—16.
- ²⁰ Архив ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 465, л. 17.
- ²¹ Архив ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 27, д. 1788, л. 14.

Байсун

- ²² Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края.— 241 с.; Маев Н. Очерки Гиссарского края //Туркестанские ведомости.— 1876.— № 4; см. также. Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— СПб., 1913.— 181 с.
- ²³ См., напр., Маев Н. А. Реконструкция горных путей в Бухарском ханстве //Изв. РГО.— Т. 15.— 1879.— Вып. 2—99 с.; его же. Очерки Бухарского ханства //Материалы для статистики Турк. края.— Вып. 5.— 168 с.
- ²⁴ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства.— 168 с.
- ²⁵ См. Бартольд В. В. Гиссар (Хясар). Статья из «Энциклопедии Ислама» //Соч.— Т. 3.— М., 1965.— С. 401—402.
- ²⁶ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России.— ТаджГИЗ, 1960.— 172 с.
- ²⁷ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства.— 168 с.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См. Маев Н. А. Указ. соч.— 169 с.
- ³⁰ ЦГВИА, ф. 1438, оп. 1, № 5, л. 37.
- ³¹ Маев Н. А. Указ. соч.— 168 с.
- ³² См. Липский В. И. Горная Бухара.— Ч. 2.— СПб., 1902.— 331 с.; Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— СПб., 1913.— 181 с.; Маев Н. А. Указ. соч.— 1969 с.
- ³³ См. Маев Н. А. Указ. соч.— 240 с.

Денау

- 34 Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа // Материалы для географии и статистики России. — Т. 2. — СПб., 1880. — 146 с.
- 35 Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары. — 212 с.
- 36 См. Бартольд В. В. Чаганиан // Соч. — Т. 3. — М., 1965. — С. 558—559.
- 37 Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. — 1. — М., 1963. — С. 122—123; его же. Чаганиан // Соч. — Т. 3. — М., 1965. — 558 с.
- 38 Масальский В. И. Туркестанский край. — 734 с.
- 39 См. Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. — Т. 98. — СПб., 1904. — 1082 с.
- 40 Кастальский Б. Н. Исторический обзор Сурханской и Ширабадской долин // Вестник ирригаций. — Ташкент, 1930. — № 2. — 77 с.
- 41 Дьяконов М. М. Работа Кафирниганского отряда: Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (СТАЭ). — Т. 1. — М., Л., 1950. — № 15. — 180 с.
- 42 Там же см. его же. У истоков древней культуры Таджикистана. — Сталинабад, 1956. — 37 с.
- 43 Пугаченкова Г. А. К исторической топографии Чаганиана // Научные труды ТашУ. — Вып. 200 (Археология Средней Азии). — Ташкент, 1963. — № 6. — 54 с.
- 44 Там же.
- 45 Там же. — С. 60—61.
- 46 См. Пугаченкова Г. А. Указ. соч. — 57 с.
- 47 См. Дьяконов М. М. Работа Кафирниганского отряда // Труды СТАЭ. — 181 с.
- 48 Бартольд В. В. Хисар (Хисар) // Соч. — Т. 3. — 402 с.
- 49 Костенко Л. Ф. Туркестанский край. — 146 с.
- 50 Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. — 179 с.
- 51 Там же.
- 52 Там же; см. так же: Масальский В. И. Туркестанский край. — 734 с.
- 53 Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары. — 212 с.
- 54 Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. — Т. 98. — СПб., 1904. — 1083 с.
- 55 Маев Н. А. Указ. соч. — 179 с.
- 56 Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары. — 214 с.
- 57 Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. — 179 с.
- 58 Логофет Д. Н. Указ. соч. — 214 с.
- Зак. № 832 гр 3 К
- 59 Пугаченкова Г. А. К исторической топографии Чаганиана. — 63 с.

Кабадан

- 60 См. Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда. — 150 с.; его же. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадан) (1950—1951 гг.). // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., Л., 1953. — № 37. — С. 253—254. См. также Гафуров Б. Г. Таджики. — 227 с.
- 61 Бартольд В. В. Аму-Дарья // Соч. — Т. 3. — М., 1965. — 320 с.
- 62 Подробнее об этом см. Дьяконов М. М. Древняя Бактрия. По следам древних культур. — М., 1954. — 318 с.
- 63 См. Гафуров Б. Г. Таджики. — 17 с.; его же. История таджикского народа в кратком изложении. — Т. 1. — М., 1955. — 56 с.
- 64 Если не считать статью А. П. Колпакова «Из недавнего прошлого Кабадиана» // Материалы исследования по археологии СССР. — № 37. — М., Л., 1953. — С. 302—306.

- ⁵ Минаев Н. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи.— СПб., 1879.— С. 78—80.
- ⁶ Маев Н. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края. //Материалы для статистики Туркестанского края.— Вып. 5.— СПб., 1979.— С. 233—235.
- ⁷ Пославский И. О развалинах Термеза (Путевой очерк) //Среднеазиатский вестник.— 1896.— дек.— С. 84—100.
- ⁸ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— СПб., 1911.— С. 90—93; его же. В горах и на равнинах Бухары.— СПб., 1913.— С. 151—181.
- ⁹ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару.— М., 1975.— 91 с.
- ¹⁰ Бартольд В. В. Термез //Соч.— Т. 3.— М., 1965.— 504 с.; см. также Касатальский Б. Н. Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин //Вестник ирригации.— Ташкент, 1930.— № 2.— 72 с.
- ¹¹ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства.— 234 с.; см. так же Масальский В. И. Туркестанский край.— С. 732—733.
- ¹² ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 12, д. 678, л. 84—85.
- ¹³ Архив ГО, ф. 83, оп. 1, д. 15; см. также Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану.— Ташкент, 1901.— С. 132—133.
- ¹⁴ Подробное сообщение об уступках указанного участка земли бухарским правительством, а также другие деловые документы, касающиеся строительства Термеза и Патта-Гиссара, см. ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, до 181.
- ¹⁵ Фомченко А. П. Русские поселения в Бухарском эмирате.— Ташкент, 1958.— С. 16—17.
- ¹⁶ ЦГА Уз ССР, ф. 3, оп. 1, д. 446.
- ¹⁷ Тухтаметов Т. Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX века.— Душанбе, 1977.— 129 с.
- ¹⁸ Фомченко А. П. Русские поселения в Бухарском эмирате.— С. 16—17.
- ¹⁹ Архив ГО, ф. 83, оп. 1, д. 36, лл. 15—16.
- ²⁰ Архив ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 465, л. 17.
- ²¹ Архив ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 27, д. 1788, л. 14.

Байсун

- ²² Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края.— 241 с.; Маев Н. Очерки Гиссарского края //Туркестанские ведомости.— 1876.— № 4; см. также Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— СПб., 1913.— 181 с.
- ²³ См., напр., Маев Н. А. Рекогносцировка горных путей в Бухарском ханстве //Изв. РГО.— Т. 15.— 1879.— Вып. 2.— 99 с.; его же. Очерки Бухарского ханства //Материалы для статистики Турк. края.— Вып. 5.— 168 с.
- ²⁴ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства.— 168 с.
- ²⁵ См. Бартольд В. В. Гиссар (Хисар). Статьи из «Энциклопедии Ислама» //Соч.— Т. 3.— М., 1965.— С. 401—402.
- ²⁶ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России.— ТаджГИЗ, 1960.— 172 с.
- ²⁷ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства.— 168 с.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См. Маев Н. А. Указ. соч.— 169 с.
- ³⁰ ЦГВИА, ф. 1438, оп. 1, № 5, л. 37.
- ³¹ Маев Н. А. Указ. соч.— 168 с.
- ³² См. Липский В. И. Горная Бухара.— Ч. 2.— СПб., 1902.— 331 с.; Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— СПб., 1913.— 181 с.; Маев Н. А. Указ. соч.— 1969 с.
- ³³ См. Маев Н. А. Указ. соч.— 240 с.

Денау

- ³⁴ Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического образования Туркестанского военного округа // Материалы для географии и статистики России. — Т. 2. — СПб., 1880. — 146 с.
- ³⁵ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары. — 212 с.
- ³⁶ См. Бартольд В. В. Чаганиан // Соч. — Т. 3. — М., 1965. — С. 558—559.
- ³⁷ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. — Т. 1. — М., 1963. — С. 122—123; его же. Чаганиан // Соч. — Т. 3. — М., 1965. — 558 с.
- ³⁸ Масальский В. И. Туркестанский край. — 734 с.
- ³⁹ См. Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. — Т. 98. — СПб., 1904. — 1082 с.
- ⁴⁰ Кастальский Б. Н. Исторический обзор Сурханской и Ширабадской долин // Вестник ирригаций. — Ташкент, 1930. — № 2. — 77 с.
- ⁴¹ Дьяконов М. М. Работа Кафирниганского отряда: Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (СТАЭ). — Т. 1. — М., Л., 1950. — № 15. — 180 с.
- ⁴² Там же см. его же. У истоков древней культуры Таджикистана. — Сталинабад, 1956. — 37 с.
- ⁴³ Пугаченкова Г. А. К исторической топографии Чаганиана // Научные труды ТашГУ. — Вып. 200 (Археология Средней Азии). — Ташкент, 1963. — № 6. — 54 с.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. — С. 60—61.
- ⁴⁶ См. Пугаченкова Г. А. Указ. соч. — 57 с.
- ⁴⁷ См. Дьяконов М. М. Работа Кафирниганского отряда // Труды СТАЭ. — 181 с.
- ⁴⁸ Бартольд В. В. Гиссар (Хисар) // Соч. — Т. 3. — 402 с.
- ⁴⁹ Костенко Л. Ф. Туркестанский край. — 146 с.
- ⁵⁰ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. — 179 с.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же; см. так же: Масальский В. И. Туркестанский край. — 734 с.
- ⁵³ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары. — 212 с.
- ⁵⁴ Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. — Т. 98. — СПб., 1904. — 1083 с.
- ⁵⁵ Маев Н. А. Указ. соч. — 179 с.
- ⁵⁶ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары. — 214 с.
- ⁵⁷ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. — 179 с.
- ⁵⁸ Логофет Д. Н. Указ. соч. — 214 с.
- ⁵⁹ Пугаченкова Г. А. К исторической топографии Чаганиана. — 63 с.

Кабадан

- ⁶⁰ См. Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда. — 150 с.; его же. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадан) (1950—1951 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., Л., 1953. — № 37. — С. 253—254. См. также Гафуров Б. Г. Таджики. — 227 с.
- ⁶¹ Бартольд В. В. Аму-Дарья // Соч. — Т. 3. — М., 1965. — 320 с.
- ⁶² Подробнее об этом см. Дьяконов М. М. Древняя Бактрия. По следам древних культур. — М., 1954. — 318 с.
- ⁶³ См. Гафуров Б. Г. Таджики. — 17 с.; его же. История таджикского народа в кратком изложении. — Т. 1. — М., 1955. — 56 с.
- ⁶⁴ Если не считать статью А. П. Колпакова «Из недавнего прошлого Кабадиана» // Материалы исследования по археологии СССР. — № 37. — М., Л., 1953. — С. 302—306.

- ⁶⁵ Дьяконов М. М. Работа Кафирниганского отряда //Тр. СТАЭ.— 150 с.
- ⁶⁶ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— 122 с.
- ⁶⁷ Бартольд В. В. Указ. соч.— 339 с.
- ⁶⁸ Бартольд В. В. Гиссар (Хисар). Статьи из «Энциклопедии Ислама» //Соч.— Т. 3.— М., 1965.— С. 401—402.
- ⁶⁹ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.— Ч. 1 //Тр. АН Тадж. ССР Инст. истории им. А. Дониша.— Т. 32.— 1962.— 140 с.
- ⁷⁰ Нечаев А. В. По горной Бухаре (путевые очерки).— СПб., 1914.— 53 с.
- ⁷¹ Впоследствии (в нач. XX в.) генерал-майор, начальник штаба 1 Туркестанского армейского корпуса.
- ⁷² ЦГВИА, ф. 1438, оп. 1, ед. хр. 5, л. 30.
- ⁷³ Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу в 1882 г. (Путевые заметки) //Изв. РГО.— Т. 20.— 1884.— Вып. 6.— 599 с.
- ⁷⁴ Масальский В. И. Туркестанский край.— 737 с.
- ⁷⁵ Рожевиц Р. Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906 г. //Изв. РГО.— Т. 44.— 1908.— Вып. 9.— 612 с.
- ⁷⁶ Липский В. И. Горная Бухара, 1896 г.— Ч. 1.— СПб., 1902.— 308 с.; см. также, Кабадиан. (Восточная) Бухара) //Русский Туркестан.— 1899.— № 36.
- ⁷⁷ Нечаев А. В. По горной Бухаре.— 55 с.
- ⁷⁸ Зарудный Н. А. Летняя экскурсия по бухарским владениям, 1910 г. //Изв. Туркестанского отдела РГО.— Т. 13.— 1917.— Вып. 1.— 62 с.
- ⁷⁹ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства.— 231 с.
- ⁸⁰ Архив ГО. ф. 83, оп. 2, ед. хр. 36, л. 53.
- ⁸¹ Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу.— 599 с.
- ⁸² Нечаев А. В. По горной Бухаре.— С. 60—61.
- ⁸³ Липский В. И. Горная Бухара.— Ч. 1.— СПб., 1902.— 308 с.
- ⁸⁴ Зарудный Н. А. Летняя экскурсия...— 62 с.
- ⁸⁵ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства.— 231 с.
- ⁸⁶ Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу.— 559 с.
- ⁸⁷ Маев Н. А. Указ. соч.— 231 с.; см. также Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана //Исторический вестник.— Т. 88.— 1902.— 111 с.
- ⁸⁸ Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу.— 599 с.
- ⁸⁹ Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана.— С. 302—306.
- ⁹⁰ Юсупов Ш. Очерки истории Кабадианского бекства в конце XIX— начале XX века.— Душанбе: Дониш, 1986.— С. 1—133.

Курган-Тюбе

- ⁹¹ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края //Материалы для статистики Туркестанского края.— Вып. 5.— Сб., 1879.— С. 225—226; его же. Верхнее течение Аму-Дарьи по описанию Ибн Даст //Изв. РГО.— 1879.— Т. 15.— 14 с.
- ⁹² Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу.— 66 с.
- ⁹³ Рожевиц Р. Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г.— С. 616—617.
- ⁹⁴ Лотофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— С. 276—277.
- ⁹⁵ Нечаев А. В. В горной Бухаре.— С. 68—69.
- ⁹⁶ Гаевский П. Курган-Тюбинское бекство //Изв. РГО.— Т. 55.— М., Л., 1919—1924.— Вып. 2.
- ⁹⁷ Гаевский П. Указ. соч.— 16 с.; см. также: Корженевский Н. А. Устройство поверхности Таджикистана (Краткий орагидрографический очерк) //Таджикистан.— Ташкент, 1925.— С. 20—21.
- ⁹⁸ ЦГВИА, ф. 1438, оп. 1, д. 5, л. 27.
- ⁹⁹ Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу в 1882 году.— 66 с.; см. так-

- же Масальский В. И. Туркестанский край.— 738 с.; Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— 276 с.
- ¹⁰⁰ Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. // Материалы и исследования по археологии СССР.— М., Л., 1950.— № 15.— 142 с.
- ¹⁰¹ Литвинский Б. Тайна «Чертова холма» // Наука и жизнь.— 1967.— № 4.— 367 с.
- ¹⁰² См. Гафуров Б. Г. Таджики.— 26 с.
- ¹⁰³ См. Зеймаль. Древние и средневековые каналы Вахшской долины // Страны и народы Востока.— Вып. 10.— М., 1971.— 52 с.
- ¹⁰⁴ См. Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И. Аджина Тепа. Архитектура, живопись и скульптура. Памятники древнего искусства.— М., 1974.
- ¹⁰⁵ Маев Н. А. Верхнее течение Аму-Дарьи по описанию Ибн-Даст // Изв. РГО.— Т. 15.— 1879.— Вып. 1.— 14 с.
- ¹⁰⁶ Архив ГО. р. 89, оп. 1, д. 9, л. 1.
- ¹⁰⁷ Бартольд В. В. Аму-Дарья. Статьи из «Энциклопедии ислама» // Соч.— Т. 3.— М., 1965.— 320 с.; его же Хутталъ.— Указ. соч.— 556 с. См. Гафуров Б. Г. Таджики.— 227 с.
- ¹⁰⁸ Кастальский Б. Н. Историко-географический обзор Сурханской и Широбадской долин // Вестник ирригации.— № 2.— 76 с.
- ¹⁰⁹ Гафуров Б. Г. История таджикского народа (в кратком изложении).— Т. 1.— М., 1955.— 146 с.
- ¹¹⁰ См. Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г.— С. 141—142.
- ¹¹¹ См. Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г.— С. 141—142.
- ¹¹² См. Бартольд В. В. Гиссар (Хисор) // Соч.— Т. 3.— М., 1965.— С. 401—402.
- ¹¹³ Архив ГО. р. 65, оп. 1, ед. хр. 22, л. 2.
- ¹¹⁴ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края.— 225 с.; см. также: Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России.— Сталинабад, 1950.— С. 174—175; Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX века.— Душанбе, 1964.— С. 30—31.
- ¹¹⁵ Маев Н. Е. Указ. соч.— 225 с.
- ¹¹⁶ Гасевский П. Курган-Тюбинское бекство.— С. 15—16.
- ¹¹⁷ См. Касяков П. Е. Указ. соч.— 66 с.
- ¹¹⁸ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— С. 276—277.
- ¹¹⁹ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— С. 276—277.
- ¹²⁰ Нечасов А. В. В горной Бухаре.— 68 с.; см. также Масальский В. И. Туркестанский край.— 738 с.
- ¹²¹ О наличии рва в древности высказывает мнение Беленицкий А. М. См. отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г.— 141 с.
- ¹²² Касяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу.— 66 с.
- ¹²³ Нечасов А. В. В горной Бухаре.— С. 68—69.
- ¹²⁴ Рожевниц Р. Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906.— 617 с.
- ¹²⁵ См. Нечасов А. В. В горной Бухаре.— С. 68—69.
- ¹²⁶ Рожевниц Р. Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару. 616 с.

Гиссар

- ¹²⁷ Само слово «Гиссар» происходит от несколько искаженной формы слова «Хисор» (ограда или укрепление). Причем такое написание введено в науку русскими дореволюционными авторами, и оно, несмотря на некоторые попытки вернуться к первоначальному варианту (см. Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX — начала XX вв. // Тр. АН Тадж. ССР.— Т. 114.—

- Сталинабад, 1959.— 10 с.), прочно утвердилось в советской научной и популярной литературе.
- ¹²⁸ См., например: Карта Кокандского ханства и верховьев Аму-Дарьи: Состав Федченко А. П. в 1872 г. Федченко А. П. Путешествие в Туркестан.— М., 1950.— С. 24—25.
- ¹²⁹ Соболев Л. Н. Заметки о гиссарских владениях и о среднем течении Сурх-аб-Дарьи //Изв. РГО.— Т. 9.— 1873.— 309 с.
- ¹³⁰ Соболев Л. Н. Указ. соч.— 311 с.
- ¹³¹ Соболев Л. Н. Указ. соч.— 311 с. В действительности рядом с городом Самаркандом местность называлась Хисари боло. Впоследствии здесь археологи нашли остатки бывшего города Афрасияб и, видимо, автор, услышав это, приурочил его к г. Гиссару. См.: Вяткин В. Афрасияб — городище бывшего Самарканда (археологический очерк).— Ташкент, 1927.— 3 с.
- ¹³² Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства.— С. 193—194.
- ¹³³ См. Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи.— СПб., 1879.— 36 с.
- ¹³⁴ Архив АН СССР (Ленингр. отд.), ф. 303, оп. 1, ед. хр. 49, л. 21; см. также: Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа //Материалы для географии и статистики России.— Т. 2.— СПб., 1880.— 148 с.; Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— 235 с.
- ¹³⁵ Бартольд В. В. Гиссар (Хисар) //Соч.— Т. 3.— М., 1965.— 401 с.; более подробно о местоположении Гиссара см.: Дьяконов М. М. Работа Кафирниганского отряда.— С. 151—153.
- ¹³⁶ Маев Н. А. Очерки Бухарского края.— 194 с.
- ¹³⁷ Капитан Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства, 1889 г. //Сб. мат. по Азии.— Вып. 57.— СПб., 1894.— 313 с. См. также: Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX вв. //Тр. АН Тадж. ССР.— Т. 114. (Инс. ист. арх. и этнографии).— Сталинабад, 1959.— 10 с.
- ¹³⁸ См. напр.: Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— С. 238—239.
- ¹³⁹ См., напр.: Давидович Е., Мухтаров А. Страницы истории Гиссара.— Душанбе, 1969.— 20 с.
- ¹⁴⁰ Хамраев М. Указ. работа.— 10 с.
- ¹⁴¹ Бартольд В. В. Гиссар (Хисар).— 401 с.
- ¹⁴² Там же.— 401 с.
- ¹⁴³ Бартольд В. В. Гиссар.— 408 с.; см. также Дьяконов М. М. Работа Кафирниганского отряда.— 151 с.
- ¹⁴⁴ Хотя В. В. Бартольд называет юз туркменскими племенами, но в действительности это узбекское племя. См. Бартольд В. В. Указ. соч.— 402 с.
- ¹⁴⁵ См. Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства.— 24 с.
- ¹⁴⁶ Бартольд В. В. Гиссар.— 402 с.; см. так же: Дьяконов М. М. Указ. соч.— 151 с.
- ¹⁴⁷ Архив ГО, р. 89, оп. 1, д. 8, л. 20.
- ¹⁴⁸ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— 238 с.
- ¹⁴⁹ Капитан Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства.— 313 с.
- ¹⁵⁰ О завоевании Гиссара см. Стремоухов Н. Поездка в Бухару //Русский вестник.— 1875.— № 6.— 685 с. Капитан Лилиенталь. Указ. соч.— С. 313—314; см. также: Хамраев М. Очерки истории Хисара.— С. 27—28.
- ¹⁵¹ Маев Н. А. Очерки Гиссарского края.— 196 с.; см. также Масальский В. И. Туркестанский край.— 735 с.
- ¹⁵² ЦГВИА. Ф. 1438, оп. 1, д. 5, л. 32.
- ¹⁵³ Капитан Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства.— 315 с.
- ¹⁵⁴ Косяков М. Е. По Каратегину и Дарвазу.— 597 с.; см. также: Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— С. 236—237.
- ¹⁵⁵ Костенко Л. Ф. Туркестанский край.— 148 с.
- ¹⁵⁶ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— С. 235—236

- 157 Костенко Л. Ф. Туркестанский край.— 148 с.
 158 ЦГВИА, ф. 1438, оп. 1, ед. хр. 5, лл. 32—33.
 159 Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— 255 с.
 160 Капитан Лилиенталь. Гиссарское и Кабаджанское бекства.— 351 с.
 161 Фут — мера длины — равняется 30, 48 см.
 162 Логофет Д. Н. Указ. соч.— 257 с.
 163 Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу.— 596 с.
 164 См. Логофет Д. Н. Указ. соч.— С. 258—259.
 165 ЦГВИА, ф. 1438, оп. 1, ед. хр. 5, л. 33; см. также: Маев Н. Очерки Бухарского ханства.— 189 с.
 166 Более подробно см.: Ершов Н. Н. Каратаг и его ремесло.— Душанбе: Дониш, 1984.
 167 См. Красильников В. Погибший город Каратаг и его окрестности //Землевед.— Т. 15, кн. 1.— 1908.— С. 81—92, Королюков. Карагакское землетрясение 8 октября 1807 года //Иzv. Турк. отд. РГО.— Т. 9.— 1913.— С. 43—66.
 168 Маллицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана.— Ташкент, Самарканд, 1929.— 30 с.
 169 Описание Душанбе дается Андреевым //Туркестанские ведомости.— 1916.— №№ 68, 72, 81, 88, 89; Более подробно см.: Юсупов Ш. Из истории до-революционного Душанбе.
 170 ЦГВИА, ф. 1438, оп. 1, ед. хр. 5, л. 32.
 171 Нечаев А. В. По горной Бухаре.— 98 с.; более подробно о географическом расположении дореволюционного г. Душанбе см.: Маджлисов О. Материалхон кишваршиносӣ...— 61 с.
 172 См.: Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир //Исторический вестник.— Т. 98.— 1904.— 701 с.
 173 ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, л. 1761.
 174 Нечаев А. В. По горной Бухаре.— 98 с.

Куляб

- 175 См. Юсупов Ш. Очерки истории Куляба в конце XIX и начале XX вв.— Душанбе, 1964.— 12 с.
 176 Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане 1874—1889 гг.— СПб., 1889.— 429 с.
 177 Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу в 1882 г.— 602 с.
 178 Рожевич Р. Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару.— 619 с.
 179 По определению Гулямовой Э., территория средневекового Хутталя соответствует нынешней территории Куляба, Пархара, Муминобада, Ховалинга, Во-се, Нурска, Файзабада и всей Вахшской долине в нижнем течении реки. См. Гулямова. Хульбук — столица Хутталя.— Душанбе, 1969.— 5 с.
 180 Подробно об истории Хутталя см.: Бартольд В. В. Хутталь. Статьи из «Энциклопедии ислама» //Соч.— Т. 3.— М., 1965.— С. 555—557; Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. //Материалы и исследования по археологии СССР.— № 15.— М., Л., 1950.— С. 109—112; Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства.— С. 17—26.
 181 Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства //ИРГО.— Т. 7 (52).— Вып. 10.— 1916.— 738 с.
 182 Подробно см.: Гулямова Э. Хульбук — столица Хутталя.
 183 Бартольд В. В. Хутталь.— С. 556—557.
 184 Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении.— Т. 1.— М., 1955.— 403 с.
 185 ЦГВИА, ф. 1438, оп. 1, д. 5, л. 21.
 186 Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства //Иzv. РГО.— Т. 52.— Вып. 10.— 1916.— 738 с.
 187 Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3-х кн.—

- кн. 3 «Бухарско-афганская граница». — СПб., 1909. — 190 с.
- ¹⁸⁸ Колпаков А. П. Некоторые сведения о кварталах дореволюционного города Куляба // Изв. отд. обществ. наук АН Тадж. ССР. — Вып. 5. — 1954. — 81 с.
- ¹⁸⁹ Колпаков А. П. Указ. соч. — 81 с.
- ¹⁹⁰ Там же. — 79 с.
- ¹⁹¹ Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны. — СПб., 1879. — 94 с.
- ¹⁹² Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. — 54 с.
- ¹⁹³ До него главной резиденцией кулябских правителей считался Бальджуан.
- ¹⁹⁴ Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX — начале XX вв. — 31 с.
- ¹⁹⁵ История таджикского народа. — Т. 2. — М., 1964. — 175 с.
- ¹⁹⁶ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края. — 218 с.
- ¹⁹⁷ См. Костенко Л. Ф. Туркестанский край. — 151 с.
- ¹⁹⁸ Указ. соч. — 151 с.
- ¹⁹⁹ Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. — 429 с.; см. также: Липский В. И. Горная Бухара. — Ч. 3. — СПб., 1905. — 558 с.; Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана. Путевые очерки 1898 года // Исторический вестник. — 1902. — Т. 87. — 965 с.
- ²⁰⁰ Нечаев А. В. По горной Бухаре. — 73 с.
- ²⁰¹ Масальский В. И. Туркестанский край. — 739 с.
- ²⁰² Рожевиц Р. Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906 г. — 260 с.
- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу. — 602 с.
- ²⁰⁵ ЦГВИА, ф. 1438, оп. 1, д. 5, л. 25.
- ²⁰⁶ Косяков П. Е. Указ. соч. — 602 с.
- ²⁰⁷ Рожевиц Р. Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару. — 620 с.
- ²⁰⁸ Там же.
- ²⁰⁹ Колпаков А. П. Некоторые сведения о кварталах дореволюционного г. Куляба // Изв. отдел. общ. наук АН Тадж. ССР. — Вып. 5. — 1954. — С. 73—82.

Бальджуан

- ²¹⁰ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края // Материалы для статистики Туркестанского края. — Вып. 5. — СПб., 1879.
- ²¹¹ Костенко Л. Ф. Туркестанский край. (Опыт военно-статист. обозрения Туркестанского военного округа // Материалы для геогр. и статист. России. — Т. 2. — СПб., 1880.
- ²¹² Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане 1874—1889 гг. — СПб., 1889.
- ²¹³ Липский В. И. Горная Бухара. — Ч. 1. — СПб., 1902; Ч. 3. — СПб., 1905.
- ²¹⁴ Снесарев А. Е. Восточная Бухара (военно-географический очерк) // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. — Вып. 79. — СПб., 1906.
- ²¹⁵ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары. — СПб., 1913; Рожевиц Р. Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906 г. // Изв. РГО. — Т. 44, 1908. — 9 с.
- ²¹⁶ См. Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. // Материалы исследования по археологии СССР. — № 5. — М., Л., 1950. — С. 128—139.
- ²¹⁷ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. — Таджикиз, 1960; его же. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. — Ч. 1. — Душанбе, 1962; Ч. 2, 1963.
- ²¹⁸ Юсупов Ш. Очерки Кулябского бекства в конце XIX и начале XX вв. — Душанбе, 1964.
- ²¹⁹ Масальский В. И. Туркестанский край. — 739 с.

- 220 Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— 296 с.
- 221 Нечаев А. В. По горной Бухаре (путевые очерки).— СПб., 1914.— 93 с.
- 222 Рожевиц Р. Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906.— 624 с.
- 223 Бартольд В. В. Хутталь. Статьи из «Энциклопедии ислама» // Соч.— Т. 3.— М., 1965.— 555 с.; его же Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч.— Т. 1.— М., 1963.— 119 с.; его же. Улугбек и его время // Соч.— Т. 2.— Ч. 2.— М., 1964.— 37 с.
- 224 Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— 119 с.
- 225 Там же.
- 226 Кастальский Б. Н. Историко-географический обзор Сурханской и Широбадской долин // Вестник ирригации.— Ташкент, 1930.— № 2.— 76 с.
- 227 Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г.— 128 с.
- 228 Там же.
- 229 Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане 1874—1889 гг.— 430 с.
- 230 Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства.— 219 с.
- 231 Липский В. И. Горная Бухара.— Ч. 1.— СПб., 1902.— 302 с.
- 232 Бартольд В. В. Хутталь.— 555 с.
- 233 Бартольд В. В. Занятия в туркестанских библиотеках и музеях летом 1925 г. // Соч.— Т. 8.— М., 1973.— 454 с. Текст рукописи был полностью переписан В. В. Бартольдом. Он помещен в указ. соч. (Т. 8). С. 454—455. В конце рукописи имеется дата: «В начале Шабана 1330» (июль 1912 г.)
- 234 Бартольд В. В. Указ. соч.— 454 с.
- 235 Несколько лет назад во время сооружения пионерского лагеря в Старом Бальджуане рабочие Бозорак Холов, Хайдар Холов и другие обнаружили кувшин, внутри которого было много старинных монет, и распределили их в качестве сувениров между собой.
- К сожалению, эти монеты не попали в руки специалистов и до сих пор остаются неизученными (об этом дает показания житель Бальджуана А. Хайдаров).
- 236 См. Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник.— Т. 98.— СПб.,— 708 с.; Правда, он развалины старого Бальджуана отождествляет с древним Мунком. См. там же.
- 237 Бартольд В. В. Указ. соч.— 455 с.
- 238 Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— 299 с.
- 239 Логофет Д. Н. Указ. соч.— 306 с.
- 240 Бартольд В. В. Указ. соч.— 455 с.; См. Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства.— 29 с.
- 241 Бартольд В. В. Указ. соч.— 455 с.
- 242 Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства.— 28 с.
- 243 Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России.— 54 с.
- 244 О деятельности Сара-хана подробнее см. Искандаров Б. И. Указ. соч.— 56 с. и след.
- 245 Нечаев А. В. По горной Бухаре.— 93 с.
- 246 Рожевиц Р. Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару.— 624 с.
- 247 Липский В. И. Горная Бухара.— Ч. 1.— 302 с.
- 248 Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— 296 с.
- 249 Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— 306 с.
- 250 Липский В. И. Горная Бухара.— Ч. 1.— 302 с.
- 251 Там же.
- 252 Логофет Д. Н. Указ. соч.— 306 с.
- 253 Нечаев А. В. По горной Бухаре.— 94 с.
- 254 Рожевиц Р. Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару.— 624 с.
- 255 Логофет Д. Н. Указ. соч.— 296 с.

- ²⁵⁰ Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. 2-е изд.— Сталинабад, 1954.— 14 с.
- ²⁵⁷ Абрамов К. А. Записка о Каратегинском владении, составленная по вопросам //Изв. РГО.— Т. 61.— СПб., 1870.— Вып. 3.— С. 106—110.
- ²⁵⁸ Арандаренко Г. А. Каратегин (по расспросным сведениям) //Военный сборник.— 1878.— № 5.— С. 116—136.
- ²⁵⁹ Ошанин В. Ф. Каратегин и Дарваз //Изв. РГО.— Т. 17.— 1881.— Вып. 1.— С. 21—58 (у него же есть 4 письма //Туркест. ведомости.— 1878.— №№ 36, 38, 39, 41).
- ²⁶⁰ Минаев И. П. Сведения о странах в верховьях Аму-Дарьи.— СПб., 1879.
- ²⁶¹ Косяков П. Е. Путевые заметки по Каратегину и Дарвазу в 1882 г. //Изв. РГО.— Т. 20.— 1884.— Вып. 6.— С. 589—613.
- ²⁶² Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин (этнографический очерк) //Военный сборник.— Т. 154.— 1883.— №№ 11 и 12.
- ²⁶³ Например, таких, как Д. Л. Иванов, Г. Е. Грум-Гржимайло, Н. Н. Покопило, Б. Л. Громбчевский, Н. Юхновский, Н. Бронников.
- ²⁶⁴ Капитан Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина //Сборник материалов по Азии.— 1888.— Вып. 33.— С. 8—53.
- ²⁶⁵ Липский В. И. Горная Бухара, 1836 г. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 гг.— Ч. 1.— СПб., 1902.— С. 235—236.
- ²⁶⁶ Снесарев А. Е. Восточная Бухара.— СПб., 1906.
- ²⁶⁷ Логофет Д. Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние.— СПб., 1909; его же. Бухарское ханство под русским протекторатом.— М., 1911.
- ²⁶⁸ Костенко Л. Ф. Туркестанский край.— 199 с.; капитан Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина.— 24 с.
- ²⁶⁹ Масальский В. И. Туркестанский край.— 735 с.
- ²⁷⁰ Бартольд В. В. Каратегин. Статьи из «Энциклопедии ислама» //Соч.— Т. 3.— М., 1965.— 445 с.
- ²⁷¹ История Узбекской ССР (в 4-х томах).— Т. 1.— Ташкент, 1967.— 216 с.
- ²⁷² Бартольд В. В. Каратегин.— 445 с.; см. его же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия //Соч.— Т. 1.— М., 1963.— 120 с. и др.; см. также. Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении.— Т. 1.— 3-е изд.— М., 1955.— 146 с.; его же. Талжики. Древнейшая, древняя и средневековая история.— М., 1972.— 307 с.
- ²⁷³ Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин (этнографический очерк) //Военный сборник.— 1883.— № 11.— 144 с.
- ²⁷⁴ Арандаренко Г. А. Каратегин (по расспросным сведениям) //Военный сборник.— Т. 121.— 1878.— № 5.— 127 с.; см. также. ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 32, д. 438, лл. 22—23.
- ²⁷⁵ Архив АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 23 (ф. Ч. Ч. Валиханов), оп. 1, д. 20, л. 148.
- ²⁷⁶ Капитан Васильев. Указ. соч.— 25 с.; Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане, 1874—1889 гг.— СПб., 1889.— 447 с.
- ²⁷⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, № 6884, л. 189.
- ²⁷⁸ См. Кисляков Н. А. Указ. соч.— 65 с.; его же. История Каратегина, Дарваза и Бадахшана.— 103 с.
- ²⁷⁹ Капитан Васильев. Указ. соч.— С. 25—26.
- ²⁸⁰ Капитан Васильев. Указ. соч.— С. 25—26.
- ²⁸¹ См. Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина.— С. 74—87.
- ²⁸² Арандаренко Г. А. Каратегин.— 128 с.
- ²⁸³ Архив ГО, ф. 45, оп. 1, д. 6, с. 116.
- ²⁸⁴ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства.— 219 с.

- ²⁸⁵ Там же.
- ²⁸⁶ ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 1, д. 266, лл. 2—3.
- ²⁸⁷ Маджлисов А. Р. Каратегин накануне установления Советской власти.— 23 с. В этой же книге подробно проанализированы причины падения шахства в Каратегине. См. 14 с.
- ²⁸⁸ Костенко Л. Ф. Туркестанский край.— 199 с.; см. также: Юхновский Н. Тринадцатимесячное пребывание русского отряда в Каратегине //Сборник разведчика.— 1897. Вып. 7.— С. 63—80.
- ²⁸⁹ Капитан Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина.— 23 с.
- ²⁹⁰ Там же.— 28 с.
- ²⁹¹ Там же.— 25 с.
- ²⁹² Там же.— 35 с.
- ²⁹³ Там же.— 24 с.
- ²⁹⁴ Логофет Д. П. В горах и на равнинах Бухары (Очерки Средней Азии).— СПб., 1913.— 331 с.
- ²⁹⁵ Капитан Васильев. Указ. соч.— 24 с.; см. также. Гр. Андреев в Каратегине. В городе Гарме //Туркест. ведомости.— 1916.— № 21.
- ²⁹⁶ Логофет Д. П. В горах и на равнинах Бухары — 331 с.
- ²⁹⁷ Логофет Д. П. Указ. соч.— 332 с.
- ²⁹⁸ Липский В. И. Восточная Бухара.— Ч. 1.— 235 с.
- ²⁹⁹ Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина — 89 с.; см. также: История таджикского народа.— Т. 2, кн. 2.— М., 1964.— 95 с.
- ³⁰⁰ Архив ГО, Р-74, оп. 1, д. 2, л. 103.
- ³⁰¹ ЦГВИА, ф. ВУД: оп. 1, д. 118, л. 56.
- ³⁰² ЦГА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 252, лл. 100—101.

Калай-Хумб

- ³⁰³ ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 520, лл. 1—21.
- ³⁰⁴ О борьбе за власть между представителями из рода ша говорится в работах Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин (см. С. 145—146) и Кузнецова. Дарваз (С. 4—5).
- ³⁰⁵ ЦГВИА, ф. 401, оп. 4/928, 1888, д. 46, л. 51.
- ³⁰⁶ Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века. (Журналы командировок Арандаренко Г. А.).— М., 1974.— 94 с.
- ³⁰⁷ Миннаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи.— СПб., 1879.— 34 с.
- ³⁰⁸ Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века. Журналы командировок Арандаренко Г. А.— 95 с.
- ³⁰⁹ ЦГА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 469, лл. 1—9.
- ³¹⁰ Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского округа. Материалы для географии и статистики России.— Т. 2.— СПб., 1880.— 203 с.; Ошанин В. Ф. Каратегин и Дарваз.— 54 с.
- ³¹¹ Смирнов С. М., судя по заметкам, появившимся в «Туркестанских ведомостях» — 1879, № 24 («О путешествии в Дарваз Германа и Смирнова») и 1881, № 46, («О поездке ботаника Смирнова в Дарваз и Вахию»), несколько раз посетил Дарваз, но, к сожалению, он не оставил никаких сведений историко-географического характера. Результаты его поездки, видимо, не были известны современникам, интересующимся этой горной страной, о чем свидетельствует то, что Арандаренко Г. А. не отметил в своих «журналах» его посещения Дарваза.
- ³¹² ЦГВИА, ф. 400, оп. 260/910, 1885, д. 10, лл. 1—14.
- ³¹³ Капитан Кузнецов. Дарваз. Новый Маргелан.— 1893.
- ³¹⁴ Липский В. И. Горная Бухара.— Ч. 2.— СПб., 1902.— С. 407—428.
- ³¹⁵ Литвинов Б. П. Через Бухару на Памир //Исторический вестник.— Т. 98.— СПб., 1904.— С. 698—729.

- ³¹⁶ Семенов А. А. Этнографический очерк Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза.— М., 1903.
- ³¹⁷ Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк // Соч.— Т. 2.— Ч. 1.— М., 1963.— С. 449—469; его же. Таджики. Из цикла «Энциклопедия ислама».— С. 469—473; его же. Аму-Дарья. Из «Энциклопедии ислама».— 320 с.
- ³¹⁸ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары (Очерки Средней Азии).— СПб., 1913.— С. 344—411.
- ³¹⁹ Шишов А. Таджики (этнографическое и антропологическое исследование) // Средняя Азия.— Кн. 11.— Ташкент, 1910.— С. 49—50.
- ³²⁰ Масальский В. И. Туркестанский край.— 742 с.
- ³²¹ Архив ГО, Р-65, оп. 1, д. 52, л. 23.
- ³²² Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане, 1874—1889 гг.— СПб., 1989.— 436 с.
- ³²³ Липский В. И. Горная Бухара.— Ч. 2.— СПб., 1902.— 424 с.
- ³²⁴ Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник — Т. 98 (нояб.).— СПб., 1904.— 718 с.; см. также: Масальский В. И. Туркестанский край (Россия).— 742 с.; Шишов А. Таджики (этно. и антропол. исслед.) // Средняя Азия.— Кн. 11.— Ташкент, 1910.— С. 49—50; Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары (очерки Средней Азии).— СПб., 1913.— 390 с.
- ³²⁵ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— 364 с.
- ³²⁶ Отдельные авторы не считают Ша-Киргиза основателем города, а ограничиваются указанием о том, что он будто бы назвал столицу Калай-Хумбом. См. напр.: Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин (этногр. очерк).— 145 с.
- ³²⁷ Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир.— 717 с.
- ³²⁸ Кузнецов, Дарваз.— 2 с.
- ³²⁹ См. Регель А. Э. Поездка в Каратегин и Дарваз // Изв. РГО.— Т. 18.— 1882.— Вып. 2.— С. 140—141.
- ³³⁰ Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу в 1882 г. (Путевые заметки) // Изв. РГО.— Т. 20.— 1884.— Вып. 6.— 607 с. По развалинам Косяков определил размеры крепости — 25 сажень в длину и 20 сажень в ширину.
- ³³¹ Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении.— 3-е изд.— М., 1955.— 146 с.; см. его же: Таджики.— 307 с.
- ³³² Маджлисов О. Материалҳои кишваршиносии оид ба таърихи Тоҷикистон.— Қисми 1.— Сталинобод, 1957.— 116 с.
- ³³³ Подстрочный перевод автора настоящей работы.
- ³³⁴ Кирхгоф. Из поездки на Памир // Изв. Туркест. отд. РГО.— Т. 3.— Ташкент, 1900.— Вып. 1.— 167 с.
- ³³⁵ Семенов А. А. Этнографический очерк Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза.— М., 1903.— 15 с.
- ³³⁶ Там же.
- ³³⁷ Литвинов Б. И. Через Бухару на Памир.— 719 с.
- ³³⁸ Архив ГО, ф. 45, оп. 1, д. 5, л. 87.
- ³³⁹ ЦГВИА, ф. 401, оп. 4/928, 1888, л. 46, л. 51.
- ³⁴⁰ Архив ГО, ф. 45, оп. 1, д. 6, лл. 82—83.
- ³⁴¹ Семенов А. А. Указ. соч.— 15 с.
- ³⁴² Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир.— 719 с.; см. также: Галлицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана (курс Родиноведения).— Ташкент, Самарканд, 1929.— 114 с.
- ³⁴³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 261/911, 1896, отд. 4, д. 187, л. 15.
- ³⁴⁴ Ошанин В. Н. Каратегин и Дарваз // Изв. РГО.— Т. 17.— 1881.— Вып. 1.— 55 с.
- ³⁴⁵ Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин.— 145 с.
- ³⁴⁶ Литвинов Б. Н. Указ. соч.— 717 с.
- ³⁴⁷ Архив ГО, ф. 45, оп. 1, д. 6, л. 87.
- ³⁴⁸ По-видимому, чаша которая заложена в каменной ограде, является кус-

ком первой чаши, о которой писал Громбчевский, а Семенов А. А. принял за целую чашу этот кусок.

³⁴⁹ Семенов А. А. Этнографический очерк Зерафшанских гор...— 16 с.

³⁵⁰ Семенов А. А. Указ. соч.— С. 17—18.

³⁵¹ Каменную чашу разбили также бухарцы.

³⁵² Семенов А. А. Этнографический очерк Зерафшанских гор...— 15 с. См. также: Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк.— 466 с.

³⁵³ Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу в 1882 г. //Изв. РГО.— Т. 20.— Вып. 6.— 606 с.; Ошанин В. Ф. Каратегин и Дарваз.— С. 54—55; Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане.— 436 с.

³⁵⁴ Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу.— С. 606—607; Липский В. И. Горная Бухара, 1899 г.— Ч. 4.— СПб., 1905.— 604 с.; Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— 382 с.; Юхновский Н. Несколько слов об условиях жизни в горах Дарваза и в долине реки Ванча //Туркестанские ведомости.— 1984.— № 65.

³⁵⁵ Семенов А. А. Этнографические очерки Зерафшанских гор.— 16 с.

³⁵⁶ ЦГА УССР, ф. 69, оп. 1, д. 2, л. 32.

РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Население (численность и этнический состав)

¹ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— СПб., 1911.— 151 с.

² См. Ситниковский Н. Ф. Попытка к исчислению народонаселения в гор. Бухаре //Изв. ТОРГО.— Т. 1.— Вып. 1.— 1898.— С. 78—79; Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— 152 с.

³ Логофет Д. Н. Указ. соч.— 153 с.

⁴ Логофет Д. Н. Указ. соч.— 152 с.

⁵ Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-дарьи //Сб. материалов по Азии.— Вып. 57.— СПб.— 268 с.

⁶ Архив ГО, О-83, оп. № 9, л. 18.

⁷ Снесарев А. Е. Восточная Бухара //Сборник материалов по Азии.— Вып. 79.— СПб., 1906.— 73 с.

⁸ Гулишамбаров С. И. Экономический очерк Туркестанского района, обслуживаемого Средне-азиатской железной дорогой.— Ч. 1.— Ашхабад, 1913.— С. 200—201.

⁹ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— 186 с.

¹⁰ Гулишамбаров С. И. Указ. работа.— С. 199—200. В дальнейшем все данные Гулишамбарова приводятся по этой работе.

¹¹ Фомченко А. П. Русские населения в Бухарском эмирате.— Ташкент, 1958.— 17 с.

¹² ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 625, л. 4.

¹³ ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 27, ед. хр. 1788, л. 14.

¹⁴ ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 27, ед. хр. 1788, л. 14.

¹⁵ ЦГИА; ф. 1438, оп. 1, ед. хр. 5, л. 37.

¹⁶ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— 186 с. В дальнейшем все данные Логофета относительно численности населения приводятся по этой работе.

¹⁷ Магальский В. И. Туркестанский край.— 734 с.

¹⁸ Губаревич-Радобильский А. Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората.— СПб., 1905.— 33 с.

¹⁹ ЦГИА, ф. 1438, оп. 1, ед. хр. 5, л. 36.

- ²⁰ Малицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана — Ташкент, Самарканд, 1929. — 149 с.
- ²¹ Туркестанские ведомости. — 1896. — № 28.
- ²² Архив ГО, ф. — 83, оп. 1, № 9, л. 18.
- ²³ Масальский В. И. Туркестанский край. — 735 с.
- ²⁴ Панков А. Население Таджикистана (демографический очерк) //Таджикистан. — Ташкент, 1925. — 85 с.
- ²⁵ Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-дарьи. (Военно-геогр. очерк) //Сб. материалов по Азии. — Вып. 58. — СПб., 1894. — 267 с.
- ²⁶ Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу в 1882 г. (Путевые заметки) //Изв. РГО. — Т. 19. — 1884. — 596 с.
- ²⁷ Масальский В. И. Туркестанский край. — 735 с.
- ²⁸ Малицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана — 130 с.
- ²⁹ См. напр.: Русская окраина за 1907 г. — №№ 437, 439, 440—442, 444, 446, 447, 450—452, 454, 456, 459, 460; Туркестанские ведомости. — 1907. — № 183; М. М. Бронников. Каратагское землетрясение. — СПб., 1908.
- ³⁰ Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX — начале XX веков. — Душанбе, Алма-Ата, 1967. — 303 с.
- ³¹ Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир //Исторический вестник. — Т. 98. — СПб., 1904. — 701 с.
- ³² Панков А. Население Таджикистана. — 85 с.
- ³³ Масальский В. И. Туркестанский край. — 735 с.
- ³⁴ Капитан Стеткевич. Указ. соч. — 244 с.
- ³⁵ Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-дарьи. — 210 с.
- ³⁶ Капитан Лилиенталь. Маршруты по Гиссарскому и Кабадианскому бекствам //Сборник материалов по Азии. — Вып. 57. — СПб., 1894. — 346 с.
- ³⁷ ЦГВИА, ф. 1438, оп. 1, д. 5, л. 14.
- ³⁸ ЦГВИА, ф. 1439, оп. 1, д. 5, лл. 21—25; См. также Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края. — 218 с.
- ³⁹ Костенко Л. Ф. Туркестанский край. — СПб., 1880. — Т. 2. — 151 с.
- ⁴⁰ Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. — СПб., 1889. — 429 с.
- ⁴¹ Масальский В. И. Туркестанский край. — 739 с.
- ⁴² Малицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана. — 140 с.
- ⁴³ Панков А. Население Таджикистана. — С. 85—86.
- ⁴⁴ Тот же Маев писал, что «Куляб гораздо многочисленнее Бальджуана»; Маев Н. А. Указ. соч. — 219 с.
- ⁴⁵ Колпаков А. П. Некоторые сведения о кварталах дореволюционного города Куляба //Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР. — Вып. 5. — 1954. — С. 73—82.
- ⁴⁶ Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. — 430 с.
- ⁴⁷ Снесарев А. Е. Восточная Бухара. — 102 с.
- ⁴⁸ Ошанин В. Ф. Каратегин и Дарваз //Изв. РГО. — Т. 17. — Вып. 1. — 1881. — 45 с.
- ⁴⁹ Капитан Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина //Сборник материалов по Азии. — Вып. 33. — 15 с.
- ⁵⁰ Снесарев А. Е. Восточная Бухара. — 85 с.
- ⁵¹ Абрамов К. А. Записки о Каратегинском владении, составленные по вопросам //Изв. РГО. — Вып. 1. — СПб., 1870. — 107 с.
- ⁵² Костенко Л. Ф. Туркестанский край. — Ч. 2. — 199 с.
- ⁵³ Напр., Костенко Л. Ф. Туркестанский край. — 203 с.; Ошанин В. Н. Каратегин и Дарваз. — 54 с.; Капитан Кузнецов. Дарваз. — 87 с.; Снесарев А. Е. Восточная Бухара. — 98 с.; Масальский В. И. — Туркестанский край. — 742 с. Разгонов А. К. По Восточной Бухаре и Памиру. — Ташкент, 1910. — 78 с.
- ⁵⁴ Архив ГО, ф. 45, оп. 1, д. 6, лл. 77, 83.
- ⁵⁵ Костенко Л. Ф. Туркестанский край. — СПб., 1880. — Т. 2. — 199 с.
- ⁵⁶ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор. — 16 с.

⁵⁷ Материалы по районированию Средней Азии.— Кн. 1, ч. 1.— Бухара, Ташкент, 1926.

⁵⁸ Данные относятся к 1914 г., даются по работе Ю. И. Пославского. См. Пославский Ю. И. Экономический очерк Таджикистана //Таджикистан.— Ташкент, 1925.— Табл. № 1.— 181 с.

⁵⁹ Данные приводятся по книге «Материалы по районированию Средней Азии».— Кн. 1, ч. 1.— Ташкент, 1926.— С. 159—277.

⁶⁰ В сборнике «Туркестан» (Сборник статей, заметок и корреспонденций в 30-ти томах.— Т. 24—48 с.), население бекства указано 28.000. Это относится к 90-м годам XIX в., следовательно, будем считать, что к началу 1 мировой войны оно составляло 30.000 человек. Эту же цифру относит капитан Покотило к середине 80-х годов. См. также Покотило. Отчет о поездке...— С. 60—61.

⁶¹ По более убедительным подсчетам Маджлисова А. Р., население Каратегинского бекства составляло приблизительно 120.000 (то есть поддерживается мнение Слесарева, указавшего эту цифру как минимальную.— Слесарев. Восточная Бухара.— 73 с. См. Маджлисов А. Каратегин накануне установления Советской власти.— С. 12—13.

⁶² Маев Н. А. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства //Изв. РГО.— Т. 12.— Вып. 4.— 1876.— 358 с.; см. также: История таджикского народа.— Т. 2, кн. 2.— М., 1964.— 67 с.

⁶³ См. Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— С. 173—184.

⁶⁴ Логофет Д. Н. Указ. соч.— С. 153—154.

⁶⁵ Там же.— 157 с.

⁶⁶ Покотило Н. Н. Путешествие в Центральную и Восточную Бухару.— 483 с.; см. также: Гребенкин А. К. «Таджики» Русский Туркестан. (Сборник издан по поводу политехнической выставки).— М., 1879.— 4 с.

⁶⁷ Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-дарья.— 267 с.

⁶⁸ Капитан Стеткевич. Указ. соч.— 270 с.

⁶⁹ Разгонов А. К. По Восточной Бухаре и Памиру.— Ташкент, 1910.— 83 с.

⁷⁰ Подполковник Матвеев. Поездка по бухарским и афганским владениям в феврале 1877 г. //Сборник материалов по Азии.— Вып. 5.— 1883.— С. 33—34.

⁷¹ Гаевский П. Курган-Тюбинское бекство //Изв. РГО.— Вып. 2.— Т. 55 (1919—1923).— М., П., 1924.— 25 с.

⁷² Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.—

183 с.

⁷³ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— СПб., 1913.— 479 с.

⁷⁴ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— С. 181—182.

⁷⁵ Более подробные сведения об индийцах см.: Дмитриев Г. П. Деятельность индийских выходцев в Средней Азии (втор. полов. XIX—нач. XX в.) //Научные труды ТашГУ.— Вып. 238.— Ташкент, 1964.— С. 142—153.

⁷⁶ ЦИГА УзССР, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 625, л. 4.

⁷⁷ Логофет Д. Н. Кулябское бекство и его население //Туркестанские ведомости.— 1905.— № 111.

⁷⁸ Маев Н. А. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства //Изв. РГО.— Т. 12.— Вып. 4.— 1876.— 358 с.

⁷⁹ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— 334 с.

⁸⁰ ЦИГА УзССР, ф. 69, оп. 1, д. 4, л. 20.

Социальный и административный строй

⁸¹ Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении.— Т. 1.— 3-е изд.— М., 1955.— 436 с. и след.

⁸² Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления бухарского ханства позднейшего времени: Материалы по истории таджи-

- ков и узбеков Средней Азии.— Вып. 2. //Тр. АН Тадж. ССР.— Т. 25.— 1954.
- ⁸¹ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.— Ч. 2.— Душанбе, 1963; его же. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России.— Душанбе, 1960.— 148 с.; его же. Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана.— Душанбе, 1976.— С. 32—42 и др.
- ⁸⁴ Например, см. Кисляков К. Очерки по истории Каратегина.— Сталинабад, 1954.— С. 116—167; его же. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX веков.— М., Л., 1962.
- ⁸⁵ Маджлисов А. Р. Каратегин накануне установления Советской власти.— Сталинабад, 1959.— С. 23—35; его же. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX — начале XX веков.— Душанбе, Алма-Ата, 1967.— С. 20—46.
- ⁸⁶ Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX — и начале XX веков.— Душанбе, 1964.— С. 35—45; Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX вв. //Тр. АН Тадж. ССР. Инст. истории, археологии и этнографии.— Т. 115.— 1959; Степенко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX вв. (1870—1917 гг.).— Душанбе, 1963 и др.
- ⁸⁷ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии.— Л., 1973.— 322 с. Интересно заметить, что известный специалист по изучению средневековых источников Чехович О. Д. на примере г. Ташкента XVIII в. и ряда других городов приводит довольно убедительные аргументы, свидетельствующие о том, что отсутствие городского самоуправления было характерно не для всех городов Средней Азии (подробнее см.: Чехович О. Д. К вопросу о единстве исторического процесса развития, средневековых городов //Общественные науки в Узбекистане /АН УзССР, 1974.— № 6.— С. 27—35). Тем не менее в научных кругах твердо сохраняется мнение о том, что общегородское самоуправление в Средней Азии в отличие западноевропейских (Флоренция, Генуя, Гамбург) и некоторых северо-русских городов (Новгород, Псков), вообще отсутствовало.
- ⁸⁸ Маджлисов А. Р. Аграрные отношения...— С. 24—25.
- ⁸⁹ В административном делении часто происходили изменения. Например, Маев Н. указывает, что «деление на бекства очень непрочное. Часто происходят изменения в административном делении Бухары». (Архив ГО, р. 89, оп. 1, д. 8, л. 50).
- ⁹⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, 445, д. 118, л. 45.
- ⁹¹ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— 262 с.
- ⁹² Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану.— Ташкент, 1901.— 108 с.
- ⁹³ Архив ГО, ф. 45, оп. 1, д. 6, л. 120.
- ⁹⁴ Бендерский Н. А. Доклад о Гиссарском крае. (Протокол № 1 общего годовичного собрания отд. РГО от 14 марта 1905) //Изв. Турк. отд. РГО.— Т. 7.— 1907.— 155 с.
- ⁹⁵ Капитан Снесарев. Восточная Бухара (Военно-географический очерк) //Сб. материалов по Азии.— Вып. 129.— СПб., 1909.— 72 с.
- ⁹⁶ См. Галкин. Краткий очерк Бухарского ханства //Военный сборник.— 1890.— № 12.— С. 413—414; см. также: Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг.— СПб., 1882.— 37 с.
- ⁹⁷ Маджлисов А. Аграрные отношения...— 450 с.
- ⁹⁸ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— 240 с.; см. также. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана //Соч.— Т. 2, ч. 1.— М., 1963.— 431 с.
- ⁹⁹ Галкин А. Краткий очерк Бухарского ханства.— 414 с.

- ¹⁰⁰ Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана (путевые очерки) // Исторический вестник.— Т. 87.— 1902.— 974 с.
- ¹⁰¹ См. подробнее: Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— 242 с. Точные данные о должностных лицах, которые имелись при беке, даны Маджлисовым А. Р. См. и ср. Маджлисов А. Р. Аграрные отношения...— С. 49—51.
- ¹⁰² Логофет Д. Н. Указ. соч.— 243 с.; см. также А. П. Административное устройство Гиссарского бекства // Туркест. ведомости.— 1908.— № 112.
- ¹⁰³ Капитан Кузнецов. Дарваз.— 69 с.
- ¹⁰⁴ Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства // Изв. РГО.— Т. 52.— Вып. 10.— 1916.— 796 с.
- ¹⁰⁵ Бендерский Н. А. Доклад о Гиссарском крае.— 156 с.
- ¹⁰⁶ См. Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства...— 37 с.
- ¹⁰⁷ Бендерский Н. А. Доклад о Гиссарском крае.— 155 с.
- ¹⁰⁸ Кроме навазоров, в промежуточную социальную прослойку Н. А. Кисляков относит низшее духовенство, учащих медресе, писцов-секретарей (мирзо) и другие административно-должностные лица. См. Кисляков Н. А. Патриархально-феодалные отношения...— 39 с.
- ¹⁰⁹ Капитан Кузнецов. Дарваз.— 1893.— 70 с.
- ¹¹⁰ ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1617, л. 172.
- ¹¹¹ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— 262 с.
- ¹¹² Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана // Исторический вестник.— Т. 87.— 1902.— 974 с.
- ¹¹³ Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.— 796 с.
- ¹¹⁴ Семенов А. А. Указ. соч.— 974 с.
- ¹¹⁵ См. Варыгин Н. А. Опыт описания Кулябского бекства.— 796 с.
- ¹¹⁶ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— СПб., 1913.— 305 с.
- ¹¹⁷ Архив ГО, р. 65, оп. 1, д. 7, л. 23.
- ¹¹⁸ Снесарев А. Е. Восточная Бухара.— 71 с.
- ¹¹⁹ В одном из донесений Бухарского Полит. Агентства по поводу шариа-та пишется: «Действующий в Бухарском ханстве мусульманский закон (шариат) очень суров и многие преступления карает смертью» (ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 132, л. 40).
- ¹²⁰ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— 315 с.
- ¹²¹ Печев А. В. По горной Бухаре.— СПб., 1914.— С. 74—75.
- ¹²² См., напр., Снесарев А. Н. Восточная Бухара.— 72 с.; Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— 245 с. и др.
- ¹²³ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир.— Ч. 2.— 24 с.
- ¹²⁴ Капитан Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина.— 23 с.
- ¹²⁵ Снесарев А. Е. Восточная Бухара.— 72 с.
- ¹²⁶ Капитан Кузнецов. Дарваз.— С. 70—71. Следует отметить, что в ряде случаев бека, чувствуя свое бессилие противостоять кази (это, по-видимому, зависело от авторитета кази), доносил эмиру о его несоответствующих шариату поступках. Об этом свидетельствуют донесения (ариза) бека Кабадиана эмиру о нарушении шариатских законов местным кази. Смысл этого документа сводился к тому, что Кабадианский кази Мулло Ханиф, задерживая двое суток делопроизводство (приведенную к нему для разбора дел), обесчестил ее (ЦГИА УзССР, ф. 126, оп. 1, д. 1785, л. 1).
- ¹²⁷ Печев А. В. По горной Бухаре.— СПб., 1914.— 75 с.
- ¹²⁸ Гневский П. Курган-Тюбинское бекство.— 6 с.
- ¹²⁹ Архив ГО, р. 65, оп. 1, д. 46, л. 59.
- ¹³⁰ Логофет Д. Н. Страна бесправия.— СПб., 1909.— 58 с.
- ¹³¹ ЦГА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 251, л. 101.

- ¹³² Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана //Истор. вестник.— Т. 87.— 1902.— С. 977—978.
- ¹³³ Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.— С. 797—798.
- ¹³⁴ Варыгин М. А. Указ. соч.— 977 с.
- ¹³⁵ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— 333 с.
- ¹³⁶ Капитан Кузнецов. Дарваз.— 71 с.
- ¹³⁷ Семенов А. А. Указ. соч.— С. 980—981.
- ¹³⁸ Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.— 797 с.
- ¹³⁹ Логофет Д. Н. Указ. соч.— С. 332—333.
- ¹⁴⁰ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— СПб., 1913.— С. 252—253.
- ¹⁴¹ Нечаев А. В. По горной Бухаре.— 32 с.
- ¹⁴² Ханыков Н. Описание Бухарского ханства.— СПб., 1843.— 191 с.
- ¹⁴³ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— С. 326—327.
- ¹⁴⁴ См. Маджлисов А. Аграрные отношения...— 66 с.
- ¹⁴⁵ Там же.— 53 с.
- ¹⁴⁶ Логофет Д. Н. Указ. соч.— 327 с.
- ¹⁴⁷ Подроб. о муфтии см. Маджлисов А. Р. Указ. соч.— С. 61—62.
- ¹⁴⁸ Гафуров Б. Г. История таджикского народа.— Т. 1.— М., 1955.— 438 с.
- ¹⁴⁹ Архив ГО, р. 74, оп. 1, д. 2, л. 64.
- ¹⁵⁰ ЦГВИА, ф. 400, д. 136, л. 3; архив ГО, р. 65, оп. 1, д. 46, л. 59.
- ¹⁵¹ Нечаев А. В. По горной Бухаре.— 74 с.
- ¹⁵² Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 2.— СПб., 1911.— 61 с.
- ¹⁵³ Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана.— 977 с.
- ¹⁵⁴ Сведения о налогах и податях, а также о несправедливом взимании их имеются в следующих работах: Снесарев. Восточная Бухара.— С. 135—146; Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— С. 146—150; его же. Страна бесправия.— С. 46—53; его же. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— С. 1—2; Арандаренко Г. А. Досуги в Турестане.— С. 449—450; Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану.— Ташкент, 1901.— 109 с.; Васильев. Краткое стат. опис. Каратегина.— С. 23—24; Кузнецов. Дарваз.— С. 69—73; Бендерский Н. А. Гиссарское бекство //Туркест. ведомости.— 1905.— № 42; Подати и ялоги в Восточной Бухаре //Туркестанские ведомости.— 1906.— №№ 6—8 и яд др.
- ¹⁵⁵ Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.— 793 с.
- ¹⁵⁶ Напр., см. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.— Ч. 2.— С. 50—93; Маджлисов А. Р. Аграрные отношения в восточной Бухаре.— С. 192—207; его же. Каратегин накануне установления ов. власти.— С. 54—75; Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина.— С. 39—144; Юсупов Ш. Очерки истории Куляба.— С. 82—92; его же. Вахшская земля...— С. 89—104; и др.
- ¹⁵⁷ Семенов А. А. К прошлому Бухары (приложение к «Воспоминаниям» Айни) //С. Айни. Воспоминания.— М., Л., 1960.— 1001 с.
- ¹⁵⁸ Рожевиц Р. Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906 г. //Изв. О.— Т. 44.— Вып. 9.— С. 524—625.
- ¹⁵⁹ Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану.— Ташкент, 1901.— 109 с.
- ¹⁶⁰ Бендерский Н. А. Гиссарское бекство //Туркестанские ведомости.— 05.— № 42.
- ¹⁶¹ Капитан Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина.— 23 с.
- ¹⁶² Снесарев А. Е. Восточная Бухара.— 143 с.
- ¹⁶³ Подробно о доходах эмира с базаров см.: Маджлисов А. Аграрные отношения...— 204 с.; Искандаров Б. И. Восточная Бухара.— Ч. 2.— 77 с.
- ¹⁶⁴ Маджлисов А. Р. Указ. соч.— 201 с.

- 165 Логофет Д. Н. Страна бесправия. (Бухарское ханство и его современное состояние).—СПб., 1909.—48 с.
- 166 Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.—793 с.
- 167 ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 186, л. 334.
- 168 Согласно донесению Бухарского Политагентства от 3 августа 1888 г., только «со стороны Бальджуана привезли эмиру в Кермине 14 верблюдов тенега» (ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 132, л. 148). Гиссарское бекство ежегодно уплачивало в казну эмира около 500 тыс. руб. годовых сборов, а Кулябское — около 180 тыс. руб. (Шубинский П. П. Очерки Бухары // Исторический вестник.—Т. 49.—1892 (№ 8).—283 с.).
- 169 Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.—793 с.
- 170 Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.—Т. 1.—С. 66—67.
- 171 Снесарев А. Е. Восточная Бухара.—146 с.
- 172 Логофет Д. Н. Указ. соч.—152 с. Логофет Д. Н. Перечисляет болезни, распространенные в Бухарском ханстве. Это — малярия, проказа, зоб, сифилис, туберкулез, желудочные, различные кожные, глазные болезни и т. д. См. указ. соч.—С. 144—150.

Классовая борьба

- 175 Маджлисов А. Р. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX — начале XX веков.—285 с.
- 176 См., например, Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй полов. XIX в.—Ч. 2.—С. 93—128 и С. 329—350; Маджлисов А. Р. Аграрные отношения...—С. 285—307; Стеценко Н. А. Из истории народных движений в Таджикистане и др.
- 177 Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.—Т. 2.—280 с.
- 178 Более подробно об этом восстании см. Стеценко И. А. Из истории народных движений.—С. 95—96.
- 179 ЦГВИА, ф. 1396, оп. 1, д. 1571, л. 51; более подробный текст донесения см. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир.—Ч. 2.—107 с. См. также. История таджикского народа.—Т. 2, кн. 2.—М., 1964.—175 с. Вести об этом восстании были опубликованы и в газете «Туркестанские ведомости».—1870.—№ 7.
- 178 Маев Н. Очерки Бухарского ханства.—217 с.
- 179 Маев Н. Очерки Бухарского ханства.—С. 217—218.
- 180 ЦГВИА, ф. 1438, оп. 1, д. 18, л. 565.
- 181 Яворский И. Путешествие русского посла по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг.—1883.—370 с.
- 182 Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении.—Т. 1.—М., 1955.—С. 431—432.
- 183 Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.—802 с.
- 184 Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.—Т. 2.—263 с.
- 185 Подробно см.: Стеценко И. А. Указ. соч.—С. 103—104.
- 186 Подробно см.: Мухсинова К. З. Документы о крестьянских движениях в Бухарском ханстве в 80-х годах XIX в. // Из истории Средней Азии (дореволюционный период).—Ташкент, 1955.—С. 18—23.
- 187 Искандаров Б. И. Восстание крестьянских масс Таджикистана (Восточная Бухара) под руководством Восе // Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР.—Вып. 4.—1953.—85 с.
- 188 См.: Шоаншоев А. Материалхо онд ба шӯриши Восеъ // Барои Адабиёти социалистӣ.—1936.—№№ 1, 2, 3; Б. Г. Гафуров и Прохоров Н. И. Таджикиский народ в борьбе за свободу и независимость своей Родины.—Душан

- бе, 1944.— С. 154—156; Искандаров Б. И. Восстание крестьянских масс Тад-
жикстана (Восточная Бухара) под руководством Восе //Изв. отд. общества
наук АН Тадж. ССР.— Вып. 4.— 1043.— С. 85—94; его же Восточная Бухара
и Памир во второй половине XIX в.— Ч. 2.— С. 93—121; Стеценко И. А. Из
истории народных движений.— С. 105—111.
¹⁸⁰ См.: Стеценко И. А. Указ. соч.— С. 106—111. Мнение Стеценко И. А. от-
носительно даты восстания Восе (1888 г.) поддерживается Хакимовой К. З. См.
Хакимова К. З. Крестьянское движение в Бухарском ханстве в последней тре-
ти XIX века (по материалам архива Кушбеги эмира бухарского); Автореф.
дисс. канд. ист. наук.— Ташкент, 1966.— 5 с.
¹⁹⁰ Маджлисов А. Р. Аграрные отношения.— 289 с.; см. также: 291 с.; см.
также: Искандаров Б. И. Из истории проникновения капиталистических отно-
шений в экономику дореволюционного Таджикистана.— Душанбе, 1976.— С.
44—46.
¹⁹¹ Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства.— 81 с.
¹⁹² Логофет Д. Н. Страна бесправия.— СПб., 1909.— 50 с.
¹⁹³ Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.— 800 с.
¹⁹⁴ Липский В. И. Горная Бухара.— Ч. 3.— СПб., 1905.— 584 с.
¹⁹⁵ Варыгин М. А. Указ. соч.— 800 с.; см. также: Логофет Д. Н. Страна
бесправия.— 50 с.; его же. Бухарское ханство под русским протекторатом.—
Т. 1.— С. 257—258; его же. Бухарская армия //Разведчик.— 1906.— № 831.—
С. 704—705.
¹⁹⁶ ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, ед. хр. № 132, л. 184.
¹⁹⁷ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 2.—
264 с.
¹⁹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 23.— 146 с.
¹⁹⁹ Логофет Д. Н. Указ. соч.— 264 с.
²⁰⁰ См. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир...— Ч. 2.— 347 с.
²⁰¹ Логофет Д. Н. Указ. соч.— 266 с.
²⁰² Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир.— Ч. 2.— 324 с.
²⁰³ Там же.
²⁰⁴ Подробно о восстании Каландаршо см. Маджлисов А. Каратегин нака-
нуне установления Советской власти.— С. 98—105.
²⁰⁵ Искандаров Б. И. Указ. соч.— 347 с.

РУССКИЕ УЧЕНЫЕ ОБ ЭКОНОМИКЕ И КУЛЬТУРЕ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ

Ремесленное производство

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— 329 с.
² Там же.
³ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и
Дарваза.— М., 1903; его же. По границам Бухары и Афганистана (путевые
очерки 1898 г.) //Исторический вестник.— 1902.— Т. 87.— № 3.— С. 961—992.
⁴ Снесарев А. Е. Восточная Бухара (Военно-географический очерк) //Сбор-
ник материалов по Азии.— Вып. 79.— СПб., 1906.
⁵ Капитан Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина //Сбор-
ник материалов по Азии.— Т. 33.— СПб., 1888.— С. 5—53.
⁶ Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства //Изв. РГО.— Т. 52.—
Вып. 10.— 1916.
⁷ Маев Н. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края.— 191 с.;
см. также: Нарзикулова И. К. Краткие сведения о дореволюционной кустарной
промышленности Таджикистана.— 36 с.; Ершов Н. К. Каратаг и его ремесла—
С. 38—77.
⁸ Грум-Гржимайло Г. Е. Очерки При-Памирских стран //Изв. РГО.— Т. 2.—

1886.—Вып. 2.—104 с.; О производстве шелковых материй в Бухарском ханстве см. Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.—Т. 1.—СПб., 1911.—С. 272—273.

⁹ Грум-Гржимайло Г. Е. Очерки При-Памирских стран.—104 с. примеч.; см. также: Маев Н. Указ. соч.—С. 190—191; Губаревич-Радобильский А. Экономический очерк Бухары и Туниса.—СПб., 1905.—76 с.

¹⁰ Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-дарьи. (Военно-статистический очерк) //Сборник материалов по Азии.—Вып. 57.—СПб., 1894.—255 с.

¹¹ Нарзикулов И. К. Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана.—15 с. По его словам, ни в одном из населенных пунктов Восточной Бухары не было столько ткацких станков, сколько имелось в Каратаге (см. Указ. соч.—36 с.)

¹² ЦГВИА, ф. 1438, оп. 1, д. 5, л. 26.

¹³ Там же.

¹⁴ Абрамов К. А. Записка о Каратегинском владении.—109 с.; см. также: Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи.—СПб., 1879.—197 с.; Грум-Гржимайло Г. Е. Очерки При-Памирских стран.—104 с.

¹⁵ Капитал Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина.—56 с.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор.—56 с.

¹⁸ Семенов А. А. Указ. соч.—18 с.

¹⁹ Семенов А. А. Указ. соч.—С. 57—58.

²⁰ См. История таджикского народа.—Т. 2, кн. 2.—М., 1964.—93 с.

²¹ Масальский В. И. Туркестанский край.—530 с.; см. также: Гольбек. Предварительный отчет о путешествии через Бухарское ханство //Изв. РГО.—Т. 51, 1915.—С. 79—83; Денике Б. П. Искусство Средней Азии.—М., 1927.—С. 50—51.

²² Радлов В. В. Средняя Зарафшанская долина //ЗИРГО.—Т. 6.—1880.—43 с.

²³ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.—Т. 1.—СПб., 1911.—274 с.

²⁴ Семёнов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор.—39 с.; подробно о способе изготовления гончарных изделий см.: Таджики Каратегина и Дарваза.—Вып. 1.—С. 230—260.

²⁵ См. Пещерова Е. М. Гончарное производство у горных таджиков //Изв. среднеаз. географ. общ.—Т. 19.—Ташкент, 1925.—С. 25—37.

²⁶ Пещерова Е. М. Цех гончаров у народов Средней Азии в конце XIX—начале XX вв. //Краткие сообщения института этнографии.—Вып. 26.—1957.—С. 37—39, О развитии гончарного производства в Каратаге. См.: Ершов Н. Н. Каратаг и его ремесла.—С. 77—101.

²⁷ См. Ершов Н. Н. Ремесло таджиков Каратегина и Дарваза //Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР.—Вып. 1 (36).—1964.—38 с.

²⁸ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи.—197 с.

²⁹ См. Маев Н. Очерки Бухарского ханства.—С. 190—191; Губаревич-Радобильский А. Экономический очерк Бухары и Туниса.—77 с.

³⁰ Маев Н. Указ. соч.—С. 190—191. Наличие цехов в Кулябе отмечает Варыгин М. А. «Лавки, как везде по Бухаре,—писал он,—расположены рядами по роду торговли, а мастерские по цехам» (Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.—775 с.). Исследования ученых показали наличие более крупных цехов в городах Восточной Бухары. Например, Нарзикулов И. К., опираясь на сведения местных старожилов, пишет, что «в Каратаге на одного крупного предпринимателя в мастерской работало десять рабочих, а на дому 20—25 чел.» ((Нарзикулов И. К. Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана.—61 с.). Это уже свидетельствует о появлении капиталистического способа производства. «В основе организации ремесел у таджиков Средней Азии, лежало цеховое устройство, в каждом цехе были

старшины, мастера и ученики». — Народы Средней Азии и Казахстана. (Этнографические очерки). — Кн. 1. — М., 1962. — 576 с.

³¹ На сабли большой спрос был, видимо, в годы независимости края, когда не утихали междоусобные войны между соседними феодальными государствами. Об этом, в частности, рассказал Логофету Д. Н. чиновник, сопровождавший его от Денау до Гиссара. «Прежде, — рассказал он, — у нас очень хорошие мастера были, в Гиссаре и Калаи-Хумбе много клинков выделявали. Ну, а теперь войны нет, и вместо сабель ножи, да лемехи к плугам делают» (Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары. — СПб., 1913. — 219 с.).

³² Маев Н. Указ. соч. — С. 180—191.

³³ См., напр.: Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу в 1882 г. (путевые записки // Изв. РГО. — Т. 20. — 1884. — Вып. 6. — 596 с.; капитан Стеткевич. Басейн Каратаг-Дарьи. — С. 255—256; Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. — Т. 96. — СПб., 1904. — 325 с. См. также: Ершов Н. Н. Каратаг и его ремесла. — С. 102—105.

³⁴ Грум-Гржимайло Г. Е. Очерки При-Памирских стран. — 104 с.; см. также: Эдельштейн Я. С. Сообщения о просмотренной рукописи полк. Дейхеля «Дарваз» // Изв. РГО — Т. 47. — 1911. — С. 22—23.

³⁵ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. — 197 с.

³⁶ Семенов А. А. Этнографические очерки... — 64 с.

³⁷ Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. — 89 с.

³⁸ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. — Т. 1. — С. 273—274.

³⁹ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. — 197 с.

⁴⁰ Андреев М. С. Выработка железа в долине Ванча. — Ташкент, 1926. — 17 с.

⁴¹ Бобринской А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза. — М., 1900. — 10 с.; см. также: Бубнова М. А. Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI—XIX вв. — М., 1975. — 59 с.

⁴² Бобринской А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза. — 10 с.

⁴³ Семенов А. А. Этнографические очерки... — 62 с.; подробный перечень железных изделий см. в указ. соч. — С. 63—64.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Подробнее см. Ершов Н. Н. Ремесла таджиков Каратегина и Дарваза // Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР. — 1964. — № 1 (36). — С. 34—35.

⁴⁶ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. — Т. 1. — 274 с.

⁴⁷ Бобринский А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза. — 6 с.

⁴⁸ Семенов А. А. Этнографические очерки... — 40 с.; см. также. Бобринской А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза. — 11 с.

⁴⁹ См. Ершов Н. Н. Ремесла таджиков Каратегина и Дарваза. — 38 с.; История таджикского народа. — Т. 2, кн. 2 — М., 1964 — 96 с. Таджики Каратегина и Дарваза. — С. 260—290.

⁵⁰ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. — Т. 1. — 273 с.

⁵¹ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. — Т. 1. — 273 с.

⁵² См. Логофет Д. Н. Указ. соч. — 275 с.; Гаевский П. Курган-Тюбинское бекство. — 58 с.

⁵³ Бронников П. Поездка в горную Бухару // Туркестанские ведомости. — 896. — № 29.

⁵⁴ Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства. — С. 775—776.

⁵⁵ Рожевиц Ю. Р. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906 г. // Изв. РГО. — Т. 44. — Вып. 9. — 1908. — 624 с.

⁵⁶ Логофет Д. Н. Указ. соч. — 275 с.

⁵⁷ Логофет Д. Н. Указ. соч. — 275 с.

⁵⁸ Архив ГО, ф. 83, оп. 1, д. 36, лл. 84—85; см. также: Рожевиц Р. Ю. Указ. соч.— 524 с.

⁵⁹ Бобринской А. А. Орнамент горных таджиков Дарваза.— 6 с.
⁶⁰ Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана (путевые очерки 1898 года) //Исторический вестник.— Т. 88.— 1902.— С. 112—113.

⁶¹ Колпаков А. А. Из недавнего прошлого Кабадиана //Матер. и исслед. по археологии СССР.— 1953.— № 37.— 304 с.

⁶² Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана //Исторический вестник.— Т. 87.— 1902.— С. 984—985.

⁶³ Бурдуков Н. Гончарные изделия Средней Азии.— СПб., 1904.— 4 с.

РОЛЬ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ

⁶⁴ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— 298 с.
⁶⁵ См. Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении.— Ч. 2.— М., 1955; Кисляков А. А. Семья и брак у таджиков (по матер. конца XIX—нач. XX вв.)— М., 1959; его же. Очерки по истории Каратегина.— Сталинабад, 1954.— С. 87—89; Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.— Ч. 2.— С. 265—315; его же. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России.— Таджикгосиздат, 1960.—

С. 133—146; его же. Из истории проникновения капиталистических отношений...— С. 52—110; Малджисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX—нач. XX вв.— С. 208—215; его же. Каратегин накануне установления советской власти.— С. 75—80; Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX—начале XX вв.— С. 64—82; его же. Вахшская долина накануне установления советской власти.— С. 76—89; Бокиев О. Торговля на территории Таджикистана в освещении русской дореволюционной периодической печати //Сб. работ аспирантов ТГУ.— Вып. 6.— 1968.— С. 116—132 и др.

⁶⁶ См. Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края.— 222 с.

⁶⁷ Маев Н. А. Указ. соч.— 233 с.

⁶⁸ Маев Н. А. Указ. соч.— С. 190—191.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Архив ГО, р. 89, оп. 1, д. 9, л. 89.

⁷¹ Там же.

⁷² Архив ГО, р. 89, оп. 1, д. 8, л. 78.

⁷³ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края.— 239 с.

⁷⁴ Абрамов К. А. Записка о Каратегинском владении.— 109 с.

⁷⁵ Арандаренко Г. А. Каратегин (по расспросным сведениям) //Военный сборник.— Т. 121.— 1878.— № 5.— 124 с.

⁷⁶ Арандаренко Г. А. Указ. соч.— 125 с.

⁷⁷ Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-Дарья.— 257 с.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Косяков П. Е. По Каратегину и Дарвазу в 1882 году. (Путевые записки) //Изв. РГО.— Т. 20.— Вып. 7.— СПб., 1884.— 602 с.

⁸⁰ Арандаренко Г. А. Каратегин. (По расспросным сведениям) //Военный сборник.— Т. 121.— 1878.— № 5.— С. 124—125; См. там же Ошанин В. Ф. Каратегин-Дарваз. //Изв. РГО.— Т. 17.— 1881.— Вып. 1.— 45 с.

⁸¹ Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин (этнограф. очерк) //Военный сборник.— Т. 154.— 1883.— № 11.— 156 с.

⁸² Капитан Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина.— 22 с.

⁸³ Регель А. Э. Поездка в Каратегин и Дарваз. //Изв. РГО.— Т. 18.— 1882.— Вып. 2.— 140 с.

⁸⁴ Гилкин А. Военно-статистический очерк Средней и Южной Сурханской долины 1889 г. //Сб. материалов по Азии.— Вып. 57.— СПб., 1894.— С. 376—377.

- ⁸⁵ Ср. базарные цены; Галкин А. Указ. соч.— С. 376—377; капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-Дарьи.— 257 с.; Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин (этногр. очерк) // Военный сборник.— Т. 154.— 1883.— № 11.— 156 с. и др.
- ⁸⁶ Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-Дарьи.— 252 с.
- ⁸⁷ Там же.— 257 с.
- ⁸⁸ Капитан Лилянталь. Гиссарское и Кабадианское бекства.— 1889 г. // Сб. материалов по Азии.— Вып. 57.— СПб., 1894.— 318 с.
- ⁸⁹ Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-Дарьи.— 256 с.
- ⁹⁰ Галкин А. Военно-статистический очерк средней и южной части Сурханской долины.— 374 с.
- ⁹¹ Галкин А. Указ. соч.— С. 374—375.
- ⁹² Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане.— СПб., 1889.— С. 460—461; См. также: Васильев. Краткое статистическое описание Каратегина.— 20 с.
- ⁹³ Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана (путевые очерки) 1898 г. // Исторический вестник.— Т. 88.— 1902.— С. 112—113.
- ⁹⁴ Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кабадиана.— 304 с.
- ⁹⁵ Нечаев А. В. По горной Бухаре (путевые очерки).— СПб., 1914.— 32 с.
- ⁹⁶ Литвинов Б. Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник.— 1904.— Т. 98.— 330 с.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Архив ГО, ф. 83, оп. 1, д. 36, л. 114.
- ⁹⁹ Литвинов Б. Н. Указ. соч.— С. 701—702.
- ¹⁰⁰ Липский В. И. Горная Бухара.— Ч. 2.— СПб., 1902.— 398 с.; см. также: Рожевиц Р. Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару // Изв. РГО.— Т. 44.— 1908.— Вып. 9.— 634 с.
- ¹⁰¹ Архив ГО, р. 65, оп. 1, д. 52, л. 17.
- ¹⁰² Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана. (Путевые очерки) 1888 г. // Исторический вестник.— Т. 87.— 1902.— С. 969—970.
- ¹⁰³ По обычным дням работали только несколько постоянных лавок.
- ¹⁰⁴ Варыгин М. А. Указ. соч.— 776 с.
- ¹⁰⁵ См. Варыгин М. А. Указ. соч.— 777 с.
- ¹⁰⁶ По словам Снесарева, в Кулябском бекстве бятман равнялся 16 пудам, в Балджуанском — 12,4/5 пудам; См. Снесарев. Восточная Бухара (Военно-геогр. очерк) // Сб. материалов по Азии.— Вып. 79.— СПб., 1906.— 65 с.
- ¹⁰⁷ Снесарев А. Е. Восточная Бухара.— С. 68—69.
- ¹⁰⁸ ЦГВИА, ф. 1438, оп. 1, д. 5, л. 26.
- ¹⁰⁹ Архив ГО, ф. 83, оп. 1, д. 36, л. 84; см. также: Снесарев. Указ. соч.— 4 с.
- ¹¹⁰ Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары (Очерки Средней Азии).— СПб., 1913.— 276 с.; см. также: Гаевский П. Курган-Тюбинское бекства.— С. 5—58.
- ¹¹¹ Логофет Д. Н. Указ. соч.— 335 с.
- ¹¹² Снесарев А. Е. Восточная Бухара.— 66 с.
- ¹¹³ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина Дарваза.— М., 1903.— 52 с.
- ¹¹⁴ Регель А. Э. Поездка в Каратегин и Дарваз.— 140 с.
- ¹¹⁵ Капитан Кузнецов. Дарваз. Новый Маргелан.— 1893.— 68 с.
- ¹¹⁶ См. Семенов А. А. Указ. соч.— 16 с.
- ¹¹⁷ См. Семенов А. А. Указ. соч.— 16 с.; Логофет Д. Н. В горах и на равнинах Бухары.— 402 с.
- ¹¹⁸ Капитан Кузнецов. Дарваз.— С. 86—88.
- ¹¹⁹ Снесарев А. Е. Восточная Бухара.— С. 67—68.
- ¹²⁰ Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.— 776 с.
- ¹²¹ Тенга — серебряная монета — в то время равнялась 16 или 15 копеек, в зависимости от курса. См. Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор.— 50 с.

- 122 Семенов А. А. Указ. соч.— С. 50—52.
- 123 Снесарев А. Е. Восточная Бухара.— 69 с.; см. также.— 67 с.
- 124 Снесарев А. Е. Указ. соч.— 70 с.
- 125 Там же.
- 126 Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-Дарьи.— 256 с.
- 127 Бендерский Н. Е. Гиссарское бекство // Туркестанские ведомости.— 1904.— № 42.
- 128 Согласно подсчетам члена Восточно-Бухарского товарищества З. А. Белиницкого, урожай хлопка-сырца в Курган-Тюбинском, Гиссарском, Ширабадском, Байсунском, Кулябском, Кабадианском и Денауском бекствах в 1915 г. «достиг количества от 90 тыс. до 100 тыс. батманов», когда, по его же словам, всего 5 лет назад в этих районах (кроме Ширабадского бекства) почти не было хлопка (ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 919, л. 17).
- 129 Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану.— Ташкент, 1901.— 112 с.
- 130 ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 118, л. 5.
- 131 См. Галкин А. Краткий очерк Бухарского ханства // Военный сборник.— Т. 196.— 1890.— № 12.— 404 с.; также Петровский Н. Моя поездка в Бухару // Вестник Европы.— Т. 2.— 1873.— 228 с.
- 132 См. Бокеев О. Торговля на территории Таджикистана в освещении русской дореволюционной периодической печати.— 124 с.
- 133 Логофет Д. Н. Страна бесправия — СПб., 1909.— 86 с.
- 134 ЦГА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 617, л. 3.
- 135 Сохранилась переписка кушбеги с Российским Политическим Агентством в Бухаре об ассигновании 3000 руб. и предоставлении 500 рабочих для разработки дорог на Памир, от 18 февраля 1912 г. (См. ЦГА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 125, лл. 1—8).
- 136 Наливкин Д. В. Предварительный отчет о поездке летом 1915 г. в Горную Бухару и на западный Памир.— Пг., 1916.— 2 с.
- 137 Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-Дарьи.— 256 с.; см. также: Бендерский Н. А. Гиссарское бекство // Туркестанские ведомости.— 1905.— № 42.
- 138 Литвинов В. Н. Через Бухару на Памир.— С. 714—715.
- 139 Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистана // Исторический вестник.— Т. 87.— 1902.— 970 с.
- 140 Туркестан. Сборник статей, заметок и корреспонденций о Средней Азии, напечатанный в газетах (столичных и провинциальных), (в 30 томах).— Ташкент, (год сост. не указан. Хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве).— Т. 18.— 130 с.
- 141 Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 1.— С. 282—284; см. также: История таджикского народа.— Т. 2, кн. 2.— М., 1964.— 192 с.
- 142 ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 63, л. 8.
- 143 Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении.— Т. 1.— 3-е изд.— М., 1955.— 459 с.
- 144 Архив ГО, ф. 32, оп. 1, д. 42, л. 49.
- 145 Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-Дарьи.— 256 с.
- 146 Липский В. И. Горная Бухара.— 1896.— Ч. 1.— СПб., 1902.— 106 с.
- 147 Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства.— 775 с.
- 148 См. Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза.— 166 с.
- 149 Мазов С. Восточная Бухара, Бадхшан и Северный Афганистан (по чужим и своим наблюдениям и заметкам) // Русское дело.— 1886.— № 17.
- 150 Грум-Гржимайло Г. Е. Очерки При-Памирских стран.— 24 с.
- 151 Архив ГО, р. 65 (В), оп. 1, д. 43, л. 3.
- 152 Архив ГО, ф. 32, оп. 1, д. 42, л. 49.
- 153 Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану.— Ташкент, 1901.— 133 с.

- ¹⁵⁴ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.— Ч. 2.— 242 с.
- ¹⁵⁵ Маджлисов А. Аграрные отношения...— 214 с.
- ¹⁵⁶ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.— Ч. 2.— 242 с.
- ¹⁵⁷ Логофет Д. Н. Страна бесправия.— С. 199—200.
- ¹⁵⁸ Архив ГО, ф. 83, оп. 1, д. 36, л. 15.
- ¹⁵⁹ ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 27, ед. хр. 1788, л. 14.
- ¹⁶⁰ ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 296, л. 50.
- ¹⁶¹ Маджлисов А. Аграрные отношения...— 213 с.
- ¹⁶² ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 296, л. 22.
- ¹⁶³ См. Маджлисов А. Указ. соч.— С. 213—214.
- ¹⁶⁴ ЦГИА УзССР, ф. 126, оп. 2, д. 836, лл. 1—6.

К у л ь т у р а

- ¹⁶⁵ См. Радлов В. Средняя Зерафшанская долина, отд. Из «Зап. РГО» по отд. этнографии.— Т. 6.— 1880.— С. 19—21; см. также: История таджикского народа.— Т. 2, кн. 2.— 293 с.
- ¹⁶⁶ Туркестанский край (издание общества распространения полезных книг) // Книга для школ.— М., 1872.— № 59.— 34 с.; см. также: Радлов В. Указ. соч.— 20 с.
- ¹⁶⁷ Туркестанский край.— С. 33—34.
- ¹⁶⁸ Там же.— 35 с.
- ¹⁶⁹ Покотило Н. Н. Путешествие в центральную и южную Бухару в 1886 году. (Очерки Дарваза) // Изв. РГО.— Вып. 6.— Т. 25.— 1889.— 498 с.
- ¹⁷⁰ Регель А. Э. Поездка в Каратегин и Дарваз.— 140 с.
- ¹⁷¹ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 2.— С. 16—17.
- ¹⁷² Радлов В. Средняя Зерафшанская долина.— С. 20—21; см. также: Лавров В. Жилищная архитектура среднеазиатского города // Архитектура СССР.— 1934.— № 8.— С. 40—47.
- ¹⁷³ См. Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства // Материалы для статистики Туркестанского края.— Вып. 5.— 308 с.; Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 2.— С. 144—152.
- ¹⁷⁴ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.— Т. 2.— 7 с.
- ¹⁷⁵ Там же.— 11 с.
- ¹⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 24.— С. 120—121.
- ¹⁷⁷ Подробнее см.: Фольклори Тоҷик.— Душанбе, 1957.— С. 401—402; см. также: История таджикского народа.— Т. 2, кн. 2.— М., 1964.— С. 286—287.
- ¹⁷⁸ Регель А. Э. Поездка в Каратегин и Дарваз.— 140 с.; Кузнецов. Дарваз.— С. 66—67; Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане.— 576 с.; Венхо. Новый год в Горной Бухаре (очерк) // Живописное обозрение.— 1898.— № 4.— С. 5—78.
- ¹⁷⁹ Подробнее см. Нурджанов Н. Таджикский народный театр (по материалам Кулябской области).— М., 1956.
- ¹⁸⁰ См. Айни С. Назаре ба гузаштаи санъати тоҷик // Шарқи сурх.— 1941.— 15 с.
- ¹⁸¹ См.: Карим Девона. Сатрҳои оташии (Пламенные строки).— Сталинад, 1958.
- ¹⁸² Подр. о них см. Мероси адабии шоирони Ҳисор (аз нимаи дуввуми асри XVIII, то ибтидои асри XX) (сост. Хабибов А.).— Душанбе, 1974.— С. 08—227.

- ¹⁸³ См. Эҷодиёти даҳанакии аҳолии Қўлоб.— Ҷ. 1.— Сталинабад, 1956.—
- 225 с.
- ¹⁸⁴ Дехотӣ А. Шонрони кӯҳястони.— Қуллӣёт ҷилди 5.— Душанбе, 1966.—
- 30 с.; Более подробно о народных поэтах Восточной Бухары см.: Ганҷи парешон (составитель Хабибов А.) Душанбе: Ирфон, 1984.
- ¹⁸⁵ Там же.